

ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2021 7 (849)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

1930

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2021

7

выпуск 849

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

1930

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2021

7

Issue 849

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Иришханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Иришханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)

Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАН, д-р техн.
наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Мальгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук

Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Букина А. В.</i> Мультимодальное взаимодействие в агитационном дискурсе	9
<i>Бухарова А. А.</i> Механизм перефокусирования в лексико-грамматической конструкции [det] Y _(PARIS) of Z как основа ее интерпретации	20
<i>Валулина Т. А.</i> Наследие Э. Сепира в канадской лингвистике и лингвистической антропологии	35
<i>Гусева А. П.</i> Когерентность полимодального художественного дискурса: лингвопрагматические и когнитивные основания	50
<i>Данилин А. С., Мавлеев Р. Р.</i> Сравнительный анализ способов аббревиации в англоязычной и русскоязычной военной терминологии	61
<i>Климова Г. В.</i> Современная индустрия развлечений: мужлические отношения (на англ. яз.)	76
<i>Кобелева Е. В.</i> К вопросу синонимии лексико-семантических единиц «a businessman» и «a business, man» в ее американской языковой картине мира	87
<i>Куницына О. М.</i> Активная роль адресата при восприятии поликодового текста	98
<i>Назарова Н. Е.</i> К определению понятия военно-политического дискурса	107
<i>Найок О. Б.</i> Визуальный компонент в пародийном художественном дискурсе на примере дневниковых записей	117

<i>Некрасова И. М.</i> «Пассивообразные» формы с позиционными связками в английском языке	132
<i>Порохничкая Л. В.</i> Семантические параметры рифмованных субститутов	145
<i>Сескутова И. К.</i> Музыкальная риторика как инструмент интерпретации текста	153
<i>Токарева Н. Д.</i> Манипулятивное использование стилистических средств в редакционных статьях британской газеты «The Daily Mail»	166
<i>Черемисина Т. И.</i> Компонентное моделирование чинглиш как специфического явления межкультурной коммуникации	181
<i>Штукарева Е. Б.</i> Талантизм: новое заимствование в русском языке	197

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Остапенко Д. И.</i> Характеристика переводческих примечаний к роману Дж. Фаулза «Любовница французского лейтенанта»	208
<i>Хорькова И. В.</i> Арнобий Афр и его апология «Против язычников»	220

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Галимзянова А. К.</i> Панда-дипломатия как проводник внешней культурной политики Китая	232
<i>Тарасова Е. И., Найдено А. В.</i> Особенности современной культурной политики Китая: основные направления и тенденции развития	242

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Bukina A. V.</i> Multimodal Interaction in Propaganda Discourse	9
<i>Bukharova A. A.</i> Refocusing in the Construction [det] Y _(PARIS) of Z as the Base for its Interpretation	20
<i>T.A. Valiulina</i> Edward Sapir's Legacy in Canadian Linguistics and Linguistic Anthropology	35
<i>Guseva A. P.</i> Linguopragmatic and Cognitive Bases of Coherence in Multimodal Literary Discourse	50
<i>Danilin A. S., Mavleev R. R.</i> Comparative Analysis of Abbreviation Methods in English and Russian Military Terminology	61
<i>Klimova G. V.</i> Modern Media and Entertainment Industry: Interpersonal Relations	76
<i>Kobeleva E.V.</i> On the Problem of Synonymy of Lexical and Semantic Units "a Businessman" and "a Business, Man" in the American Language Worldview	87
<i>Kunitsyna O. M.</i> The Active Role of the Addressee in the Perception of a Multimodal Text	98
<i>Nazarova N. Eu.</i> On the Definition of the Concept of Military-Political Discourse	107
<i>Nayok O. B.</i> Visual Component in the Discourse of Parody Represented by Personal Diaries	117
<i>Nekrasova I. M.</i> "Quasi-Passive" With Positional Copula Verbs in English	132
<i>Porokhnitskaya L. V.</i> Semantic Features of Rhyming Slang Units	145

<i>Seskutova I. K.</i>	
Musical Rhetoric as a Tool for Text Interpretation	153
<i>Tokareva N. D.</i>	
Manipulative Use of Stylistic Means in Editorial Articles of the Daily Mail (UK)	166
<i>Cheremisina T. I.</i>	
Classification of “Chinglish” Components as a Specific Phenomenon of Intercultural Communication	181
<i>Shtukareva E. B.</i>	
Talentism: a New Borrowing in the Russian Language	197

LITERARY STUDIES

<i>Ostapenko D. I.</i>	
The Characteristics of the Translator’s Footnotes to the Novel “The French Lieutenant’s Woman” by J. Fowles	208
<i>Khorkova I. V.</i>	
Arnobius Afer and his Apology “Against the Pagans”	220

CULTUROLOGY

<i>Galimzyanova A. K.</i>	
Panda-Diplomacy as a Guide of Foreign Cultural Policy of China	232
<i>Tarasova E. I., Naydenko A. V.</i>	
Characteristics of Modern Cultural Policy of China: the Main Directions and Development Tendencies	242

УДК 811.111

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_9

А. В. Букина

аспирант кафедры стилистики английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
anna.vk27@gmail.com

МУЛЬТИМОДАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В АГИТАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается актуальное для современной лингвистики явление мультимодальности. Анализируется прагматика мультимодального взаимодействия в англоязычном агитационном дискурсе с позиций стилистики английского языка. Особое внимание уделяется изучению экспрессивности плаката как характерной особенности данного дискурса и роли лингвистического и социокультурного контекстов, обеспечивающих и усиливающих экспрессивность языковых и невербальных средств.

Ключевые слова: мультимодальность; агитационный дискурс; англоязычный плакат; экспрессивность; прагматика; стилистические средства; социокультурный контекст.

A. V. Bukina

Postgraduate Student, Department for English Stylistics
Faculty of English
Moscow State Linguistic University
anna.vk27@gmail.com

MULTIMODAL INTERACTION IN PROPAGANDA DISCOURSE

The article is devoted to multimodality, which is a relevant phenomenon to modern linguistics. The article examines the pragmatics of multimodal interaction in the English discourse of propaganda and agitation from a perspective of English stylistics. A special emphasis is laid on the expressiveness of a political poster as a key parameter of the given discourse as well as the role of the linguistic and sociocultural contexts that determine and enhance the expressiveness of verbal and non-verbal means.

Key words: multimodality; agitation and propaganda discourse; English poster; expressiveness; pragmatics; stylistic means; sociocultural context.

Введение

В последнее время в лингвистике можно наблюдать два направления в изучении мультимодальности: изучение взаимодействия вербального и просодического каналов в жестовых языках и изучение вербального и визуального каналов в самых разных дискурсах. В первую очередь ввиду развития новых технологий много работ посвящено медиа- и интернет-дискурсу [Колесникова 2018; Сескутова 2014]; также есть примеры работы, посвященные художественным жанрам, характеризующихся гетерогенностью текста [Первенцева 2007].

В статье мы рассмотрим агитационный мультимодальный дискурс, в котором визуальные средства усиливают убедительность и эмоциональность сообщения. Преследуя прагматистические цели (как и с помощью каких средств осуществляется воздействие в мультимодальном агитационном дискурсе), мы не будем углубляться в разницу между терминами «агитация» и «пропаганда» и будем считать любой плакат, созданный в политических целях, в целях распространения определенных идей в обществе, – агитационным. Прекрасно понимая, что с политологической точки зрения эти понятия не равны [Баранов, Паршин 2017], можно предположить, что со стилистической точки зрения языковые средства и особенности агитационного и пропагандистского дискурса имеют минимальное различие, учитывая, что и агитационный дискурс, и дискурс пропаганды является частью обширного политического дискурса, который не имеет единого определения [Dijk 1997].

Как и любой другой дискурс, агитационный дискурс накладывает ряд ограничений как на выбор стилистических средств, так и дискурсивно-прагматические характеристики сообщения. В отличие от других видов дискурса, направленных на убеждение, агитационный дискурс характеризуется максимальной эмоциональностью и предполагает безоговорочное согласие. Эта разница во многом определяет выбор стилистических средств и приемов. Так, например, для агитационного дискурса характерно применение эмоционально-окрашенных слов с отрицательной коннотацией, в то время как для рекламного дискурса эмоциональность будет передана словами с положительной окраской; в агитационном дискурсе широко используется повелительное наклонение, восклицательные предложения, для рекламного и PR дискурсов – более характерны завуалированные приемы воздействия [Соколова 2014], такие как языковая игра, ирония.

Определенные ограничения в выборе средств также накладывает формат агитационного плаката: «пространство» для выражения ограничено, следовательно используемые средства лаконичны и неразнообразны.

Тематически агитационный дискурс будет являться частью дискурса ненависти, страха, войны и др. Элементы этих дискурсов – в особенности, принадлежащие к семантической оппозиции «свой – чужой» – будут активно использоваться в нем. И путем многократного повторения создавать эффект максимального эмоционального воздействия.

Называя дискурс мультимодальным, мы имеем в виду, что передача сообщения осуществляется в нем через несколько каналов – модусов восприятия. При этом, что нам кажется особенно важным, «каждый модус – это лишь частичный носитель глобального значения сообщения» [цит. по: Кибрик 2010, с. 146].

Подобное взаимодействие рассматривалось на примере различных дискурсов, преимущественно с семиотических позиций. В данной статье мы бы хотели несколько больше углубиться в изучение мультимодального взаимодействия в агитационном дискурсе с позиций стилистики английского языка и рассмотреть различные прагмастилинические параметры, которые определяют выбор средств при передаче сообщения в мультимодальном дискурсе. Ключевую роль при этом будет играть контекст – как в узком, так и в широком культурологическом смысле, который мы бы хотели выделить как отдельный компонент взаимодействия. Другими словами, мы бы хотели подойти к проблеме максимально комплексно (насколько это возможно в рамках статьи) и проанализировать данные ключевые факторы, задействованные для передачи сообщения в агитационном мультимодальном дискурсе.

Контекст является самым незаметным, однако весьма важным компонентом, так как выполняет связующую роль как внутри вербального и невербального, так и между ними. Кроме того, более широкий лингвокультурный контекст представляет собой общее поле для всех единиц данного дискурса (а также единиц других дискурсов), которое, с одной стороны, напитывает смыслом каждую единицу, а с другой – постоянно обогащается за счет каждой единицы дискурса. Этот постоянный лингвокультурный взаимообмен между единицами одного и нескольких дискурсов позволяет раскрывать и усиливать значения каждой отдельно взятой единицы дискурса и каждого используемого в нем компонента.

Чтобы наглядно показать влияние контекста на раскрытие смысла сообщения в мультимодальном дискурсе, мы выбрали ряд контекстуально связанных плакатов. Плакаты посвящены антивоенной кампании времен войны США во Вьетнаме, т. е. относятся к одному временному периоду, одной культуре и транслируют одни и те же ценности. Роль контекста в тематически связанных единицах дискурса аналогична и может быть рассмотрена на примере плакатов (или текстов) самых разных периодов. Наш выбор обусловлен тем, что данные плакаты не рассматривались достаточно подробно ни в зарубежных, ни в отечественных работах.

Модели мультимодального взаимодействия

Итак, рассмотрим модели взаимодействия вербального и невербального в соответствии с параметрами: эксплицитность/имплицитность вербального компонента, однозначность/неоднозначность невербального, роль контекста (ведущая или вспомогательная) и попытаемся ответить на вопрос, какой компонент играет ведущую роль.

1. Вербальный компонент «ведущий». Он выполняет ведущую роль в осуществлении коммуникативной задачи и не нуждается в невербальном для раскрытия смысла. Невербальный компонент является дополнительным, усиливает эмоциональное воздействие, но не играет ведущую роль. Скорее дублирует сообщение вербального и не привносит важную для понимания мультимодального высказывания информацию.

Рис. 1

Так, в первом примере (см. рис. 1) смысл высказывания *Join the navy / see the world... or what's left of it* эксплицитен, даже несмотря на использование элементов языковой игры через иронию, и может быть использован автономно (как отдельно взятый компонент). Изображение масштабного взрыва на территории США иллюстрирует вторую часть вербального высказывания и поддерживает идею всего высказывания. Мультимодальное высказывание эмоционально, и этому способствует ирония вербального компонента и характер

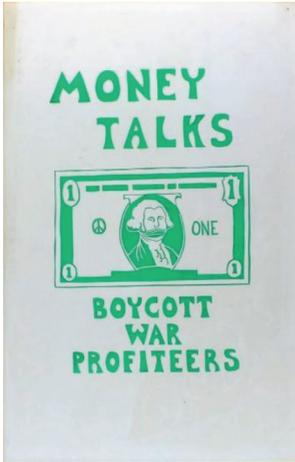

Рис. 2

изображения невербального. Выбор территории США неслучаен для выполнения коммуникативной задачи, учитывая экстралингвистические факторы: плакат направлен на американцев, на которых изображение взрывов их родной страны окажет наиболее сильное эмоциональное воздействие.

Во втором примере (см. рис. 2) мы наблюдаем аналогичную ситуацию – вербальное эксплицитно. Для полной передачи смысла первая часть высказывания *Money talks* нуждается в пояснении, ее смысл раскрывается с помощью второй части высказывания *boycott war profiteers*, т. е. смысл высказывания передается полностью вербально.

Главная функция невербального компонента заключается не в том, чтобы передать ключевую для понимания информацию, которая бы изменила смысл вербального высказывания, а подкрепить, продублировать и вызвать эмоциональный отклик. В данном случае через юмор, так как невербальный компонент представляет собой изображение доллара с некоторыми модификациями (символ «мир», завязанный рот Джорджа Вашингтона). В этом изображении также можно заметить пренебрежение к авторитетам – завязанный рот Джорджа Вашингтона, что перекликается с отрицательной коннотацией слова *profiteer*. Как и в первом примере, мы наблюдаем, что эмоциональное воздействие невозможно осуществить в полной мере, не прибегнув к значимым для аудитории символам.

2. Невербальный компонент «ведущий». Он играет ключевую роль для раскрытия смысла всего мультимодального высказывания. Можно выделить два подтипа.

В *первом подтипе* (см. рис. 3, 4) вербальный компонент обманчиво эксплицитен. Кажется, что текст плакатов – *Know your enemy, bring us together* – не нуждается в пояснениях. Однако невербальное – фотография раненого ребенка, графический рисунок христианского кладбища – привносит существенную информацию в мультимодальное высказывание и коренным образом влияет на его смысл.

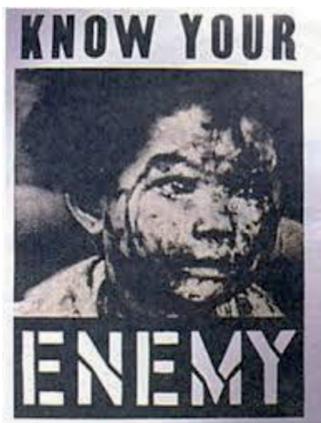

Рис. 3

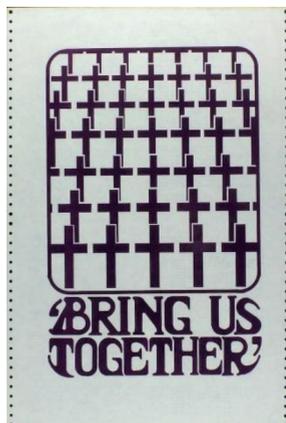

Рис. 4

Во втором подтипе (см. рис. 5, 6, 7) вербальное нуждается в невербальном, которое формирует узкий контекст мультимодального высказывания. В данных примерах вербальное принимает форму риторического вопроса – *Your son next? Are we next? Is this what you call*

Рис. 5

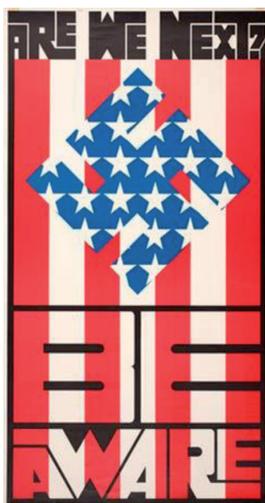

Рис. 6

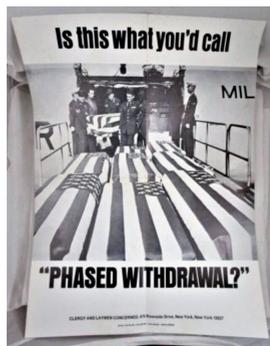

Рис. 7

“*Phased withdrawal*”? Сама форма вопроса заставляет нас искать ответ, который помогает найти невербальный компонент – изображение могилы американского солдата, использование цветов американского флага и нацистской свастики, фотография транспортированных гробов, покрытых американским флагом. Происходит взаимодействие, аналогичное языковой игре. Роль широкого культурологического контекста, как и в языковой игре, достаточно велика. При этом большую роль играет поясняющий фон невербального, без которого коммуникативная задача была бы не осуществима.

3. Контекст играет ведущую роль. Стоит отметить, что контекст чрезвычайно важен в любом типе взаимодействия. Однако в одних случаях широкий культурологический контекст может привносить только некоторые нюансы (например, активизировать интертекстуальные связи, иронию или другим образом усиливать эмоциональное воздействие), в других случаях, когда вербальное настолько имплицитно (или отсутствует), а невербальное неоднозначно, контекст берет на себе ведущую роль.

На следующем плакате (см. рис. 8) вербальный компонент *now* имплицитен, так как предельно лаконичен. Невербальный компонент – фотография афроамериканцев, участвующих в каком-то событии – предполагает сама по себе множество интерпретаций. Вербальный и невербальный компонент одинаково эмоционально насыщены: передают позитивное и решительное настроение. Только знание культурологического контекста позволяет предположить, что коммуникативная цель данного плаката – призвать к активным политическим действиям объясняет выбор вербальных и невербальных средств.

Еще в одном примере (см. рис. 9) отсутствует вербальный компонент как таковой. Отсутствие вербального компонента вызывает оправданный вопрос, можно ли причислять подобные изображения к плакатам,

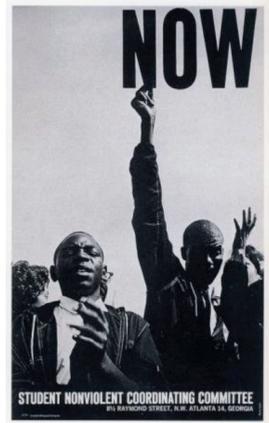

Рис. 8

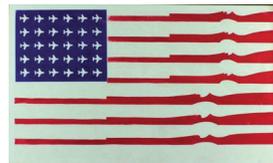

Рис. 9

которые предполагают вербальный компонент. Однако, если воспринимать дискурс как коммуникацию, отсутствие вербального высказывания, можно интерпретировать как молчание, паузу в коммуникации. А это уже будет мощным стилистическим приемом эмоционального воздействия. Всё внимание естественным образом, сосредотачивается на модифицированном изображении американского флага, которое намекает на милитаризм США.

Экстралингвистические факторы при этом играют ключевую роль для интерпретации мультимодального высказывания и передачи эмоционального заряда.

4. Невербальный компонент не выражен. Особый тип представляют собой плакаты, в которых отсутствуют изображения (см. рис. 10). Вербальный компонент играет ведущую роль для осуществления коммуникативной задачи.

Возникает схожий вопрос, как и в предыдущем пункте: можем ли мы считать плакат плакатом без невербального компонента? И в этом случае мы также можем говорить об особом стилистическом приеме – усилении эмоционального воздействия через отсутствие компонента. К тому же, сам вербальный компонент с помощью графических средств приобретает черты изображения.

Шрифт, пунктуация и расположение текста в таких моделях способствуют эмоциональному воздействию. Эти средства используются в тех же целях и в других моделях, однако здесь они выходят на первый план.

Рис.10

Заключение

В ходе исследования мы пришли к выводам, позволяющим несколько расширить понимание о прагматике агитационного мультимодального дискурса.

1. Мультимодальное взаимодействие – сложный семиотический процесс, обусловленный прагмастилистическими задачами. В агитационном дискурсе эти задачи сводятся к эмоциональному воздействию и убеждению.

2. Несмотря на повторяемость моделей мультимодального взаимодействия, нельзя однозначно определить ведущий компонент: роль ведущего может принимать как вербальный, так и невербальный компонент. При этом, узкий контекст всегда является активатором мультимодального взаимодействия, широкий контекст активизирует интертекстуальные связи и часто служит для создания эмоционального воздействия.
3. Набор стилистических средств – вербальных и невербальных – в агитационном дискурсе не характеризуется разнообразием. Это приводит к усилению роли контекста, с одной стороны; с другой – является само по себе стилистическим приемом, при котором намеренная повторяемость таких средств, как лексический повтор, в особенности повтор слов, принадлежащих к семантическому полю *война*, *враг*, и эмоционально окрашенных слов с негативной коннотацией, создает манипулятивный эффект.

Среди языковых средств самыми распространенными будут эпитеты, эмоционально окрашенные лексические единицы с явной коннотацией, употребление повелительного залога, риторических вопросов, лексических и синтаксических повторов, использование элементов языковой игры, а также специфической лексики (принадлежащей к определенным семантическим полям). К невербальным средствам, оказывающим воздействие и усиливающим прагматилистический потенциал вербальных компонентов, относятся цветовая схема, характер изображения, использование культурных символов.

4. Невербальный компонент часто используется клишировано. В рамках одной культуры невербальное более однозначно – использование изображения, цвета, а тем более символа более-менее закреплено, поэтому значение вербального компонента в плакатах – при наличии достаточных культурологических знаний – более устойчиво. А значит и более автономно, то есть независимо от контекста.

Из-за своей стабильности невербальное в большинстве случаев используется для создания эмоционального фона и является частью узкого контекста в плакате. Тем не менее данное утверждение не является абсолютным правилом, так как в некоторых моделях невербальное будет играть ведущую роль в донесении коммуникативного послания, особенно при тесном взаимодействии вербального

и невербального, схожим с языковой игрой, в котором игра происходит между вербальным и невербальными компонентами.

5) Как особый случай, стоит отметить использование в агитационном мультимодальном дискурсе таких лексических единиц, которые функционально наиболее приближены к знакам. Например, *vote, no, war* и др. Они настолько часто употребляются и настолько насыщены культурными ассоциациями, что используются как символы, а не как лексические единицы. Не последнюю роль при этом будут играть графические средства – шрифт, цвет и расположение текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Баранов А. Н., Паршин П. Б.* Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. № 2. Т. 12. С. 53–65. [Baranov, A. N., Parshin, P. B. (2017). The category of propaganda in the linguistic examination of a text. The theory and practice of forensic expertise, 2 (12), 53–65. (In Russ.)].
- Кибрик А. А.* Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. 2010. № 4. С. 134–152. [Kibrik, A. A. (2010). Multimodal Linguistics. Cognitive language studies, 4, 134–152. (In Russ.)].
- Колесникова О. Д.* Креолизованные или поликодовые тексты телевизионных новостей: к соотношению понятий // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 545–547. [Kolesnikova, O. D. (2018). Creolised or polycode texts of TV news: on the notions. The world of science, culture and education, 2(69), 545–547. (In Russ.)].
- Первенцева Е. В.* Смысловое пространство художественного дискурса и роль визуальной составляющей в его формировании: на материале англоязычной художественной прозы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. [Perventseva, E. V. (2007). Smyslovoye prostranstvo khudozhestvennogo diskursa i rol visualnoy sostavlyayushey v yego formirovaniy: na materiale angloyazychnoy khudozhestvennoy prozy (Area of meaning in the discourse of fiction and the role of the visual component in its formation: on the material of the English fiction): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Сескутова И. К.* Семиотические аспекты англоязычной публицистики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 19 (705). С. 135–143. [Seskutova, I. K. (2014). Semiotic aspects of political journalism. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 19(705), 135–143. (In Russ.)].
- Соколова О. В.* Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М. : Гнозис, 2014. [Sokolova, O. V. (2014).

Tipologiya diskursov aktivnogo vozdejstvija: poeticheskiy avangard, reklama i PR (Typology of active influence discourses: avant-garde poetry, advertising and PR). Moscow: Gnosis. (In Russ.)].

Dijk T. A. van. What is Political Discourse Analysis? // Belgian Journal of Linguistics. Political Linguistics. Amsterdam, 1997. Vol. 11.

УДК 811.111:373

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_20

А. А. Бухарова

аспирант кафедры лексикологии английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
monmaransi15@yandex.ru

МЕХАНИЗМ ПЕРЕФОКУСИРОВАНИЯ В ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ [DET] Y_(PARIS) OF Z КАК ОСНОВА ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье предпринимается попытка проанализировать принципы перефокусирования когнитивного механизма в ониме-этalone *Paris* в лексико-грамматической конструкции [det] Y_(Paris) of Z, используемой в качестве прозвища для городов мира. Проводится анализ фокусных сдвигов значения онима *Paris* с позиций теории распределения внимания. Анализируются принципы лексического заполнения позиции Z и ее роль в составе конструкции.

Ключевые слова: грамматика конструкций; теория распределения внимания; дефокусирование; перефокусирование; фигура; фон; оним; precedentное имя.

A. A. Bukharova

Postgraduate Student, Department of English Lexicology
Faculty of English
Moscow State Linguistic University
monmaransi15@yandex.ru

REFOCUSING IN THE CONSTRUCTION [DET] Y_(PARIS) OF Z AS THE BASE FOR ITS INTERPRETATION

The present article seeks to study the principles of the cognitive refocusing mechanism in the semantics of the paragon-onym *Paris* within the lexico-grammatical construction [det] Y_(Paris) of Z used in nicknames for cities and towns. The article analyzes the semantic components underlying the figure-ground reversal within the Y component from the perspective of windowing of attention theory as well as the role and representation of the Z component.

Key words: construction grammar; windowing of attention theory; figure-ground reversal; figure; ground; onym; precedent name.

Введение

Когда мы говорим о лексическом значении слова, то в первую очередь представляем варианты его употребления через призму словарной статьи. Словари закрепляют основные значения слова, которые «покрывают» контексты его использования в дискурсе. Однако, как справедливо отмечают О. Н. Ляшевская и Е. В. Рахилина, словари фиксируют далеко не все оттенки значений слова, или иначе – «сдвиги» значения, но только наиболее существенные. В языке нередки случаи, когда в определенном контексте компоненты значения слова плохо поддаются словарному описанию [Ляшевская, Рахилина 2008]. Такими контекстами занимается актуальное направление в современной лингвистике – грамматика конструкций (Fillmore 1996; Goldberg 1995; Fillmore & Kay 1997; Fillmore & Kay 1999). В качестве основной единицы текста и дискурса в Грамматике конструкций выступает не слово, но конструкция – единица языка различной протяженности, представляющая собой единство грамматической структуры и ее варьирующегося семантического наполнения, которое имеет общее концептуальное значение [Лингвистика конструкций 2010]. Конструкция рассматривается как единое целое, влияющее и накладывающее ограничения на семантику входящих в нее лексических единиц. Внутри конструкции слово может объединять одновременно несколько отдельных «словарных» значений, а также приобретать новые значения за гранью словаря [Ляшевская, Рахилина 2008]. Под воздействием конструкции лексическое значение отдельных единиц словаря становится подвижным [Добровольский 2016]. С точки зрения современной теории распределения внимания происходит фокусировка внимания пользователя языка на том или ином содержательном аспекте значения слова, что в конечном итоге становится важнейшим фактором формирования языкового значения [Talmy 1978; Talmy 2007; Ириханова 2014].

Особо интересным с лингвистической точки зрения случаем является употребление в составе лексико-грамматической конструкции имен собственных, поскольку в отличие от апеллятива, т. е. имени нарицательного, их значение имеет совсем другие параметры [Плешков 2017], а само понятие *значения* применительно к имени собственному является актуальным вопросом ономастики и языкознания. В настоящей статье мы остановимся на одной из подкатегорий имен

собственных – географических названиях, и рассмотрим употребление имени собственного *Paris* (*Париж*) в составе лексико-грамматической конструкции **[det] Y of Z** в позиции Y (*the Paris of the East*). Данные корпусов современного английского языка, а также различные онлайн-ресурсы о путешествиях, свидетельствуют о частотности упомянутой конструкции в качестве эталонной основы формирования прозвищ для других географических объектов по всему миру.

В фокусе нашей статьи – анализ семантики прозвищ, присвоенных носителями английского языка различным городам мира, на основе лексико-грамматической конструкции **[det] Y_(Paris) of Z**.

Статья построена по следующему плану: обзор и сравнение параметров значения имени собственного и имени нарицательного; фокусные сдвиги значения имени собственного *Paris* в составе указанной конструкции и их роль в процессе перефокусирования внимания при интерпретации каждого случая использования исследуемой конструкции; анализ способов лексического заполнения позиции Z и ее роль в составе конструкции. Материалом для исследования послужат примеры конструкций **[det] Y_(Paris) of Z** из корпусов современного английского языка – BNC¹, COCA², iWeb³, а также интернет-блогов о путешествиях – *HeyExplorer*, *PrinceOfTravel*.

Гносеологический комплекс имени собственного

Вопрос о значении имени собственного является актуальным по сей день, и среди лингвистов существуют различные точки зрения. Энциклопедия русского языка определяет понятие *значения* языкового знака как содержание, образующееся вследствие отображения внеязыковой действительности в сознании людей [Русский язык: энциклопедия 1997]. Значение имени нарицательного – апеллятива – складывается из звуковой оболочки, денотата – называемого предмета, свойства или действия, и понятия, которое существует в сознании носителей языка. Понятие складывается из наиболее существенных характеристик [Плешков 2017]. Статья в толковом

¹ BNC. British National Corpus. URL: <http://bncweb.lancs.ac.uk/>

² COCA. The Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>

³ iWeb Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/>

словаре отображает вариант(ы) употребления слова, и в случае апеллятива – называет все существенные качества предмета или явления. Рассмотрим значения существительного *city* (*крупный город*), представленные в толковом словаре современного английского языка «Collins Online Dictionary»¹.

CITY (*n*) **1.** any large town or populous place; **2.** (in Britain) a large town that has received this title from the Crown: usually the seat of a bishop; **3.** (in the US) an incorporated urban centre with its own government and administration established by state charter; **4.** (in Canada) a similar urban municipality incorporated by the provincial government; **5.** the people of a city collectively.

Апеллятив *city* в английском языке, таким образом, соотносится у носителей с понятием населенного пункта больших масштабов, как правило, имеющим важное территориально-стратегическое значение, и может использоваться для метонимического описания жителей населенного пункта. Данные компоненты значения составляют гносеологический комплекс апеллятива, т. е. совокупность всех компонентов значения, известных пользователю языка [Плешков 2017]. В русскоязычной картине мира английский апеллятив *city* можно соотнести с понятиями *крупный город*, *мегаполис*, *столица* или *административный центр*. Примерами подобных населенных пунктов (*city*) могут служить конкретные географические объекты: *Москва, Париж, Лондон, Токио* и др.

Логичен вопрос – можно ли найти в толковом словаре словарную статью, посвященную конкретному городу, т. е. не апеллятиву, но имени собственному? И если да, то каким образом будет описано его значение? Найдем значение имени собственного *Paris* (*Париж*) в словарях «Collins Online Dictionary» и «Longman Dictionary of Contemporary English Online» (далее – LDOCE²).

Словарная статья в «Collins Online Dictionary» состоит из одного значения, из которого можно выделить отдельные исторические и географические компоненты:

PARIS (*np*) ~ the capital of France, in the north on the River Seine: constitutes a department; dates from the 3rd century BC, becoming capital of France

¹ URL: <https://www.collinsdictionary.com>

² URL: <https://www.ldoceonline.com/>

in 987; centre of the French Revolution; centres around its original site on an island in the Seine, the Île de la Cité, containing Notre Dame; university (1150) (*Collins Online Dictionary*).

Словарь LDOCE дает более подробную словарную статью, в которой кроме территориальных и исторических фактов упоминаются некоторые характерные черты города Париж, в том числе и более специфические:

PARIS (*np*) ~ the capital city of France, on the River Seine, which is also the country's business and financial centre. Paris is typically thought of as a very romantic city, and is known as a place where many famous artists lived, especially in the 19th and early 20th centuries. It has many important museums and galleries, including the Louvre, and its famous buildings include the Eiffel Tower and the cathedral of Notre Dame. It is also known as a centre of the European fashion industry, and many important designers work there. British people used to think of Paris as a place where sexual morals were less strict than in the UK, and it was sometimes known as 'Gay Paree'. It was also a popular place for US writers to live in the 1920s and 1930s, including Ernest Hemingway and Gertrude Stein (*LDOCE*).

Рассмотрим понятие «гносеологический комплекс» применительно к имени собственному *Paris*. Значение имени собственного также складывается из звуковой оболочки, однако слово соотносится не с рядом однотипных объектов, а с уникальным объектом – в данном случае со столицей Франции. Опираясь на приведенные выше словарные статьи, обобщим данные о спектре существенных черт, которые вызывает у носителей английского языка слово *Paris*. Поскольку Париж – это географический объект, известный по всему миру, и несомненно представляющий собой историческую и культурную ценность, в вопросе описания его лексического значения ближе всего нам видится *теория ономастической семантики* (Л. Витгенштейн, А. Суперанская). Оним – имя собственное – может обрести значение только будучи употребляемым в дискурсе в конкретном речевом окружении и в рамках речевой ситуации. В гносеологический комплекс имени собственного входят социально- и культурно-обусловленные факторы, эмоции, которые вызывает денотат у пользователей языка [Суперанская 2012]. Таким образом, в семантику определенного географического названия будет входить

такие компоненты значения, которые накопились за всю историю его референта – географического объекта – и развились в некий набор ассоциаций, дифференциальных признаков, имеющих культурную и историческую ценность.

Рассмотрим, каким образом данные компоненты значения могут проявляться в языке. Сравним два предложения с похожим лексико-грамматическим паттерном **X is the Y of Z**.

- (1) Paris is the capital of France.
- (2) St. Petersburg is the Paris of the East.

В предложении (1) имя собственное *Paris* выполняет номинативную – назывную – функцию, и предлагает на рассмотрение отдельный географический объект, который далее в предложении раскрывается как «столица Франции». В предложении (2) существительное *Париж* выступает в совершенно иной роли: являясь частью составного именного сказуемого, оно употребляется для описания российского города Санкт-Петербурга. В примере (2) актуализируются компоненты значения онима, позволяющие сделать выводы о городе Санкт-Петербурге в сравнении с некоторыми эталонными особенностями Парижа. Подобные явления изучает теория прецедентности [Косиченко 2010]. Оним *Paris* можно отнести к прецедентной номинации – имени собственному, использованному в качестве источника прецедентности и используемому частотно или окказионально как основа для сравнения и описания того или иного объекта на основе сжатого набора признаков и характеристик. Прецедентная номинация подразумевает целую систему определенных характеристик, совокупность качеств, лежащих в ее основе и понятных другим. В случае с онимом *Paris* для определения набора признаков мы обратимся к словарной статье в LDOCE. Компоненты значения существительного *Париж* можно описать следующим образом: *город романтики, культа любви и чувств в целом; символ культуры, выражающийся в культурных памятниках, таких как соборы, музеи, галереи; центр моды*. Перечисленные компоненты значения потенциально могут послужить основой для описания специфики Санкт-Петербурга. В следующих разделах рассмотрим взаимовлияние позиций Y и Z.

Лексическое заполнение позиции Z

Данные языковых корпусов современного английского языка, а также интернет-блоги о путешествиях, указывают на частотность конструкции **[det] Y of Z** с онимом *Paris* в позиции Y. Методом сплошной выборки из корпусов BNC, COCA, iWeb и блогов о путешествиях мы собрали более 60 примеров использования конструкции **[det] Y_(Paris) of Z**. Проанализировав полученные данные, мы пришли к выводу о том, что Париж является прецедентной основой для прозвищ, которые носят многие города мира. Основные характеристики отражены в имени собственном *Париж*, а позиция Z в конструкции служит территориальным ориентиром и помещает город в определенный регион на карте.

Компонент Z может быть выражен:

- сторонами света (*the North, the South, the East, the West*)
- частями света (*Asia, America*)
- регионами (*the Pacific, the Middle East, the Prairies, Siberia*)
- названиями материков (*South America, North America*)
- странами (*Pakistan, Italy, Egypt*)
- прозвищами (*the New World*).

Лексико-грамматическая конструкция **[det] Y_(Paris) of Z** с компонентом Z, выраженным названиями сторон света послужила основой для появления четырех категорий городов: *the Paris of the East, the Paris of the South, the Paris of the West, the Paris of the North*.

Двенадцать городов мира носят прозвище *the Paris of the East*. Среди них – Санкт-Петербург (Россия), Будапешт (Венгрия), Прага (Чехия), Стамбул (Турция), Ханой (Вьетнам) и др. Для некоторых из них развились дополнительные прозвища на основе той же лексико-грамматической конструкции, но с иным компонентом Z – более точно определяющим локацию города. Например, Бейрут (Ливан) получил прозвище *the Paris of the Middle East*, Манила (Филиппины) – *the Paris of Asia*, Лахор (Пакистан) – *the Paris of Pakistan*.

Восемь городов мира носят прозвище *the Paris of the West*. К ним относятся некоторые города Соединенных Штатов (Детройт, Денвер, Сан-Франциско) и Канады (Монреаль). Город Сан-Франциско также называют *the Paris of the Pacific*. Канадский город Монреаль является самым интересным с лингвистической точки зрения случаем, так как

он получил еще два оригинальных прозвища на основе конструкции [det] Paris of Z. Первое – *the Paris of the New World* – где компонент Z уже сам по себе является прозвищем. Словосочетание *the New World* (*Новый Свет*) издавна используется как прозвище Северной Америки. Второе прозвище получило дополнительное определение внутри конструкции в виде прилагательного – *the Edgy Paris of North America* (*Североамериканский авангардный Париж*).

Статус *the Paris of America* получили четыре города – столица штата Колорадо, Денвер (еще в 1913 г. упоминается такое прозвище по отношению к Денверу в книге «The Personalities of American Cities» американского писателя и журналиста Эдварда Хангерфорда), Цинциннати, Чикаго и Сан-Франциско.

Приведем еще некоторые примеры. Канадский город Саскатун получил прозвище *the Paris of the Prairies*. Статус «канадского Парижа» – *the Paris of Canada* – получили города Ванкувер и Монреаль. В Италии и России – это Турин – *the Paris of Italy* и Иркутск – *the Paris of Siberia*.

Механизм перефокусирования в конструкции [det] Y_(Paris) of Z

Все вышеперечисленные города мира объединяет оним *Paris* в качестве основного прецедентного компонента прозвища. Оним *Paris*, с одной стороны, отражает черты, общие для всех городов данной категории. С другой стороны, принимая во внимание полифокусность значения существительного *Paris*, мы можем утверждать, что в каждом из этих прозвищ идет отсылка к различным признакам. Чтобы определить, к каким признакам Парижа идет апелляция в каждом конкретном случае, обратимся к теории распределения внимания [Talmy 1978; Talmy 2007; Ирисханова 2014].

Семантика языковых выражений есть процесс фокусирования на определенных аспектах референта. Природа языковой номинации – в нашем случае формирования прозвищ – предполагает опору на неограниченное количество признаков объекта. Фокусирование сопровождается частичным подавлением менее релевантных для конкретной ситуации компонентов значения, т. е. их дефокусированием [Ирисханова 2014, с. 64]. Как справедливо отмечает О. В. Соколова, механизм дефокусирования имеет свою специфику в случаях, когда речь идет о лингвокреативном дискурсе, а формирование прозвищ

можно отнести к случаям проявления лингвистической креативности [Соколова 2021, с. 284]. Лингвокреативный дискурс отличается отходом от стереотипности и использованием нетривиальных способов номинации, в частности, выдвиганием на первый план онтологически менее релевантных и менее известных компонентов значения языковых единиц. Иными словами, в основе процесса создания прозвищ лежит когнитивный механизм *перефокусирования*, сопровождающийся сдвигом номинативного фокуса на отдельные (как правило, менее очевидные) компоненты значения. Последние не формируются заново, но выбираются из уже готового набора значений – из гносеологического комплекса слова, знакомого пользователям языка. Однако степень известности тех или иных компонентов среди пользователей языка может варьироваться. Именно под этим мы подразумеваем *очевидность* компонентов. Очевидность – это субъективный параметр, и очевидными компонентами для каждого реципиента дискурса будут выступать те фоновые знания о референте, которыми реципиент обладает.

Компоненты значения онима *Paris* можно вывести из упомянутых выше словарных статей в «Collins Online Dictionary» и LDOCE. Однако существуют и другие компоненты значений, не зафиксированные в словаре. Мы сделаем предположение, что отдельные компоненты гносеологического комплекса онима *Paris* известны далеко не каждому. Их можно вывести из более развернутых контекстов, т. е. проанализировав примеры употребления прозвищ, полученные на основе выборки из корпусов и блогов, в конкретных ситуациях общения.

Например, прозвище *the Paris of Canada* канадского города Ванкувер объясняется следующим образом:

(3) Vancouver is gaining a well-deserved reputation as “*the Paris of Canada*” due to an influx of *bakeries, patisseries and dessert shops*.

В фокусе примера (3) остаются такие характерные черты Парижа, как изобилие кондитерских лавочек и пекарен, кондитерских изделий, тогда как все остальные характеристики Парижа отодвигаются на второй план. В случае описания Ванкувера остальные признаки оказываются менее существенными и становятся фоновыми. В этом проявляется значимое для механизма перефокусирования явление – *обратимость фигуры и фона* [Talmy 1978]. Такой феномен возможен при

изначальной равнозначности всех характеристик референта (в нашем случае референта-эталона), однако в зависимости от конкретного языкового употребления характеристики могут выступать либо в роли фигур, либо в роли фона. Сдвиг фокуса влияет на изменение точки обзора как отправителя, так и получателя информации [Соколова 2021]. Большую роль в данном случае играет локация описываемого объекта – в нашем случае это выбор конкретного города, т. е. выбор компонентов на роль фигуры небезоснователен – он зависит от описываемого объекта и его реальных характеристик.

Рассмотрим механизм *перефокусирования* в конструкции [det] Paris of Z, которое протекает в ониме-эталоне *Paris*. Фоном будет являться вся фактическая информация о Париже – исторические события, памятники культуры и архитектуры, известные деятели, связанные с этим городом, все заведения в нем – учебные учреждения, магазины, кафе и рестораны, планировка и внешний вид города – парки, бульвары, улицы, а также отзывы туристов и самих горожан. В каждом конкретном случае использования прозвища с компонентом *Paris* на роль фигуры – как в известном фотоэффекте *игрушечный город* – будут выдвигаться либо реально существовавшие или существующие признаки – здания, часть города, либо абстрактные – исторические события, репутация, впечатления, и т. д. Таким образом, город видится не как единое целое, но как набор характеристик, каждая из которых может потенциально стать основой для описания другого города. Рассмотрим это явление на других конкретных примерах.

Шанхай сменил два прозвища – *the Paris of the Orient* и *the Paris of Asia*. В примере (4) фигурой выступают мода и декадентство.

(4) Shanghai used to be called *the Paris of the Orient*, headquarters of fashion and decadence for an entire Asian continent. These days, however, with a hunger for extravagance born of decades of deprivation, Shanghai no longer wants to be just *the Paris of Asia* it wants to be Paris itself.

Турин получил статус *итальянского Парижа* благодаря его красивым бульварам и любви горожан к кофе и шоколаду:

(5) Beautiful Turin is nicknamed “*the Paris of Italy*” for its elegant boulevards and love of coffee and chocolate.

Индонезийский город Бандунг получил прозвище *the Paris of Java* благодаря дорогим ресторанам и отелям класса люкс, а также божественной атмосфере.

(6) Bandung was known during the Dutch colonial era as ***the Paris of Java*** because of its array of *upmarket restaurants, cafes and hotels*, its *bohemian ambience* and cool climate, which provided a respite from the tropical heat.

Статус *американского Парижа* город Цинциннати (штат Огайо) по одной версии получил благодаря соборам и церквям, представляющим культурную и историческую ценность:

(7) Cincinnati is known as “***The Paris of America***” due to the architectural and historical significance of many of its *parishes*.

По другим источникам – благодаря построенному в конце XIX века развлекательному комплексу Хайленд Хаус на горе Адамс – возвышении возле города Цинциннати, которое начало развиваться в 1870-х годах как рекреационная зона:

(8) The fashionable Highland House, a world-class *entertainment complex*, put Cincinnati on the cultural map, and the city became known as “***the Paris of America***”.

Таким образом, в примере (7) фигурой являются конкретные здания – соборы и церкви, а в примере (8) – репутация города Париж как места проведения досуга с большим количеством развлекательных опций.

Однако развлекательные опции могут носить и более специфический характер. Об этом мы узнаем из истории прозвищ, которые в начале XX века получили города Канзас и Сан-Франциско. В следующих двух примерах механизм перефокусирования позволяет выделить менее очевидные, и даже негативные аспекты Парижа.

Город Канзас, получивший прозвище *the Paris of the Plains*, сравнивается с Парижем по более специфическим критериям. В газете тех времен «Omaha World-Herald» можно было найти следующие знаменитые строки: «If you want to see some sin, forget about Paris and go to Kansas City». В 1900-х годах в Канзасе процветали игорные дома и тайные питейные заведения, запрещенные в период «сухого

закона». Авторы прозвища усматривали возможность яркого сравнения с кварталом «красных фонарей» в Париже, а также с подобными заведениями в Париже, где они не были под официальным запретом.

Те же признаки выступают в роли фигуры в отношении прозвища Сан-Франциско – *the Paris of America*. Однако в данном случае речь идет не просто о прозвище, но о желаемом статусе города как *американского Парижа*, поскольку «запретные» развлечения, по мнению мэра МакКарти, были весьма прибыльными:

(9) San Franciscans often elected officials who promised to protect the city's penchant for vice, and officials regularly teamed up with vice interests to fight moral reform. In 1909, labor candidate P. H. McCarthy successfully ran for mayor on the platform that antivice interests were bad for business – *he vowed to make San Francisco “the Paris of America”*. Between 1909 and 1911, McCarthy's administration worked alongside vice interests to secure the continued *legalization of prostitution* at a time when most cities and states were working to ban it altogether.

Чикаго назвали *американским Парижем* по случаю открытия Всемирной Колумбовой выставки в 1893 году. Прозвище закрепилось после выпуска туристического путеводителя под названием: «Chicago by Day and Night: The *Pleasure Seeker's Guide to the Paris of America*». Здесь фигурой выступает статус города как популярного туристического места, где можно хорошо провести время – авторы посчитали, что выставка привлечет много гостей со всего мира и выведет Чикаго на новый уровень в мировом туризме и экономике.

Заключение

Таким образом, лексико-грамматическая конструкция [**det**] **Y**_(Paris) **of Z** является продуктивной в создании прозвищ для городов мира, основные характерные черты города заложены в семантике онима-эталона *Paris*, тогда как компонент *Z* указывает на расположение города на карте мира или в иной метафорически конструируемой локации. Оним *Paris* может претерпевать множество фокусных сдвигов значений в составе данной конструкции. Употребление прозвищ можно отнести к проявлению лингвокреативности, а оним *Paris* – к разряду эталонных с точки зрения определенных признаков – как положительных, так и отрицательных.

«Прочтение» каждого конкретного прозвища с компонентом *Paris* подразумевает выдвижение на первый план различных особенностей Парижа, которые определяются фоновыми знаниями о Париже, а именно его историей, внешним видом города, репутацией и закрепившимися за городом культурными образами. Объединим свойства, выступающие в качестве фигуры речи, в нижеследующем списке в порядке убывания частотности их фокусирования:

- 1) памятники архитектуры – соборы, церкви, музеи;
- 2) статус популярной туристической локации;
- 3) развлечения особого толка – питейные заведения, игорные дома, публичные дома;
- 4) разнообразие проведения досуга;
- 5) мода;
- 6) кондитерские изделия, кофе и шоколад;
- 7) планировка и внешний вид города – улицы, бульвары;
- 8) модно-философские течения – богема, декадентство;
- 9) отели и рестораны класса люкс.

Согласно теории ономастической семантики данный список нельзя назвать исчерпывающим, так как денотаты онимов вызывают у пользователей языка социально- и культурно-обусловленные ассоциации, которые носят субъективный характер. Однако основной «набор» смысловых признаков онима фиксирован реальной действительностью и строго соотносится с фактической информацией о референте – в данном случае о городе. Формирование прозвищ можно отнести к одному из проявлений лингвокреативности. Создание прозвищ раскрывает общие принципы познавательного процесса и формирования знаний об окружающем мире и дальнейшее упорядочение этих знаний. Язык является одним из способов отражения данного мыслительного процесса и инструментом хранения знаний. Выбор прецедентного онима для прозвища отражает тенденцию языка и мышления к формированию эталонных уровней и выделения эталона – объекта, в котором максимально проявляется наиболее выделенный позитивно- или негативно-оценочный признак [Ирисханова 2014]. Выбор признака (или признаков) для каждого конкретного прозвища обусловлен когнитивными процессами. В основе выбора признаков для присвоения прозвища городу лежит механизм перефокусирования и выделения из общего фона конкретных гносеологических компонентов – фигур. Выбор

фигуры зависит от описываемого объекта – города, которому приписывается прозвище, и исторического промежутка создания такового. Проанализированные нами примеры с разнообразным набором фигур свидетельствует о богатой истории Парижа, а также о его всемирной известности и высоком рейтинге в мире с давних времен – прозвища к компонентом *Paris* для разных городов мира датируются уже концом XIX века. Анализ лексико-грамматической конструкции **[det] Y_(Paris) of Z** носит, кроме всего прочего, познавательный характер, поскольку оним *Paris* как прецедентная номинация несет в себе информацию, имеющую историческую и культурологическую ценность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Добровольский Д. О.* Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7–21. [Dobrovolskij, D. O. (2016). Construction grammar and phraseology. *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 7–21. (In Russ.)].
- Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Iriskhanova, O. K. (2014). *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* (Focus plays in language. Semantics, syntax and defocusing pragmatics). Moscow: Yazyki slavjanskoj kultury. (In Russ.)].
- Косиченко Е. Ф.* Имя нарицательное и имя символ в свете теории прецедентности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 22 (601). С. 55–64. [Kosichenko, E. F. (2010). Common and symbolic names with regard to precedent names. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 22(601), 55–64. (In Russ.)].
- Лингвистика конструкций / отв. ред. Е.В.Рахилина. М.: Издательский центр Азбуковник, 2010. [Lingvistika konstruksij (2010). (Construction linguistics). In E. V. Rakhilina (ed.). Moscow: Izdatelskij tsentr Azbukovnik. (In Russ.)].
- Ляшевская О. Н., Рахилина Е. В.* Многозначность сквозь призму дискурса // *Slavica Helsingiensia*. Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки: Helsinki University Press, 2008. С. 217–232. [Liashevskaja, O. N., Rakhilina, E. V. (2008). *Mnogoznachnost' skvoz' prizmu diskursa* (Polysemy through discourse perspective). *Slavica Helsingiensia. Instrumentarij rusistiki: korpusnye podhody*. Russian studies tools: corpus approaches (pp. 217–232). Helsinki: Helsinki University Press. (In Russ.)].
- Плешков Е. С.* Значение имени собственного как лингвистическая проблема // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2017.

- № 3. Т. 14. С. 71–75. [Pleshkov, E. S. (2017). The meaning of proper names as a linguistic problem. Bulletin of the South Ural State University. Linguistics, 14(3), 71–75. (In Russ.)].
- Русский язык: энциклопедия / под общ. ред. Ю. Н. Караулова. М. : Большая Российская энциклопедия, 1997. [Karaulov, Yu. N., ed. (1997). Russkij jazyk: entsiklopedija. (Russian language: encyclopaedia). Moscow: Bolshaja Rossijskaja Entsiklopedija. (In Russ.)].
- Соколова О. В. Когнитивный механизм наведения фокуса в рекламном дискурсе // Когнитивные исследования языка. Когнитивные исследования естественной коммуникации: материалы Круглого стола, Московский государственный лингвистический университет, 29 октября 2020 г. / гл. ред. О. К. Ирисханова. Вып. 1 (44). Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 283–291. [Sokolova, O. V. (2021). Cognitive mechanism of zooming in advertising discourse. In O. K. Iriskhanova (ed.), Cognitive Studies of Language. Cognitive studies of natural communication, 1(44), 283–291. Tambov: Izdatelskij dom «Derzhavinskij». (In Russ.)].
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А. А. Реформатский. 4-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. [Superanskaja, A. V. (2012). Obshchaja teorija imeni sobstvennogo (The general theory of proper names), ed. by A. A. Reformatskij (4th ed.). Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)].
- Talmy L. Attention phenomena // The Oxford Handbook of cognitive linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 264–293.
- Talmy L. Figure and Ground in complex sentences // Universals of human language / ed. by J. Greenberg. Stanford, CA: Stanford University Press, 1978. Vol. 4. Syntax. P. 625–649.

УДК 81-11/81-13/ 930

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_35

Т. А. Валиулина

ст. преподаватель

кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
tatiana.valiulina@gmail.com

НАСЛЕДИЕ Э. СЕПИРА В КАНАДСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В статье освещается работа Э. Сепира в Оттаве, где он возглавлял Отдел антропологии геологической инспекции Национального музея Канады с 1910 по 1925 годы. В работе приводятся мнения исследователей творчества Э. Сепира о его роли в институционализации и повышении профессиональных стандартов канадской лингвистической антропологии, а также предпринимается попытка на материале канадских научных публикаций второй половины XX века изучить наследие Э. Сепира в канадской лингвистике и антропологии.

Ключевые слова: Эдвард Сепир; канадская лингвистика; канадская лингвистическая антропология; историография лингвистики.

T. A. Valiulina

Senior Teacher

Department of Linguistics and Professional Communication in Mediatechnologies,
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University
tatiana.valiulina@gmail.com

EDWARD SAPIR'S LEGACY IN CANADIAN LINGUISTICS AND LINGUISTIC ANTHROPOLOGY

The article addresses Sapir's tenure in Ottawa as Chief of the Division of Anthropology within the Geological Survey of the Canadian National Museum from 1910 to 1925. The paper discusses opinions on Sapir's role in institutionalizing Canadian linguistic anthropology and setting professional standards, and explores his legacy in Canadian linguistics and anthropology by analyzing references to the scholar in Canadian academic literature in the second half of the twentieth century.

Key words: Edward Sapir; Canadian linguistics; Canadian linguistic anthropology; historiography of linguistics.

Введение

Эдуард Сепир (Edward Sapir, 1884–1939) по рекомендации своего учителя Ф. Боаса (1858–1942) был направлен в Канаду и возглавлял Отдел антропологии геологической инспекции Национального музея Канады в Оттаве с 1910 по 1925 год. Как отмечают исследователи наследия Э. Сепира, этот период был нелегким для ученого в силу личных и профессиональных обстоятельств [Murray 1981; Darnell 1998], однако продуктивным: именно в Канаде Э. Сепир написал работу «Временная перспектива в аборигенной культуре Америки» (1916), монографию «Язык. Введение в изучение речи» (1921) и ряд других трудов, а также успешно вел полевые исследования языков и культур коренных народов Канады, создал классификацию языков Центральной и Северной Америки.

О пребывании Э. Сепира в Канаде в энциклопедической и справочной литературе упоминается кратко, более подробно о жизни и творчестве ученого в Оттаве пишут С. О. Мюррей, Р. Дарнелл, Р. Престон [Murray 1981; Darnell 1984; Darnell 1998; Preston 1966; Preston 1980].

В честь столетия со дня рождения Э. Сепира в Оттаве в 1984 году состоялась конференция при участии крупных американских и канадских ученых, по результатам которой было опубликовано два сборника под редакцией Э. Ф. К. Кёрнера с материалами докладов, некрологами, библиографическими заметками и воспоминаниями коллег и учеников, комментариями к работам Э. Сепира с особым акцентом на канадском этапе его карьеры, поскольку, по убеждению Э. Ф. К. Кёрнера, в американской литературе образовался значительный пробел в оценке данного периода [Koerner et al. 1986; Koerner et al. 1984].

Э. Сепир был одним из первых профессиональных антропологов в Канаде, однако исследователи расходятся во мнениях относительно его влияния на становление канадской лингвистической антропологии. Интересным кажется замечание Р. Престона, эмерит-профессора Университета Макмастера, о том, что, несмотря на славу Э. Сепира, его идеи не получили достойного развития и глубокого анализа; к всемирно признанному гению ученые апеллируют, чтобы добавить веса своими работам, порой просто вырывая из контекста подходящие цитаты [Preston 1966].

В этой связи была поставлена задача на материале канадских научных публикаций второй половины XX века изучить наследие

Э. Сепира в канадской лингвистике и антропологии, частоту цитирования его трудов канадскими лингвистами и антропологами и выявить идеи, оставившие в канадской науке наибольший след.

Роль Э. Сепира в становлении канадской лингвистической антропологии

Роль Э. Сепира в становлении канадской антропологии оценивается неоднозначно. Критики ставят Э. Сепиру в вину сужение ранее более междисциплинарной области антропологических исследований в связи с привнесенной им парадигмой Ф. Боаса¹; насаждение культурно-исторического метода Ф. Боаса в ущерб современной этнографии [McFeat 1980].

Другие исследователи, считают работу Э. Сепира важной вехой в развитии канадской науки. Например, Дж. Уэст (J. West) полагает, что в канадской антропологии было три революционных момента: утверждение боасианской парадигмы, сменившей допрофессиональную стадию; открытие первого факультета антропологии в Университете Торонто; появление большого числа факультетов антропологии после Второй мировой войны [Hancock 2006].

Р. Дарнелл, профессор антропологии Университета Западного Онтарио, утверждает, что важность вклада Э. Сепира в развитие антропологии недооценена, а значимость его работы в Оттаве не признана в должной мере как в Канаде, поскольку он был представителем американской школы, так и в Америке, поскольку долгие годы он провел в удалении от средоточия стремительно развивающейся научной мысли на родине. Однако С. О. Мюррей поясняет, что Э. Сепир во время работы в Канаде продолжал сотрудничество с американскими научными журналами «The International Journal of American Linguistics», «The American Anthropologist», «The Nation», «The New Republic», и этот период был одним из самых продуктивных в его карьере [Murray 1981].

¹ Э. Сепир работал в парадигме Ф. Боаса, которая заключалась в синтезе познавательного потенциала четырех наук: археологии, физической антропологии, этнологии и лингвистики. Но важно отметить, что в отличие от своего учителя А. Боаса или коллеги А. Кребера, Э. Сепир не считал лингвистику второстепенной, вспомогательной, по отношению к антропологии наукой и нетерпимо относился к непрофессиональному подходу коллег к лингвистике [Foster 1991].

Р. Дарнелл убеждена, что появление Э. Сепира на посту главы Отдела антропологии геологической инспекции Национального музея Канады способствовало тому, что канадская антропология достигла международных профессиональных стандартов, и последующие поколения ученых работают исходя из установленной им высокой планки [Darnell 1984].

Э. Сепир предъявлял строгие требования к сотрудникам, из-за чего с некоторыми из них отношения были достаточно напряженными, например с этнологом Чарльзом Хилл-Тоутом [Murray 1981; Darnell 1984]. Э. Сепир снисходительно относился к лингвистическим изысканиям своих коллег по Отделу антропологии М. Барбо, Д. Дженесса, У. Д. Уоллиса, и, поскольку его не всегда устраивала точность записи языкового материала, рекомендовал им сосредотачиваться в первую очередь на создании корпуса текстов, выявлении схем классификации, которые отражались в языке. Р. Дарнелл упоминает разногласия между Э. Сепиром и М. Барбо по поводу приоритетности исследований америндских языков над изучением франко-канадского фольклора в Квебеке [Darnell 1984].

Антрополог А. Кребер (1876–1960) в переписке с Э. Сепиром (4 ноября 1917 г.) высказал следующую критику в его адрес: «Упадок в лингвистике – твоя вина. Ты не работаешь в команде и не создал школу»¹ [там же, с. 175]. Однако Э. Сепир понимал важность подготовки кадров. Ему было сложно утвердиться в полной мере в канадской науке не только из-за профессиональных разногласий с коллегами, но еще и потому, что у него не было связи с университетами. Его планам прочитать курс лекций не суждено было сбыться ввиду отсутствия интереса к его предложению (Университет Макгилла, Монреаль) или из-за организационных проблем (Университет Торонто) [Murray 1981; Darnell 1984].

Не имея ресурсов для подготовки новых кадров в Канаде, Э. Сепир привлекал к работе американских антропологов, последователей Ф. Босаса П. Радина (1883–1959), А. Гольденвейзера (1880–1940), а впоследствии канадских, получивших образование в Америке. Эта тенденция привела в дальнейшем к призывам к национализации канадской антропологии (canadianization) и социальных наук [Darnell, Harrison 2006].

Хотя Э. Сепиру не удалось создать свою школу в Канаде, он сделал это в США, и некоторые его ученики продолжили его дело по

¹ Зд. и далее перевод наш. – Т. В.

изучению языков коренных народов Канады. В частности, аспирант Э. Сепира Ли Фангуй (1902–1987) дважды проводил полевые исследования атабаскских языков в Канаде. Кроме того, Мэри Хаас (1910–1996) была в 1931 году направлена с супругом Моррисом Сводешем (1909–1967) в Ванкувер, где при содействии своего научного руководителя Э. Сепира провела полевые исследования [Falk 2013].

Р. Престон считает, что Э. Сепиру не удалось осуществить институционализацию канадской лингвистической антропологии [Preston 1983, с. 287]. Того же мнения придерживается Р. Дарнелл, говоря, что влияние Э. Сепира было «скромным» (кавычки Р. Дарнелл), поскольку для его идей не было институциональной базы [Darnell 1998].

Подводя промежуточный итог, подчеркнем, что, несмотря на все трудности, работа Сепира способствовала усилению американского элемента в канадской антропологии, укреплению научных связей с Америкой и даже, по мнению Р. Дарнелл, «победе боасианской парадигмы (boasian takeover) в канадской лингвистической антропологии» [[Darnell, Harrison 2006, с. 3].

Развитие идей Сепира в канадской научной периодике

Поиск на сайте журнала «Canadian Journal of Linguistics» (далее CJL), главном печатном органе Канадской лингвистической ассоциации, по запросу «Sapir» выдает всего семь результатов. Более глубокий, тематический, поиск позволяет найти еще несколько источников, однако представляется, что это совсем не много для ученого, стоявшего у истоков профессиональной лингвистической антропологии в Канаде. Количественный метод – подсчет частоты цитирований и упоминаний, возможно, не самый показательный для оценки научного наследия, тем не менее позволяет судить о подъемах и спадах интереса к определенным темам и авторам.

Э. Ф. К. Кёрнер объясняет небольшое количество работ, развивающих идеи Э. Сепира, в 1950–1960-х годах конкуренцией научных парадигм в североамериканском языкознании. Начиная с 1950-х годов, ученые, убежденные в том, что лингвистика неотделима от социального контекста и культурных паттернов, продолжили работать в сепирианской парадигме, однако данное направление являлось неосновным (undercurrent), в то время как лидирующие позиции занимали постблумфилдианцы и последователи Хомского (mainstream in linguistics) [Koerner 1984].

Схожие тенденции наблюдаются и в канадской лингвистике. СЛ издается с 1954 года. Первые публикации, в которых фигурирует имя Э. Сепира, появляются только в середине 1960-х годов. Ознакомление с этими статьями позволяет сделать вывод о том, что Р. Престон, считавший, что Э. Сепиром чаще восхищаются, апеллируют к его авторитету, чем комментируют или полемизируют с его идеями, не так уж и неправ.

Весной 1965 года вышла статья «Проблемы сравнительно-исторического изучения атабаскских языков» Ф. Ли, в которой он не дает цитат из трудов научного руководителя, но отмечает его заслуги в данной области. По мнению Ф. Ли, определенное понимание фонологической системы атабаскских языков появилось только в 1920-х годах благодаря Э. Сепиру, что позволило его ученикам, например Гарри Хойджеру (1904–1976), в дальнейшем успешно работать в этом направлении [Li 1965].

Упоминание Э. Сепира аналогичного характера мы находим в статье профессора Университета Макгилла Г. Уитмана «Две модели лингвистического механизма» (1937). В работе сравниваются концепции Ф. де Соссюра и Н. Хомского, Э. Сепир приводится в качестве примера великого американского ученого (американские исследователи ставят своих ученых выше европейских, провинциально полагая, что лингвистика началась в Америке) [Wittman 1966].

Особого внимания заслуживает статья Дж. Бурсилл-Холла (1922–1998), профессора Университета Саймона Фрейзера, поскольку в этой работе автор не только отмечает, что Э. Сепир одним из первых обратил внимание на возможную связь музыки и языка, он дает высокую оценку его вкладу в изучении фонетики языка хайда, непревзойденной точности транскрибирования, фонетического и фонематического анализа в работе Э. Сепира «The Phonetics of Haida» (1923), но и опирается на его выводы о фонетическом строе языка хайда в своем исследовании [Bursill-Hall 1964].

Труды Э. Сепира в 1970-х годах в СЛ не упоминаются совсем, а в 1980-х годах наблюдается некоторый подъем интереса к его работам, что, вероятно, объясняется его столетним юбилеем. Тем не менее все публикации в СЛ за это десятилетие, в которых встречается имя Э. Сепира, представляли собой рецензии канадских лингвистов на труды соотечественников или американских коллег. Так, в 1980 году вышла рецензия Терренса Гордона, эмерит-профессора Университета

Далхаузи, на сборник эссе под редакцией американского лингвиста М. Матио (1927–2020), посвященных проблеме значения. Редактор в заключительной статье сборника упоминает Э. Сепира, Ф. Боаса и Б. Уорфа как представителей этносемантики, которая утратила популярность в 1960-е годы после взлета генеративной грамматики. Однако М. Матио видит смысл в объединении двух направлений. Это, по ее словам, могло бы способствовать решению проблемы описания значения [Gordon 1980].

В 1980 году была опубликована рецензия канадского лингвиста, профессора Университета Калгари, Ын до Кука (Eung-Do Cook) на сборник «The Languages of Native America». В редакторской статье американских лингвистов Л. Кемпбелла и М. Митун, крупных специалистов по языкам коренных народов Северной Америки, затрагивается вопрос классификации языков и высказывается мнение о том, что подход Э. Сепира к типологии – выделению суперсемей – больше неактуален. Современные тенденции говорят о предпочтительности большей сегментации в типологии (*splitting*), нежели объединения (*lumping*) [Cook 1980].

В СЛ в 1985 году вышла рецензия на книгу Ы. Кука «Грамматика сарси»¹. В своей работе он использовал данные, собранные Э. Сепиром в 1922 году. Результаты полевых исследований Э. Сепира дополнены материалами Ы. Кука. Автор рецензии К. Райс отмечает, что работа вышла своевременно – в год столетнего юбилея Э. Сепира [Rice 1985].

В 1990-х годах продолжается тенденция, наблюдаемая в 1980-х: СЛ публикует только рецензии канадских исследовательских статей, в которых идеи Э. Сепира выступали бы теоретической базой. Так, в 1990 году увидела свет первая биография Э. Сепира автора Р. Дарнелл, в 1991 году на нее была опубликована рецензия М. Фостера, который констатирует возросший интерес к Э. Сепиру в связи юбилейной датой. Несколько поколений лингвистов с восхищением читают труды Э. Сепира, но при этом сохраняется тенденция игнорировать его вклад в становление сравнительно-исторического и дескриптивного изучения америндских языков. К заслугам Э. Сепира М. Фостер относит то, что ему удалось убедить научное сообщество в применимости методов компаративистики к бесписьменным языкам [Foster 1991].

¹ Дескриптивная грамматика малого языка атабаскской группы, распространенного в Калгари, провинции Альберта.

М. Фостер привлекает внимание читателя к тому факту, что Р. Дарнелл пытается найти истоки психологизма работ Э. Сепира, проявившегося именно в Канаде. Это может быть связано с проблемами, с которыми он там столкнулся: болезнь жены, денежные трудности, сокращение финансирования во время Первой мировой войны, с одной стороны, с другой – с экспериментами в музыке и поэзии. Кроме того, причиной углубления в психологию может быть накоплением знаний о различных америндских культурах. Лейтмотив творчества Э. Сепира об индивиде как локусе культуры также сформировался в оттавский период. Р. Дарнелл связывает интерес к человеку в культуре с идеями Боаса о бессознательных паттернах, которые нашли отражение в работах Сепира о фонологических категориях [Foster 1991].

В 1992 году в CJL была опубликована рецензия Ы. Кука на сборник трудов Э. Сепира под редакцией У. Брайта. Профессор Ы. Кук признается, что не осознавал величия Э. Сепира, пока не начал изучать собранные им тексты на сарси и не увидел его рукописи. Ы. Кук выражает восхищение точностью транскрибирования Сепиром длинных текстов и его языковой интуицией. Он соглашается с редакторами сборников трудов Сепира У. Брайтом и В. Голлой в том, что с годами всё больше осознается масштаб Сепира как америндианиста по мере того, как публикуются собранные им материалы. В рецензии профессора Кука отмечается вклад Э. Сепира в стандартизацию фонетических символов, что способствовало совершенствованию фонематического анализа [Cook 1992].

В сборник входит работа Э. Сепира «Проблема именной инкорпорации в языках американских индейцев» (1911). Профессор Кук перечисляет нескольких американских коллег: Дж. Сэдок (G. Sadock, 1980), Б. Аллен (B. Allen, 1984), М. Митун (M. Mithun, 1984), продолживших разработку данной темы, и приводит пример Майкла Бейкера (M. Baker, 1988), который в своей работе «Инкорпорация: теория изменения грамматической функции» даже не сделал ссылку на классическую работу Э. Сепира [там же].

В CJL мы нашли несколько работ канадских ученых об инкорпорации существительных, однако Э. Сепир в них также не упоминается, но авторы ссылаются на американских лингвистов и антропологов Дж. Сэдока и М. Митун, например Дж. Малдер (Mulder, 1989) позволяет сделать вывод о косвенном влиянии и даже преемственности,

поскольку М. Митун написала диссертацию под руководством Ф. Лаунсбери (1914–1998), который в начале своей карьеры работал со М. Сводешем (1909–1967) – учеником Э. Сепира.

В 2007 году в *SJL* опубликован тематический выпуск о вакашских языках¹ «Southern Wakashan Languages». Зная, какой вклад Э. Сепир сделал в изучение языка племени нутка, относящегося к южной ветви вакашской языковой семье, интересно проверить, насколько часто канадские ученые ссылаются на его труды (см. E. Sapir: «Some aspects of Nootka language and culture», 1911; «Abnormal types of speech in Nootka», 1915; «The rival whalers, a Nitinat story (Nootka text with translation and grammatical analysis)», 1924; «Nootka baby words», 1929).

Во вступительной статье Генри Дейвиса (Университет Британской Колумбии) и Рэйчел Войдак (Университет Британской Колумбии и Университет Оттавы) говорится о том, что Ф. Боас и Э. Сепир заложили основу изучения вакашских языков (H. Davis, R. Wojdak, 2007). Э. Сепир подробно изучил диалект цишаат (Tseshaht), с помощью информанта-носителя Алекса Томаса собрал корпус текстов, описал грамматику и составил краткий словарь нутка на основе диалекта цишаат [Sapir, Swadesh 1939]. Исследования вакашских языков периодически прерывались, но дело Сепира продолжали его ученики. После безвременной кончины Э. Сепира в 1939 году наступило затишье в изучении данной темы более чем на двадцать лет. Некоторая активность возобновилась в 1960-х годах и продлилась до начала 1980-х. Новая волна интереса к вакашским языкам приходится на 2000-е годы благодаря двум крупным исследовательским проектам университетов Британской Колумбии и Ньюкасла [Davis et al. 2007].

Учитывая подробно описанные заслуги Э. Сепира в исследовании вакашских языков и информацию о том, что была длительная пауза в изучении этой темы, логично предположить, что большинство авторов сборника «Southern Wakashan Languages» будут цитировать основоположника данного направления.

Так, У. Джейкобсен² (W. Jackobsen, 2007) из Университета Невады рассматривает вопрос типологии и, анализируя родство языков нитинат, нутка и маках, обращается, среди прочего, к лексическому критерию и пользуется данными, опубликованными в работе Э. Сепира

¹ Языки североамериканских индейцев распространены на севере штата Вашингтон и в провинции Британская Колумбия.

² Его научным руководителем была М. Хаас.

и М. Сводеша 1939 году «Nootka texts: Tales and ethnological narratives with grammatical notes and lexical materials». Материалами из этой же работы пользуются в своем фонетическом анализе языка нитинат А. Верль из Массачусетского университета (A. Werle, 2007), Дж. Стонэм (Южная Корея) – для морфофонематического анализа языка нутка (Stonham, 2007), Ф. Ву – для морфологического анализа языка нутка (F. Woo, 2007) [Davis et al 2007].

А. Уилсон (Университет Британской Колумбии) изучает поствелярные согласные нутка. Выводы Э. Сепира и М. Сводеша дополняются данными новых экспериментов с использованием акустического, артикулярного и аудиального анализа (I. Wilson, 2007). К. Равински в своем морфсинтаксическом анализе языка нутка (C. Ravinsky, 2007) не апеллирует к Э. Сепиру, но ссылается на работу Р. Войдак (R. Wojdak, 2004), которая опирается на результаты Э. Сепира и М. Сводеша [там же].

Исходя из материалов, опубликованных в CJL, можно сделать вывод о том, что, следуя общемировым тенденциям, канадские лингвисты не проявляли большого интереса к трудам Э. Сепира до конца 1980-х годов. В настоящее время наблюдается рост активности в области изучения, сохранения и ревитализации языков «первых наций» (First Nations), однако, по нашему прогнозу, новое поколение канадских исследователей будет ссылаться на более поздние работы канадских и американских ученых, например Ы. Кука (более 50 упоминаний в CJL), М. Митун (более 60 упоминаний в CJL), Р. Войдак (14 упоминаний в CJL).

Э. Сепир в трудах канадских эмерит-профессоров антропологии

Поскольку Э. Сепира называют первым профессиональным антропологом в Канаде, мы предприняли попытку выяснить, какие из его работ повлияли на ученых этого направления второй половины XX века. В сплошную выборку вошли специалисты кафедр антропологии крупнейших вузов Канады из списка в статье Р. Дарнелл «Toward a History of Canadian Departments of Anthropology: Retrospect, Prospect and Common Cause» [Darnell 1998]. Из сорока восьми эмеритпрофессоров, занимающихся культурной антропологией, археологией и лингвистической антропологией, мы нашли упоминание Э. Сепира в работах девяти. Рассмотрим некоторые из них.

В 1960 году вышла статья Д. Аберля¹, в которой он критически оценивает влияние лингвистики на теории о культуре и личности в работах Э. Сепира и Р. Бенедикт. Он утверждал, что неверно проводить прямые аналогии между развитием языка и культуры (культурным и языковым дрейфом), поскольку язык – это структура в сознании индивида, а антропологи должны сосредоточиться на системах, присутствующих во внешнем мире: в технологии и окружающей среде, в политических и экономических институтах. Язык и культура, по мнению Д. Аберля, сущностно разные системы, и большой акцент на аналогиях между ними может увести научную мысли в неправильное русло [Aberle 2017].

Р. Престон, в отличие от предыдущего автора, высоко оценивает вклад Э. Сепира в культурную антропологию. Более того, он признается, что на выбор научного пути его вдохновило эссе Э. Сепира «Культура подлинная и мнимая» (1924) [Preston 2008]. Для того чтобы оценить наследие Э. Сепира, необходимо определиться с тем, в чем заключался его стиль и метод. Согласно Р. Престону, тональность Э. Сепира отличалась от общепринятой в антропологии от Боаса до современности. По умолчанию антропологи описывают усредненного человека или событие, Э. Сепир же со временем пришел к тому, что надо избегать подобных «статистических фикций» [Preston 1966, с. 1106]. Э. Сепир не отвергает понятие культуры как ключевое, но в то же время настаивает на том, что надо изучать как культуру группы, так и культуру индивида. Он не пытался обойтись без понятия «культура», но стремился преодолеть его ограничения. Его модель объекта персоналистская и холистичная. Он предлагает изучать личность целиком: биологические, социальные и психологические свойства [Preston 1966].

Эта же тема входит в круг научных интересов Робина Ридингтона, эмерит-профессора Университета Британской Колумбии. В книге «When You Sing it Now, Just Like New: First Nations Poetics, Voices, and Representations» он апеллирует к полемике Э. Сепира и А. Кребера о культуре и пишет о том, что спор Сепира – Кребера разделил их сторонников на два лагеря: утилитарный и детерминистский, а также привел к вопросу о роли индивида в сложных цивилизациях. Р. Ридингтон

¹ Дэвид Ф. Аберль (1918–2004) – американский антрополог, но значительную часть своей жизни жил и работал в Канаде (Университет Британской Колумбии). В 1940–1941 гг. слушал курс антропологии Рут Бенедикт, ученицы Боаса и близкого друга Э. Сепира в Колумбийском университете.

пытается переосмыслить идеи Э. Сепира и А. Кребера применительно к индивидуальным и культурным формам сознания обществ охотников и собирателей [Ridington 2006].

Рут Грюн, антрополог, эмерит-профессор Университета Альберты, в статье «Some Caveats Regarding Linguistic Diversity and the Peopling of the Americas» ссылается на работу Э. Сепира «Временная перспектива» (1916), утверждая, что наличие языков одной языковой семьи на определенной территории говорит о том, что это наиболее древнее поселение и центр расселения [Gruhn, Murray 1992].

Рой Л. Карлсон, профессор Университета Саймона Фрейзера, описывает развитие методологии археологических исследований и называет работу Э. Сепира «Временная перспектива» первым революционным этапом. Он оценивает монографию «Временная перспектива» (1916) как первое и единственное вплоть до 1948 года кодифицированное руководство по реконструкции древних культур с помощью дистрибутивного анализа культурных черт и комплексов, типологических сравнений и оценки сходств и различий, изоляции отдельных частей культурных комплексов и оценки их дистрибуции во времени и пространстве. Эти методы применялись в этнографии, лингвистике и до сих пор актуальны в археологии в силу специфики данных археологических исследований [Carlson 1983].

С. О. Мюррей в книге «Theory groups and the study of language in North America» рассуждает о том, почему слава Э. Сепира померкла, хотя он подготовил много учеников и оставил огромное научное наследие, а Л. Блумфилд всегда оставался влиятельным. С. О. Мюррей предполагает, что причина может заключаться в личности Э. Сепира: «Он был слишком харизматичным и выдающимся» [Murray 1994, с. 175]. Или дело в том, что последователи Блумфилда продолжили вместе работать в Нью-Йорке, а ученики Э. Сепира были рассредоточены¹.

Ответ С. О. Мюррей находит в интервью 1977 года У. Самарина² (1926–2020): «Блумфилда можно было преподавать, а Сепира нет!» Э. Сепир учил студентов анализировать языки, а Л. Блумфилд со-

¹ Б. Уорф умер в 1941, а признание получил гораздо позже; С. Ньюман работал в Альбукерке (Нью-Мексико), другие были заняты записью и сохранением языков и истории коренных народов Северной Америки и оторваны от модных тенденций в лингвистике [Murray 1994].

² Американский лингвист, профессор кафедры антропологии Университета Торонто.

здал прекрасный справочник, к которому можно обратиться, когда возникают вопросы. Разная степень систематизации материала в трудах этих авторов не играла бы большой роли, если бы карьера Сепира продлилась больше, чем тридцать лет [Murray 1994].

Заключение

Половину своей творческой жизни Э. Сепир провел в Канаде. Это были не самые легкие годы для ученого. Не зря свое исследование оттавского периода карьеры Э. Сепира С. О. Мюррей озаглавил «Канадская “зима” Эдварда Сепира» [Murray 1981]. Некоторые авторы командировку Э. Сепира в Канаду называют «изгнанием» и «изоляцией» [Preston 1980, с. 367; Murray 1981, с. 65].

Данное исследование канадской научной литературы подтвердило гипотезу о широкой известности, но малой цитируемости Э. Сепира.

Э. Ф. К. Кёрнер вспоминает, как обратился к У. Коуэну¹ за помощью в организации конференции, посвященной Э. Сепиру, и У. Коуэн с энтузиазмом его поддержал, в то время как многие канадские лингвисты, по словам Э. Ф. К. Кёрнера, не знали о том, что Э. Сепир работал в Оттаве [Koerner 2001].

В Канаде есть исследователи, которые посвятили большую часть своего научного творчества изучению и развитию наследия Э. Сепира (например Ы. Кук, Р. Дарнелл, Р. Престон, С. О. Мюррей, Э. Ф. К. Кёрнер, Р. Войдак), другие же, даже занимаясь темами, основу которых заложил Э. Сепир, выбирали работы других авторов в качестве методологической и теоретической базы, однако трудно переоценить вклад Э. Сепира в установление профессиональных стандартов лингвистической антропологии в Канаде. Благодаря Э. Сепиру пополнились знания о языках, культуре, истории первых наций Канады, были усовершенствованы методы полевых исследований. Важно подчеркнуть, что Э. Сепир был не только ученым, но и борцом за права коренных народов. Возьмем на себя смелость предположить, что работа Э. Сепира, его личные качества, принципы проведения исследований, взаимодействия с информантами и коренным населением способствовали развитию мультикультурализма и популяризации модели сотрудничества, преобладающей в настоящее время при изучении и сохранении малых языков.

¹ William George Cowan (1929–2001) – специалист по алгонкским языкам, редактор CJL (1984–1994).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Aberle D. F.* The influence of linguistics on early culture and personality theory // *Anthropological Theory*. New York: Routledge, 2017. URL: https://books.google.ru/books?id=5Bw0DwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_atb#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 07.08.2021).
- Ames M.* Introduction. The History of Canadian Anthropology // *Proceedings of the Canadian Ethnology Society*. Ottawa, 1976. № 3. P. 1–6.
- Bursill-Hall G.* The linguistic analysis of North American Indian songs // *Canadian Journal of Linguistics*. 1964. 10 (1). P. 15–36. doi:10.1017/S0008413100005430.
- Carlson R. L.* Method and Theory in Northwest Coast Archeology // *The Evolution of Maritime Cultures on the Northeast and Northwest Coasts of America*. Burnaby: Simon Fraser University. Department of Archeology Publication, 1983. P. 27–39.
- Cook E.* Lyle Campbell and Marianne Mithun, editors. The Languages of Native America: University of Texas Press, 1979 // *Canadian Journal of Linguistics*. 1980. Vol. 25, issue 1. P. 80–83. doi:10.1017/S0008413100009221
- Cook E.* William Bright, ed. The Collected Works of Edward Sapir V. American Indian Languages 1. Berlin : Mouton de Gruyter. 1990 // *Canadian Journal of Linguistics*. 1992. # 37 (1). P. 75–79. <https://doi.org/10.1017/S0008413100009221>
- Darnell R.* The Sapir Years at the National Museum, Ottawa // *Edward Sapir: Appraisals of his Life and Work*. Amsterdam: John Benjamins. 1984. P. 159–78.
- Darnell R.* Toward a History of Canadian Departments of Anthropology: Retrospect, Prospect and Common Cause // *Anthropologica*. 1998. Vol. 40. (No. 2). P. 153–168.
- Darnell R., Harrison J.* Historicizing Traditions in Canadian Anthropology // *Historicizing Canadian anthropology*. Vancouver: UBC Press. 2006. P. 3–16.
- Davis H. et al.* Southern Wakashan Languages. Cambridge: Cambridge University Press on behalf of the Canadian Linguistic Association, 2007.
- Foster M.* Regna Darnell. Edward Sapir: Linguist, Anthropologist, Humanist. Berkeley: University of California Press. 1990 // *Canadian Journal of Linguistics*. 1991. # 36 (2). P. 177–181. doi:10.1017/S000841310001433X.
- Gordon W.* Madeleine Mathiot. Ethnolinguistics: Boas, Sapir and Whorf Revisited. The Hague: Mouton, 1979 // *Canadian Journal of Linguistics*. 1980. # 25 (2). P. 236–237. doi:10.1017/S0008413100009439.
- Gruhn R., Murray D.* Some Caveats Regarding Linguistic Diversity and the Peopling of the Americas // *Man, New Series*. 1992. Vol. 27. # 2. P. 403–408.
- Hancock R.* Toward a Historiography of Canadian Anthropology // *Historicizing Canadian anthropology*. Vancouver: UBC Press. 2006. URL: https://books.google.ru/books/about/Historicizing_Canadian_Anthropology.html?id=MrXdSeVo4fUC&redir_esc=y (дата обращения 06.07.2021).

- Koerner E. F. K. et al.* Edward Sapir: Appraisals of life and work. Amsterdam : John Benjamins. 1984.
- Koerner E. F. K.* In Memoriam: William G. Cowan (1929–2001) // *Canadian Journal of Linguistics*. 2001. # 46 (3–4). P. 291–295. doi:10.1017/S0008413100018417.
- Li F.* Some problems in comparative Athapaskan // *Canadian Journal of Linguistics*. 1965. # 10 (2–3). P. 129–134. doi:10.1017/S0008413100005600.
- McFeat T.* Three Hundred Years of Anthropology in Canada // *Occasional Papers in Anthropology*, 7. Calgary: Saint Mary's University. 1980. P. 1–19.
- Murray S. O.* The Canadian “Winter” of Edward Sapir // *Historiographia Linguistica*. 1981. Vol. 8. Issue 1. P. 63–68. DOI: <https://doi.org/10.1075/hl.8.1.04mur>.
- Murray S. O.* Theory groups and the study of language in North America. Amsterdam : Benjamins, 1994.
- Preston R. J.* Edward Sapir's Anthropology: Style, Structure, and Method // *American Anthropologist*. 1966. Vol. 68 (# 5). P. 1105–1128.
- Preston R. J.* Reflections on Sapir's anthropology in Canada // *Canadian Review of Sociology*. 1980. 17. P. 367–375. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1755-618X.1980.tb00712.x>.
- Preston R. J.* The Social Structure of an Unorganized Society: Beyond Intentions and Peripheral Boasians // *Consciousness and Inquiry: Ethnology and Canadian Realities*. Ottawa : National Museum of Man, 1983. P. 286–305.
- Preston R. J.* Reflections on Becoming an Applied Anthropologist // *Anthropologica*. 2008. Vol. 50 (# 2). P. 195–205.
- Rice K.* Eung-Do Cook. A Sarcee Grammar. Vancouver: University of British Columbia Press. 1984. Pp. 304 // *Canadian Journal of Linguistics*. 1985. 30 (2). P. 232–238. doi:10.1017/S0008413100010999
- Ridington R.* When You Sing It Now, Just Like New: First Nations Poetics, Voices, and Representations. Nebraska: University of Nebraska Press. 2006.
- Sapir E., Swadesh M.* Nootka texts: Tales and ethnological narratives with grammatical notes and lexical materials. Philadelphia : Linguistic Society of America, 1939.
- Wittmann H.* Two Models of the Linguistic Mechanism // *Canadian Journal of Linguistics*. 1966. 11 (2). P. 83–93.

УДК 81.42

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_50

А. П. Гусева

старший преподаватель кафедры стилистики английского языка
факультет английского языка
Московского государственного лингвистического университета
guseva.ap@gmail.com

КОГЕРЕНТНОСТЬ ПОЛИМОДАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ

В статье описывается опыт исследования средств достижения когерентности в современной полимодальной художественной прозе с применением методов когнитивного дискурс-анализа, полимодального и лингвистилистического анализа. В ходе исследования были выявлены следующие инструменты создания когерентности в современном полимодальном художественном дискурсе: 1) уровневая стратификация, которая имеет как лингвопрагматические, так и когнитивные основания; 2) когнитивный механизм интерсубъективации, который активируется посредством полимодального повтора и полимодальной метонимии.

Ключевые слова: когерентность; художественный дискурс; полимодальность; теория текстовых миров; перспективизация; полимодальный повтор; полимодальная метонимия.

A. P. Guseva

Senior Lecturer at the Department of English Stylistics
Faculty of the English Language
Moscow State Linguistic University
guseva.ap@gmail.com

LINGUOPRAGMATIC AND COGNITIVE BASES OF COHERENCE IN MULTIMODAL LITERARY DISCOURSE

The paper presents the results of investigation of coherence in contemporary multimodal emotive prose by methods of cognitive discourse analysis, multimodal and linguostylistic analysis. The research results enabled us to identify two major tools of providing coherence in multimodal literary discourse: 1) the level stratification of discourse that has linguopragmatic and cognitive bases; 2) the cognitive mechanism of intersubjectivation that takes the form of multimodal repetition and multimodal metonymy.

Key words: coherence; literary discourse; multimodality; text world theory; perspectivization; multimodal repetition; multimodal metonymy.

К постановке вопроса

Когерентность способствует прагматической целостности дискурса и структурирует его таким образом, что он приобретает семантическую значимость. Когерентностью как категорией текста и дискурса на материале различных стилей и жанров занимаются лингвисты: М. Агар, Дж. Хоббс, Д. Блейкмор, Т. ван Дейк, С. Беднарек, Д. Уилсон, Д. Шпербер, М. А. К. Хэллидэй, Р. Хасан, – но средства ее реализации остаются еще недостаточно изученными.

Отправной точкой для исследования когерентности полимодального художественного дискурса является предположение о принципиальном сходстве полимодальных текстов с текстами собственно вербальными и, следовательно, о присутствии в них основных текстовых категорий. Тем не менее характер реализации категории когерентности в полимодальных текстах имеет свою специфику в силу их поликодовой природы. В соответствии с концепцией Р.-А. де Богранда и В. Дресслера, категория когерентности отражает когнитивные (содержательные) взаимосвязи, а в основе реализации этой категории в тексте лежит непрерывность его смысла [Beaugrande, Dressler 1981]. Особенностью полимодальных текстов как лингвовизуального феномена культуры является то, что в них непрерывность смысла обуславливается тесной интеграцией вербального и визуального компонентов, которые отдельно друг от друга теряют информативность и экспрессивность. Согласно вышеупомянутой концепции, снижение степени информативности текста приводит к снижению степени его когерентности. Следовательно, изучение когерентности полимодального художественного текста, в котором вербальные и визуальные элементы включаются в общую систему, функционирующую для реализации авторского намерения, возможно только при интегрированном анализе всех его компонентов.

В данной работе предпринимается попытка изучить способы достижения когерентности в современном полимодальном художественном дискурсе и установить, какую роль в ее создании играют элементы текстовой и когнитивной базы. Для достижения этой цели необходимо выполнить следующие задачи: 1) выявить лингвопрагматическую составляющую текста, предполагающую анализ языковых явлений в контексте; 2) выявить когнитивную составляющую текста, акцентирующую внимание на том, с каким именно видением мира мы

сталкиваемся в исследуемом тексте и какие фрагменты человеческого опыта находят в нем свое отражение; 3) изучить характер взаимодействия вербальных и визуальных средств и их роль в создании когерентности рассматриваемого художественного текста.

Материалы и методы исследования

В качестве *материала* для иллюстрации некоторых средств достижения когерентности в полимодальном художественном дискурсе был выбран англоязычный короткий рассказ Р. М. Лэм «Broth», написанный в 2010-х годах и представляющий собой образец современной англоязычной художественной прозы. Рассказ сопровождается авторским рисунком, который является его неотделимой частью. Повествование ведется от первого лица; рассказчик занимается приготовлением куриного бульона, в процессе чего его одолевают воспоминания о недавно умершем дорогом ему человеке. Короткий рассказ является примером полимодального художественного дискурса, и именно роль гетерогенной лингвовизуальной природы этого произведения в создании его прагматической целостности вызывает особый исследовательский интерес. Для изучения материала были использованы *методы* когнитивного дискурса-анализа, а также полимодального и лингвостилистического анализа, что отвечает целям и задачам исследования.

Теория текстовых миров

Современная лингвистика уже давно признает тот факт, что для комплексного понимания языковых явлений необходимо принимать во внимание и влияющие на них экстралингвистические факторы. Нельзя не согласиться с Н. Н. Болдыревым в том, что для полноценного и всестороннего изучения устройства языка необходимо выйти за пределы языковой системы и «связать ее с тем, что мы знаем о восприятии, о памяти, о поведении человека» [Болдырев 2001, с. 12]. Здесь нам представляется уместным прибегнуть к теории текстовых миров, которая описывает уровневую стратификацию дискурса. С позиции теории текстовых миров дискурс рассматривается как сложное социопсихолингвистическое явление, включающее процесс языковой деятельности в рамках определенного социального контекста и результат этой деятельности – текст. Вслед за Е. В. Лозинской, под *миром* в целом мы понимаем коммуникативное лингвистическое событие, включающее элементы

как текстуального, так и контекстуального характера [Лозинская 2007, с. 23]. Однако нам представляется, что существование и широкое распространение полимодальных текстов, выбранных нами в качестве объекта исследования, позволяет утверждать, что мир может быть не только исключительно лингвистическим, но и семиотически гетерогенным коммуникативным событием.

В соответствии с теорией текстовых миров, читателю открыт только текстовый мир художественного произведения, передаваемый его автором в виде текста; дискурсивный мир художественного произведения остается для читателя недоступным, так как он не был очевидцем описываемых событий. Читая текст, который является авторским пересказом дискурсивного мира, читатель погружается в текстовый мир и создает ментальную «картинку» описываемых событий, опираясь на эксплицитно выраженную информацию и собственные фоновые знания. Это происходит в силу того, что конструктивные элементы текста активируют кластеры опыта, которые системно хранятся в так называемой когнитивной базе человека, и таким образом актуализируют смысл дискурса. Под когнитивной базой мы понимаем знания и представления, которыми обладает большая часть представителей определенной лингвокультуры, а также некий ресурс индивидуальных представлений, которыми располагает отдельно взятая языковая личность. В способности человека соотносить текст с некой имеющейся когнитивной структурой, на основе которой создается текстовый мир, использование этих знаний и представлений играет ключевую роль. В многочисленных исследованиях когнитивные структуры, понимаемые как сжатая форма хранения информации, получили различные названия: когнитивная модель, фрейм, план, скрипт, сценарий, схема; в данной работе мы будем использовать термин «когнитивная модель».

Когнитивные и лингвопрагматические основания текстового и производного миров в рассказе Р. М. Лэм «Broth»

Одним из основных средств достижения когерентности в коротком рассказе «Broth» является когнитивная модель «приготовление куриного бульона». Начало рассказа совпадает с началом приготовления бульона и лингвистически маркируется субъектным дейксисом *I, my* и глаголами в настоящем времени *cut* и *looks*: *I cut into the chicken and the chicken looks like my fingers*. Указанные конструктивные элементы выстраивают

текстовый мир рассказа, устанавливают время повествования (рассказчик повествует о настоящем моменте) и идентифицируют речеправителя (повествование идет от первого лица). Далее когнитивная модель «приготовление куриного бульона» разворачивается посредством пропозиций, лингвистически выраженных эллиптической структурой с глаголом в пассивном залоге в настоящем времени, указывающей на завершенность одной из стадий, и субъектно-предикатными структурами с глаголами действия, также стоящими в настоящем времени: *Chicken chopped*. <...> *Chicken goes in last, last in the broth*. <...> *...as I stir the broth*. Пропуская описание некоторых стадий приготовления бульона (таких как, например, нарезка овощей, добавление соли и т. д.), автор обращается к когнитивной базе читателя, при помощи языковых средств актуализируя его знания и представления о процессе приготовления этого блюда. Таким образом, читатель самостоятельно достраивает ментальную картину происходящего, автоматически восполняя недостающие этапы, что обеспечивает целостное восприятие смысла текста.

Кроме текстового мира, в рассказе также присутствует так называемый дейктический производный мир. Такой мир возникает в результате отхождения от основных параметров текста по инициативе персонажей. По мнению С. Л. Кушнерук, эти изменения «концептуализируются как происходящие в том же текстовом мире, но с другим местоположением или в другое время либо с акцентом на других сущностях» [Кушнерук 2012, с. 99]. Иными словами, к созданию производного дейктического мира ведет отклонение от любого из базовых параметров (время, место, действующие лица). Базовый текстовый мир короткого рассказа «Broth», как мы упоминали выше, выстраивается во временной зоне настоящего и разворачивается вокруг сцены приготовления куриного бульона. Временные характеристики базового текстового мира эксплицированы с помощью глаголов в настоящем времени: *cut into, looks like, is cold, I forget, I end, the meat begins, chicken chopped, chicken goes in last, I stir*. В свою очередь, производный мир маркируется дейктическим сдвигом, то есть изменением пространственно-временных характеристик. Лингвистически производный текстовый мир выражен через глаголы в прошедшем времени: *were warm, sat, were always so flavourless, was one of her many talents, drank, told, was in her twenties, was drunk, was smart, drank, danced, came alive, stood, waved, rolled, were, shed, stirred, shuttered* и пространственный дейксис,

указывающий на удаленный характер описываемой ситуации: *there I sat, at the cheap table, in the green kitchen, the penultimate stop before Hull, rode towards, upon my leaving she stood right by my face at the window, rolled forward, at the funeral, there were*. Переключение на производный мир также маркируется изменением субъектного дейксиса: *I cut, my fingers, my skin, I end, I think, I stir* контрастирует с *her hands, her many talents, she told, she was, she was drunk, she was smart, she drank, she stood, her wicker casket, her face, her breast*.

В базовом текстовом мире рассказа актуализируется когнитивная модель «приготовление куриного бульона», в то время как в перемещающемся с ним производном мире актуализируется когнитивная модель «бабушка». Лингвистически эта модель маркирована следующими конструктивными элементами: *warm hands; watching her pull and finger the carcass (= cooking); told me about when she was in her twenties; I rode ... for a visit; upon my leaving she stood ... at the window and waved vigorously; glasses fluttering on gold thread*. Указанные языковые единицы выстраивают обобщенный образ любящей бабушки: у нее теплые руки, она готовит, носит очки на цепочке, рассказывает о временах своей молодости, радуется вашему приезду и машет рукой в окно, когда вы уезжаете. Именно при помощи этих единиц актуализируется и конкретизируется образ близкого человека, по которому тоскует рассказчик, занимаясь приготовлением куриного бульона, хотя мы и не встречаем прямого названия этого персонажа в тексте рассказа.

Таким образом, когерентность рассматриваемого рассказа реализуется за счет уровневой стратификации дискурса, а именно, переплетения текстового мира, созданного автором текста, и производного мира, созданного рассказчиком. Постоянное переключение между этими двумя мирами в рамках рассказа коррелирует с психоэмоциональным состоянием рассказчика: его мысли то фокусируются на бульоне, приготовлением которого он в данный момент занимается на своей кухне, то отвлекаются на воспоминания о бабушке и о том, как этот самый бульон готовила она, а рассказчик только наблюдал. Приведенный анализ позволил показать, что 1) инструментом создания когерентности рассказа является уровневая стратификация его дискурса; 2) уровневая стратификация дискурса имеет лингвопрагматические и когнитивные основания, которые маркируются конкретными языковыми средствами.

Полиmodalные средства реализации перспективы в дискурсе рассказа

Как было упомянуто выше, переключение между текстовым и производными мирами в дискурсе рассказа основано на изменении субъектного дейксиса. Однако дейктический сдвиг является не только индикатором переключения между мирами, но и маркером механизмов перспективизации в дискурсе рассказа.

Когнитивный механизм перспективизации понимается лингвистами-когнитологами как механизм субъектно-объектных отношений, т. е. механизм конструирования объекта с точки зрения говорящего/наблюдателя, где конструирование объекта одними участниками дискурсивного акта намеренно совершается для других его участников [Ирисханова 2013]. В текстовой части рассказа наблюдается функционирование двух механизмов перспективизации – субъективизации и объективизации, которые маркированы субъектным дейксисом [Петрова 2017]. В цитируемом далее отрывке о субъективизации свидетельствует повтор форм 1-го лица личных и притяжательных местоимений. В последнем предложении механизм субъективизации сменяется механизмом объективизации в результате дейктического сдвига, выраженного переходом на употребление форм 3-го лица притяжательного местоимения:

I cut into the chicken and the chicken looks like my fingers. My skin is cold and pink and I almost forget where I end and the meat begins. Her hands were always warm (R. M. Lam. Broth).

Нетекстовая часть рассказа (рисунок) демонстрирует невыраженный вербально механизм интерсубъективизации, который характеризуется множественностью точек зрения. Для дальнейшего анализа нам видится необходимым обратить внимание на расположение рисунка, представляющего собой визуальный компонент дискурса рассказа, относительно текста, являющегося его вербальным компонентом. Рисунок расположен после текста и служит завершающей частью рассматриваемого художественного произведения. На основании проанализированных в предыдущем разделе лингвопрагматических средств, организующих дискурс рассказа, можно заключить, что читатель выполняет роль стороннего наблюдателя, которому стали доступны мысли и чувства рассказчика. Повествование от первого лица позволяет читателю видеть ситуацию глазами рассказчика, заставляет

сопереживать ему. Рисунок, следующий за текстом, усиливает этот эффект, так как изображенные объекты (нож и разделочная доска с кусочками курицы на ней – левее; кастрюля, подставка с кухонными принадлежностями, бутылки с маслом – правее) расположены так, как будто не рассказчик, а уже сам читатель стоит на кухне перед рабочей поверхностью и готовит куриный бульон (см. рис. 1).

Нам представляется возможным говорить здесь об эффекте согласования двух перспектив (читателя и рассказчика), реализующемся посредством активации механизма интерсубъективации. Механизм интерсубъективации динамичен, т. е. точка зрения может перестраиваться в процессе коммуникации, что мы и наблюдаем в области взаимодействия текстовой и визуальной частей исследуемого дискурса. В полимодальных текстах действие механизма интерсубъективации обусловлено ситуацией интерактивности, в которой происходит взаимодействие рассказчика и персонажей с читателем. Так, внешнее пространство, в котором находится читатель (дискурсивный мир), держащий перед собой книгу, проникает во внутреннее пространство рассказа (текстовый

BROTH

Rebecca Mae Lam

I cut into the chicken and the chicken looks like my fingers. My skin is cold and pink and I almost forget where I end and the meat begins. Her hands were always warm.

There I sat at the cheap table, a metallic legged dining table, in the green kitchen watching her pull and finger the carcass. Full of chicken and leek and long green beans that were always so flavourless. Over-boiling the vegetables was one of her many talents. I drank low quality wine while she told me about when she was in her twenties and the first time she was drunk from Pernod and orange juice. But she was smart: water, then Pernod, then water, and so on. But she drank so much and danced so much. The night came alive in a reverie of red and brown carpets, and tortoiseshell glasses, and the smell of cigarettes.

Chicken chopped. Reddy pink, strings of white, living entrails, skin. Chicken goes in last, last in the broth.

The penultimate stop before Hull on the train is a town called Broth. The robot woman announcing the stops barks it like "broth", a guttural, phlegmy cough of a word—an odd sound to hear as I rode towards the Humber for a visit. Upon my leaving she stood right by my face at the window and waved vigorously as the train rolled forward.

BROTH

At the funeral there were pink flowers in cold palms, we shed them on her wicker casket. Vastness of green grass around the hole. Time stirred around me, and her face, bloated with a smile, glasses fluttering on gold thread around her dove-like breast shuttered in my mind. Time is a pinhead. And I think of her as I stir the broth.

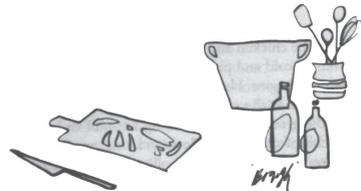

Рис. 1. R. M. Lam. Broth

мир и производный мир). Таким образом происходит ментальное совмещение разных локально-темпоральных координат: кухни, на которой разворачивается действие рассказа, и места, в котором непосредственно находится читатель в момент чтения рассказа, т. е. происходит согласование перспектив рассказчика и читателя.

Эффект согласования перспектив достигается за счет неязыковых средств, а именно рисунка, компоненты которого коррелируют с языковыми средствами дискурса рассказа: изображение ножа и разделочной доски – с глаголом *cut*; кусочков курицы – с существительными *chicken, meat, carcass* и словосочетанием *chicken chopped*; кастрюли – с субъектно-предикатными структурами *chicken goes in last, last in the broth* и *I stir the broth*. Здесь нам представляется возможным говорить о полимодальном повторе (*кусочки курицы – chicken; chicken chopped; chicken goes in last, last in the broth*) и полимодальной метонимии (*кусочки курицы – carcass; кастрюля – broth*) как о полимодальных инструментах построения перспективы, а именно реализации механизма интерсубъективации, способствующего созданию когерентности исследуемого полимодального художественного дискурса. В свою очередь, рисунок является визуализацией упоминавшейся нами ранее когнитивной модели «приготовление куриного бульона», которая является когнитивной базой рассказа и функционирует как одно из основных средств достижения его когерентности. Таким образом, можно заключить, что когнитивная модель «приготовление куриного бульона», на которой строится текстовый мир рассказа, выстраивается за счет полимодальных конструктивных элементов – рисунка и текста. Полимодальный рамочный повтор, который рисунок образует вместе с заглавием рассказа («Broth»), способствует закольцовыванию структуры рассказа и, как и рассмотренные выше повтор и метонимия, обеспечивает согласование перспектив рассказчика и читателя, актуализируя ассоциативную связь между блюдом и дорогим и любимым человеком, который его готовил.

Выводы

Современная полимодальная художественная проза представляет собой комплексный лингвовизуальный феномен, для полноценного понимания которого необходимо применение междисциплинарных

методов анализа. Рассмотрев предложенный рассказ с использованием методов когнитивного дискурс-анализа, полимодального и лингвостилистического анализа, мы можем сделать следующие выводы:

1) когерентность рассматриваемого рассказа реализуется за счет уровневой стратификации дискурса, а именно – «переплетения» текстового мира, созданного автором текста, и производного мира, созданного рассказчиком;

2) текстовый и производный миры изученного рассказа имеют лингвопрагматические (реализуются через субъектный и пространственный дейкис, временные формы глагола и др.) и когнитивные основания (реализуются через когнитивные модели);

3) одним из инструментов создания когерентности в полимодальном художественном дискурсе является механизм интересубъективации, результатом реализации которого является согласование перспектив рассказчика и читателя, что создает эффект интерактивности и динамичности повествования;

4) средствами реализации механизма интересубъективации в дискурсе рассматриваемого рассказа являются такие приемы, как полимодальный повтор и полимодальная метонимия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. [Boldyrev, N. N. (2001). Kognitivnaja semantika. (Cognitive semantics). Tambov: Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina. (In Russ.)].
- Ирисханова О. К.* О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2013. № 15. С. 43–58. [Iriskhanova, O. K. (2013). On perspectivization in cognitive studies. Cognitive Studies of Language, 15, 43–58. (In Russ.)].
- Кушнерук С. Л.* Дискурсивный и текстовый миры: возможности уровневой стратификации дискурса // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 93–101. [Kushneruk, S. L. (2012). Discursive and text worlds: possibilities of level stratification of discourse. Politicheskaya lingvistika, 2(40), 93–101. (In Russ.)].
- Лозинская Е. В.* Литература как мышление: когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков: аналит. обзор. М.: ИНИОН РАН, 2007. [Lozinskaya, E.V. (2007). Literatura kak myshlenie: kognitivnoe literaturovedenie na rubezhe XX–XXI vekov (Literature as thinking: cognitive literary studies at the turn of the 20th–21st centuries). Moscow: INION RAN. (In Russ.)].

Петрова Н. Ю. Принципы и стратегии перспективизации в драматическом тексте: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017. [Petrova, N. Yu. (2017). Principy i strategii perspektivizacii v dramaticheskom tekste (Principles and strategies of perspectivization in drama): Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Beaugrande R.-A. de, Dressler W. U. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1981.

УДК 81.33

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_61

А. С. Данилин, Р. Р. Мавлеев

Данилин А. С., кандидат военных наук, доцент
доцент Военного учебного центра
Московского государственного лингвистического университета
danila-dan@yandex.ru

Мавлеев Р. Р., кандидат филологических наук
доцент кафедры методики преподавания иностранных языков
Московского педагогического государственного университета
rmavleev@gmail.com

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ АББРЕВИАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье анализируются продуктивные способы аббревиации в современной англоязычной и русскоязычной военной терминологии. В работе акцентируется внимание на высокой упорядоченности англоязычных военных сокращений по сравнению с русскоязычными, а также рассматриваются возможные способы передачи англоязычных военных аббревиатур на русский язык. В результате выделены предпочтительные переводческие стратегии при переводе сокращений в условиях несоответствия между терминологическими единицами исходного и переводящего языка.

Ключевые слова: орфография; словообразование; сокращения; аббревиация; военный перевод; языкознание; переводоведение; лингвистика; вооруженные силы; воинский устав; терминология; словослияние; усечение.

A. S. Danilin, R. R. Mavleev

Danilin A. S., PhD (Military Sciences), Assoc. Prof.
Associate Professor at the Military Training Center
Moscow State Linguistic University
danila-dan@yandex.ru

Mavleev R. R., PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of Foreign Language Teaching Methods
Moscow Pedagogical State University
rmavleev@gmail.com

COMPARATIVE ANALYSIS OF ABBREVIATION METHODS IN ENGLISH AND RUSSIAN MILITARY TERMINOLOGY

The article analyzes productive abbreviation patterns in the modern English and Russian military terminology. It focuses on the pronounced regularity of English military (complex and simple) abbreviations as compared to Russian military abbreviations, and provides possible ways of translating source abbreviations into Russian. The article highlights preferable abbreviation translation strategies in the context of inconsistency between the concepts and terminology of the source and the target language.

Key words: orthography; word formation; abbreviation; military translation; linguistics; translation studies; armed forces; military regulations; terminology, blends; clippings.

Введение

Обладая важнейшим для военного языка качеством сжатости, сокращения представляют собой значительный пласт как в англоязычной, так и в русскоязычной военной терминологии.

Анализируя английские сокращения в своей работе «English Words: A Linguistic Introduction» (2005), американский лингвист Х. Б. Харли утверждает, что аббревиатуры впервые начали активно употребляться в американских бюрократических структурах в 1940-х годах; затем использование сокращений распространилось на сферу вооруженных сил, приводя к появлению подчеркнутой тенденции к аббревиации всего терминологического аппарата в военной документации. В настоящее время в англоязычном военном дискурсе наблюдается широкое разнообразие способов аббревиации – от типичных буквенных инициальных сокращений (*AUM* – *air-to-underwater missile*, *PL* – *phase line* и др.) до сложных контрактур и сокращений смешанных видов (*scty gd* – *security guard*, *ammo* – *ammunition* и др.) [Harley 2006].

Авторами некоторых современных трудов, посвященных сокращениям, были предприняты попытки по созданию универсальной типологии сокращений. Особого внимания заслуживает классификация, предложенная П. Лопес Руа в публикации «Acronyms & Co.: A typology of typologies» (2004), в которой автор предлагает разделять все существующие виды сокращений на сложные (усечения, словослияние, инициальные аббревиатуры) и простые¹, при этом подчеркивая, что

¹ В классификации Д. И. Алексеева частично соответствуют графическим сокращениям.

простые сокращения, в отличие от сложных, встречаются преимущественно в письменном языке. В целях упрощения данного анализа, направленного на рассмотрение продуктивных в военном языке сокращений через призму сравнительной типологии и переводоведения, предлагаем придерживаться классификации, предложенной П. Лопес Руа [Rua 2004].

Сложные сокращения

Сложные сокращения представлены тремя основными группами: *словослияние*, *усечение* и *буквенные инициальные сокращения*. Такие сокращения являются особенно важными в контексте подготовки и предпереводческого анализа устного военного перевода, поскольку, согласно П. Лопес Руа, используются в устной речи наряду с письменной (в отличие от простых сокращений, которые применяются исключительно в письменных документах и, как правило, обладают официальным оттенком, как то: *prof.* – *professor*) [Rua 2004]. Предлагаем рассмотреть каждый подвид сложных сокращений отдельно.

Словослияние (*blend*) – вид сокращения, представляющий собой слияние частей двух или нескольких образующих слов в одно. В подавляющем большинстве случаев термины, полученные таким образом (согласно корпусным анализам, порядка 90% терминов-словослияний), образованы от двух слов – как, например, слово *ginormous*, впервые появившееся в британской прессе в начале 1940-х годов и зафиксированное в «British dictionary of military slang» («Британский словарь военного сленга») 1942 года: полученное посредством слияния слов *gigantic* (*гигантский, огромный*) и *enormous* (*огромный, громадный*), оно, с одной стороны, представляет собой типичный пример словослияния двух исходных терминов, с другой – отражает тенденцию к продуктивности этого вида словообразования в профессиональном жаргоне английских военнослужащих [Bowyer 2007].

Однако существуют примеры образования слова от терминологической группы из трех и, реже, четырех слов, как то: *INMARSAT* (*international maritime satellite*), *ENDEX* (*end of exercise*), *FLOT* (*forward line of own troops*), *TACSAT* (*tactical satellite radio*), *BALOG* (*Base logistical command*), *TACP* (*tactical air control party*); причем в последних пяти случаях один или несколько образующих элементов (предлог *of*, знаменательное слово *radio*, знаменательное слово *command*,

словосочетание *air control*) в сокращении полностью отбрасывается. Заметим, что, хотя опущение предлога *of* типично для терминов-словослияний (см. выше), существуют случаи, в которых первый гласный звук предлога задействуется при словослиянии с целью облегчить употребление термина не только в письменной, но и в устной речи: таков, например, термин *ALOC* (*airlines of communication*), в котором срединный гласный *o* позволяет словослиянию также стать акронимом (см. ниже). Небезынтересно также рассмотреть термин *PSYOPS*, образованный путем слияния двух исходных терминов *psychological* и *operations* по особой модели: задействованы две начальные буквы первого образующего элемента (*PSY*), а также две начальные и одна последняя буква второго слова (*OPS*).

С точки зрения длины образующих элементов все термины, образованные путем словослияния, можно условно разделить на три группы:

1) термины-словослияния, в которых большая часть задействованных букв берется от начального образующего элемента, а не от конечного/конечных (*CENTCOM* – *central command*, *ADMINSEC* – *administration section*, *ADMINO* – *administrative order*, *CASEVAC* – *casualty evacuation*);

2) термины-словослияния, в которых от всех образующих элементов берется равное количество букв (*COMCEN* – *communication centre*, *TACSATCOM* – *tactical satellite communication system*, *PSYOPS* – *psychological operations*, *COMCEN* – *communication centre*, *SECDEF* – *Secretary of Defense*);

3) термины-словослияния, в которых большая часть задействованных букв берется от конечного образующего элемента, а не от начального (*SPWAR* – *Special warfare*, *DISCOM* – *Division support command*).

Обладая высокой продуктивностью в английском языке, такой вид сложных сокращений, как словослияние, находит весьма ограниченное использование в русском языке. В этом можно убедиться при изучении объемного количества параллельных текстов. Приведем самые частотные варианты перевода на русский язык некоторых из представленных выше терминов-словослияний: *INMARSAT* (*International Maritime Satellite Organization*) – *Международный консорциум* (тж. *Международная организация*) *морской спутниковой связи*; *COMCEN* (*communication centre*) – *центр связи*; *ADMINSEC*

(*administration section*) – секция снабжения; *TACSATCOM* (*tactical satellite communication system*) – тактическая спутниковая система связи; *PSYOPS* (*psychological operations*) – операции по психологическому воздействию на противника; *SPWAR* (*special warfare*) – специальные методы ведения войны.

Как демонстрируют вышеперечисленные примеры, термины-словослияния свойственны для русского военного дискурса в меньшей степени, чем для английского. В тех случаях, в которых английский язык чаще всего прибегает к словослиянию (как то: типы тактических и административных единиц, названия командований, виды операций и т. д.), русский язык предпочитает избегать сокращения как такового. Стоило бы также обратить внимание на немногочисленность и выраженную разговорную окраску таких слов, а также на бессистемность их образования. Приведем в пример лексические единицы; *спецназ* (воинские подразделения специального назначения, отряд специального назначения); *старлей* (старший лейтенант); *комбриг* (командир бригады); *командарм* (командующий армией); *начкар* (начальник караула); *замполит* (заместитель командира по политической работе). В то время как первый термин (а также дериваты *спецназовец*, *спецназовский*) обладает разговорной окраской, хотя в отдельных случаях и проникает в официальные или полуофициальные контексты (см. употребления *тренировочная база спецназа*, *подразделения спецназа*, *служащие спецназа* и др.), все последующие термины можно отнести к пласту русского военного жаргона (термины-словослияния *старлей*, *комбриг*, *начкар* и т. п. можно встретить лишь в устной речи военнослужащих). При поиске аналогичных терминов в английском языке обнаруживаем, что в данных случаях отдается предпочтение полным, а не сокращенным аналогам (*special operations* – *спецназ*, *first (1st) lieutenant* – *старший лейтенант*, *captain (officer) of the guard* – *начальник караула* и т. д.).

Усечение (clipping) – вид сокращения, состоящий в образовании нового слова посредством усечения производящей основы исходного слова. Усечением называется вид словообразования, начальное слово, длина которого, как правило, составляет три слога, сокращается до слова, обладающего теми же грамматическими признаками, без потери смысла. В английском языке средняя длина таких усеченных терминов составляет шесть букв, хотя встречаются примеры,

в которых усеченное слово состоит лишь из одной буквы (*k* – *tanker plane*). Похожие примеры: *c* – *canoneer*, *d* – *distance*, *h* – *helicopter*, *r* – *reconnaissance aircraft*, *z* – *zone*. Сокращение *k* (*tanker plane*) также интересно тем, что расходится с обыкновенной моделью усечений: так, в сокращении задействована четвертая, а не начальная буква слова. Отметим, что фонетический строй английского языка делает возможным использование однобуквенных сокращений в устной речи наряду с письменной: так, *k* в значении *tanker plane* произносится, как в алфавите, т. е. [keɪ] (данная словообразовательная модель весьма продуктивна в английском языке: см. тж. *k* в значении *kindergarten*, *thousand*, а также при сокращении имен *Kevin*, *Kate*, *Kyle*).

При дальнейшем морфологическом анализе усечения как словообразовательного способа стоит иметь в виду, что в военном дискурсе усечение¹ по-прежнему закреплено за письменным пластом языка и число сокращенных терминов, проникающих в устную речь, весьма ограничено (так, термины *sys* (*system*), *pers* (*personnel*), *trans* (*transportation*), изначально созданные для упрощения ведения боевой документации, в устную речь не попадают).

Самая многочисленная разновидность подобных сокращений в англоязычном военном дискурсе – гибрид усечения и буквенного инициального сокращения. Таковы, например, термины UNPROFOR (**U**nited **N**ations **P**rotection **F**orce) или OrdC (**O**rdnance **C**orps)², в образовании которых задействованы начальные буквы одной (нескольких) производящей основы (основ) и разные по длине части другой (других) производящей основы (основ). Необходимость в создании подобных гибридов обуславливается не только удобством чтения и произнесения сокращений, но и в опознавательных целях: ясно, что, в силу частотности употребления, сокращение *UN* (*United Nations*) распознать значительно легче, чем, предположим, сокращение *PF* (*protection force*) – поэтому при образовании сокращения задействуют больше букв из

¹ Как особую разновидность усечения можно понимать другой продуктивный в англоязычном военном дискурсе вид сокращения – контрактуру (см. англ. *contraction*), состоящий в создании сокращенного термина путем отбрасывания определенных букв из производящей основы исходного слова (как то, гласных или срединных букв, например: *cbt* (*combat*), *spt* (*support*), *cml* (*chemical*), *svc* (*service*)).

² Используемые в сокращении части основы выделены жирным шрифтом.

менее частотного элемента (в данном случае *PROFOR* – *Protection Force*), чем из более частотного. Аналогичным образом, широкое семантическое поле *corps* (служба) оправдывает использование лишь одной буквы данного исходного элемента во всех словосочетаниях ряда: *ChC* (*Chaplain Corps*), *SigC* (*Signal Corps*), *CmlC* (*Chemical Corps*), *OrdC* (*Ordnance Corps*), в то время как от конкретизирующего – и менее частотного – слова берется больше букв. Таким образом, в сокращениях-гибридах такого типа наблюдается тенденция к буквенному инициальному сокращению гиперонима (слова более широкой семантики) и усечению гипонима (слова более узкой семантики).

Согласно расположению производящих элементов все сокращения-гибриды можно разбить на три категории:

1) усечение + буквенное(ые) инициальное(ые) сокращение(я) (*MANPADS* – *Manportable air defence system*, *PACAF* – *Pacific Air Force*, *CONUS* – *Continental United States*, *ARNG* – *Army National Guard*);

2) усечение + буквенное инициальное сокращение + усечение: *COSCOM* (*Corpus support command*), *DISCOM* (*Divisional support command*);

3) буквенное(ые) инициальное(ые) сокращение(я) + усечение (*MASINT* – «*measurement and signature intelligence*» *SACEUR* – *Supreme Allied Commander Europe*, *ACLANT* – *Supreme Allied Commander Atlantic*, *UNPROFOR* – *United Nations Protection Force*).

Рассмотрим соответствующие термины в русскоязычном военном дискурсе: *PACAF* (*Pacific Air Force*) – Командование ВВС США в зоне Тихого океана; *MANPADS* – *Manportable air defence system* – ПЗПК (Переносной зенитно-ракетный комплекс); *DISCOM* (*Divisional support command*) – командование тыла дивизии; *MASINT* – *measurement and signature intelligence* – разведка путем измерения параметров и сигнатур целей; *UNPROFOR* – *United Nations Protection Force* – СООНО (Силы Организации Объединенных Наций по охране); *ACLANT* – *Supreme Allied Commander Atlantic* – Верховный главнокомандующий объединенными силами НАТО в Атлантике. Как видно из приведенных выше примеров, в русском языке, как и в английском, существует тенденция к аббревиации названий оружия (ПЗПК) и организаций особой значимости (СООНО), но, в отличие от английского, почти отсутствует описанный выше гибридный вид сокращений, за исключением таких редких примеров, как *КамАЗ* (*Камский автомобильный завод*) или освоенное заимствование

radar (radio detection and ranging). Стоит также отметить, что в англоязычном военном дискурсе крайне распространены сокращения воинских званий (*ACLANT* – *Supreme Allied Commander Atlantic*), в то время как названия соответствующих званий в российских вооруженных силах сокращению не подвергаются.

Рассмотрим эквивалентные термины в русскоязычном военном дискурсе: *bn* (battalion) – батальон, дивизион (см. тж. графические сокращения *бат.*, *див.*); *spt* (support) – материально-техническое обеспечение; *ldr* (leader) – командир; *hq* (headquarters) – штаб. Приведенные выше примеры демонстрируют, что контрактуры как разновидность сложных сокращений, как правило, не используются в русскоязычном военном дискурсе. Так или иначе, в письменной речи определенные термины сокращаются графически (см. *бат.*, *див.* в значении «батальон», «дивизия»), но, в отличие от английских, требуют обязательную постановку точки на конце, проявляют более выраженную вариативность в орфографии (см. тж. *дивиз.* в значении «дивизия»), и потому отличаются от нормированных и однозначных английских усечений (ср.: *bn*, *div*).

Значительно реже мы сталкиваемся с примерами словослияния как ограниченного в своем употреблении аналога английской контрактуры (см. *sqdn* – *разведбат*, *стройбат*). Необходимо оговориться, что, в то время как аналогичные английские контрактуры используются в официальной письменной речи, в русском языке использование терминов-словослияний, построенных по такой модели (см. тж. *комвзвода* – *командир взвода*; *комбат* – *командир батальона*; *комдив* – *командир дивизии*) ограничивается неформальными ситуациями устной речи, о чем уже упоминалось выше.

Инициальные сокращения (initialism) – такие сокращения, которые образуются из начальных (чаще всего первых) букв исходных слов и в зависимости от произношения подразделяются на буквенные инициальные сокращения и акронимы.

1. *Буквенные инициальные сокращения* – инициальные сокращения, буквы которых произносятся как отдельные звуки в алфавите. Согласно корпусным анализам, самая распространенная длина буквенных инициальных сокращений – сокращения длиной в 3–4 буквы, образованные от 3–4 исходных слов, таких как: *MIA* (*missing in action*), *WMD* (*weapons of mass destruction*), *CINC* (*Commander in Chief*)

соответственно. Стоит отметить, что образование множественного числа отличает буквенные инициальные сокращения от большинства других аббревиатур. За счет особенностей написания таких сокращений (начальные буквы всех исходных слов, подвергающихся сокращению, становятся прописными) множественное число таких аббревиатур образуется путем прибавления *-s* к сокращенной основе, например: *XOs* – *executive officers*¹, *POs* – *petty officers*, *IOs* – *intelligence officers* и т. д. Примечательно, что притяжательный падеж таких сокращенных терминов образуется посредством прибавления апострофа *s* к основе, как если бы сокращение являлось обыкновенным существительным, например, *AF's* – *Air Force's*.

Другая черта, свойственная английским буквенным инициальным сокращениям в большей степени, чем другим видам сокращений, – опущение служебных частей речи (см. *ETA* – *Estimated Time of Arrival*, *WMD* – *Weapons of Mass Destruction* и пр.). Также заметим, что, хотя подавляющее большинство таких сокращений состоит из прописных букв, существуют примеры: 1) сохранения целого служебного слова внутри буквенного инициального сокращения: *CinC* – *Commander in Chief*, *CofS* – *Chief of Staff*, *LofC* – *line of communication*; 2) замены одного из образующих элементов на соответствующий символ, такой как числительное, дефис или лигатура: *R & R* – *rest and recuperation*, *METT-T* – *mission, enemy, terrain, troops available, time*, *2IC* – *second in command*.

Особенность буквенных инициальных сокращений заключается в том, что нет необходимости подстраивать их под существующие в английском языке фонетические модели (как в случае образования акронимов): так, мы встречаемся с примерами буквенных сокращений типа *AAAIIS* – *antiaircraft artillery intelligence service* или *AAD* – *army air defense* и другими, в которых двойной звук может читаться как *double / triple <X>* (в первом случае – [triple eɪ aɪ es]) в целях упрощения произношения.

Изучая соответствующие примеры в русскоязычном военном дискурсе, замечаем, что русские буквенные инициальные сокращения в основном не уступают в продуктивности английским: *MIA* (*missing*

¹ Это сокращение также примечательно тем, что, во избежание сходства с термином ЕО (англ. *emergency order* – *срочный приказ*), в нем задействована не начальная, а вторая буква первого исходного слова (*executive*).

in action) – ПБВ / БВП (*пропавший без вести*); WMD (*weapons of mass destruction*) – ОМУ (*оружие массового уничтожения*); AF (*Air Force*) – ВВС (*Военно-воздушные силы*); AAD (*Army air defense*) – ПВО (*Противовоздушная оборона*). Как и в английском языке, в русском языке буквенные инициальные сокращения наиболее применимы в тематическом круге названий оружия, причем используются такие сокращения как для классов и типов оружия (см. БМП – *боевая машина пехоты*, МБР – *межконтинентальная баллистическая ракета*), так и для наименований конкретных моделей (см. РПК – *ручной пулемет Калашникова*). Однако, если в первом случае перевод незатруднителен (см. соответствующие инициальные и гибридные сокращения в английском языке: MICV – *mechanized infantry combat vehicle*, ICBM – *intercontinental ballistic missile*), во втором случае поиск эквивалентных сокращений усложняется несоответствием между российской и американской системой оружия и нередко приводит к заимствованию самой аббревиатуры в ее исходном виде, как то the RPK – *Ruchnoy Pulemyot Kalashnikova* – в английском языке или *управляемая ракета СПАМ (SRAM, short-range attack missile)* в русском языке. В таких случаях уместность прямого заимствования определяется, как правило, видом перевода (перевод с листа, синхронизация видеотекста, письменный перевод и т. п.), а также информированностью реципиента: так, для ускорения устного перевода позволительно прибегать к заимствованию сокращения в его исходном виде при том условии, что реципиент достаточно осведомлен о рассматриваемой модели оружия и/или данное наименование уже встречалось в тексте оригинала ранее.

Заметим, что буквенные инициальные сокращения всё же покрывают больше тематик в англоязычном военном дискурсе, нежели в русском: так, они используются для сокращения названий оружия и транспортных средств, единиц материально-технического обеспечения, наименований организационных единиц, названий армейских учебных заведений, а также званий. Особенно примечательна последняя группа буквенных инициальных сокращений: широко представленная в системе сокращений вооруженных сил США от низшего и среднего уровня (см. SFC – *Sergeant First Class*, CPO – *Chief Petty Officer*, WO1 – *Warrant Officer, grade 1*) до высшего (см. BG – *Brigadier General*, GAF – *General of the Air Force*), подобная система буквенных

инициальных сокращений отсутствует в вооруженных силах РФ и, соответственно, при переводе американских военных званий на русский язык не используется (см. варианты перевода вышепредставленных американских званий: *сержант 1-го класса*; *главный унтер-офицер*; *урент-офицер 1-го класса*; *бригадный генерал*; *генерал ВВС* соответственно).

Справедливо отметить, что не во всех случаях английскому инициальному сокращению будет соответствовать аналогичное соответствие в русском языке: к примеру, для английского буквенного инициального сокращения *APC (Armored Personnel Carrier)* утвердилось русское соответствие *БТР (бронетранспортер)*, представляющее собой контрактуру второго типа (см. классификацию контрактур, представленную нами в подпункте «усечения»). Объясняется это расхождение разницей в количестве сокращаемых слов: английский термин включает в себя три исходных слова, в то время как русский термин «бронетранспортер» состоит из одного и, следовательно, не может быть подвергнут инициальной аббревиации. В таких случаях при переводе – как письменном, так и устном, – следует руководствоваться узусом, т. е. пониманием частотности и общепринятости аббревиатуры в переводящем языке.

Акронимы (acronyms) – разновидность инициальных сокращений, которые образуются из частей (как правило, начальных букв) двух или более исходных слов и в устной речи произносятся как самостоятельное слово. Самый распространенный вид акронимов в английском языке – трех- и четырехбуквенные акронимы: *JAG – Judge Adjutant General*, *ROM – Refueling on the Move*; тем не менее в военном дискурсе нередки примеры значительно более длинных акронимов: *NATO – North Atlantic Treaty Organization*, *IVIS – intervehicular information system*, *SALUTE – Size, Activity, Location, Unit, Time, Equipment*. Как показывают вышепредставленные примеры, для акронимов особенно свойственно изменять привычную модель инициального сокращения: задействовать внутрисловесные буквы исходных слов наряду с начальными (см. *IVIS*) или опускать некоторые начальные буквы (см. *ROM*) в целях создания акронима, удобного для произношения.

Подобно буквенным инициальным сокращениям, английские акронимы подразделяются на несколько подгрупп в зависимости от используемых в сокращении производящих элементов:

1) акронимы, в которых, помимо начальных, используются другие буквы исходных слов, например: *AWOL* – *absent without leave*, *HEAT* – *high explosive anti-tank*, *SACLOS* – *semi-automatic commandline of sight*;

2) акронимы, в которых используются лишь начальные буквы исходных слов, например: *HALO* – *high altitude low opening*, *MOAB* – *Massive Ordnance Airburst Bomb*;

3) акронимы, в которых опускаются начальные буквы одного или некоторых исходных слов, например: *HOT* – *high subsonic, optically guided, tube fire*.

Приведем русские эквиваленты некоторых из рассматриваемых выше терминов: *NATO* (*North Atlantic Treaty Organization*) – *НАТО* (*Организация Североатлантического договора, Североатлантический альянс*); *AWOL* (*absent without leave*) – *находящийся в самовольной отлучке* (жарг. *в самоволке*); *DMPI* (*desired point of impact*) – *предполагаемая средняя точка попаданий*; *MOAB* – *Massive Ordnance Airburst Bomb* – *ОДАБ* (*объемно-детонирующая авиабомба*). Хотя в одном случае из четырех представленных примеров, мы наблюдаем заимствования иностранного акронима (что обусловлено прежде всего высокой узуальностью сокращения *НАТО* не только в военном, но и в общественно-политическом дискурсе), чаще всего мы имеем дело с обычной в таких случаях экспликацией или калькированием сокращения (см. *МОАВ* – *ОДАБ*).

Связаны эти тенденции в переводе с крайне низкой продуктивностью акронимов в русском словообразовании: из собственно русских незаимствованных акронимов можно выделить *самбо* (*самозащита без оружия*) и *вуз* (*высшее учебное заведение*), которые отражают, с одной стороны, разговорный оттенок таких сокращений (что нельзя сказать об английских акронимах, не закрепленных за разговорным стилем в функциональном отношении), с другой – отсутствие определенной тематической сферы применения акронимов.

Простые сокращения

Данный вид сокращений представлен несколькими видами графических сокращений, употребимых только в письменной речи. В отличие от сложных, простые сокращения обладают значительно меньшей узуальностью в военном языке; в то же время для простых сокращений свойственна более высокая контекстуальная

вариативность, в связи с чем изучение подобных аббревиатур осложняется их разнящейся в зависимости от контекста и индивидуальными предпочтениями автора формой в английском языке (*s/sec./sec – second*) и в русском (с./сек. – секунда).

Рассмотрим самые распространенные в англоязычном военном дискурсе простые сокращения¹:

1) точечные сокращения, в которых на месте опущенной части исходного термина ставится точка (например, *in. – inch, sec. – second*);

2) косолинейные графические сокращения, в которых вместо опущенной части ставится косая черта и которые могут быть образованы как от одного исходного термина (например, *S/S – steamship*), так и от нескольких (*U/C – unit cost, S/N – signal to noise, S/T – short tone, T/M/S – type, model and series, T/O – table of organization*);

3) графические сокращения, в которых союз *and* (**u**) заменяется знаком лигатуры (например, *I&W – indications **and** warning, O&M – operation and maintenance, R&R – rest and recuperation, S&F – store-and-forward*).

Обратим внимание на то, что точечные графические сокращения не находят такого частого применения в англоязычном военном дискурсе, как косолинейные сокращения и сокращения с лигатурой. Использование точечных сокращений ограничивается преимущественно единицами измерения, поэтому их использование сводится к военно-техническим текстам. Также заметим, что точечные сокращения чаще других буквенных сокращений подвергаются изменениям в различных контекстах: так, мы встречаем примеры усечения *in* наряду с точечным сокращением *in* (дюйм).

Изучая аналогичные примеры в русском языке, обращаем внимание на разнообразие способов передачи таких сокращений, например: *in. (inch) – д., а тж. дм. (дюйм), S/N (signal to noise) – ОСШ, а тж. С/Ш (отношение сигнал-шум), T/O (table of organization) – оргштатное*

¹ Хотя некоторые авторы, в частности Д. И. Алексеев, относят контрактуры к графическим сокращениям, мы склоняемся к определению контрактур как подвида усечений, и поэтому не приводим их в данном подпункте. Также в некоторых классификациях находим категорию «нулевых сокращений», в которых от исходного термина берется только начальная буква (например, *a – attack aircraft*), однако этот вид сокращений совпадает с однобуквенными усечениями, о которых писалось выше, и поэтому не рассматривается отдельно.

расписание, U/C (unit cost) – уд. стоим., тж. уд. ст-ть. Можно убедиться, что в русском военном терминологическом аппарате достаточно развита система простых графических сокращений, однако, в отличие от английской военной терминологии, русская система не стремится к унификации сокращений. Наличие терминологических дублетов в русской военной терминологии (например, таких взаимозаменяемых единиц, как буквенная инициальная аббревиатура *ОСШ* и косолинейное сокращение *С/Ш*, точечное сокращение *стоим.* и дефисное сокращение *ст-ть*) приводит к разнообразию вариантов в переводе. Так, в письменном языке, в зависимости от функционального стиля подлинника и переводческих задач, возможно прибегнуть к более сжатому варианту (см. *уд. стоим., тж. уд. ст-ть*), что нередко приводит к появлению канцелярского оттенка в переводящем тексте; также возможно прибегнуть к раскрытию сокращения в тех случаях, когда того требует прагматика перевода (например, при первом появлении термина в тексте, при необходимости в уточнении падежа (ср.: *стоим.* и *ст-ть/ст-ти* и т.п.). Ввиду того, что английские графические сокращения чаще имеют уставной (закрепленный и неизменяемый) вариант написания, а русские графические сокращения подвержены большей гибкости и вариативности, целесообразно подстраивать перевод таких сокращений под конкретную прагматическую задачу.

Заключение

Подводя итоги, можем заключить, что как сложные, так и простые сокращения в англоязычном военном дискурсе обладают более высокой регулярностью и закрепленностью по сравнению с русскими. С другой стороны, подчеркнем, что заметная продуктивность многих видов сокращений в сфере американских вооруженных сил напрямую связана с продуктивностью соответствующих словообразовательных способов в английском языке; равным образом, некоторые виды сокращений (например, словослияния и акронимы) не развиты в русскоязычном военном дискурсе, поскольку нехарактерны для русского языка. Несовпадения между двумя терминологическими аппаратами обуславливают ограниченность однозначных эквивалентных соответствий и затрудняют выработку универсального подхода при передаче сокращений в военном переводе, вследствие чего выбор в пользу того или иного переводческого приема ситуативен. Таким образом,

наиболее оправданной мы находим стратегию предпереводческого анализа (выполнение предпереводческих упражнений, изучение коммуникативного задания, сбор внешней информации о тексте и о реципиенте) с целью заблаговременного нахождения адекватных соответствий в переводящем языке и облегчения вариантного поиска при переводе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Bowyer R.* Dictionary of Military Terms. London: A&C Black Publishers Ltd., 2007.
- Harley H.* English Words: A Linguistic Introduction. Oxford: Blackwell Publishing, 2006.
- López Rúa P.* Acronyms & Co.: A typology of typologies. Madrid: Estudios Ingleses de la Universidad Complutense, 12, 2004. P. 109–129.

УДК 811.111, 81'373

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_76

Г. В. Климова

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры лексикологии факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

g.klimova@linguanet.ru

СОВРЕМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ РАЗВЛЕЧЕНИЙ: МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В статье рассматривается проблема межличностных отношений, проанализированных на материале продукции индустрии развлечений, таких как современные англоязычные сериалы и видеоигры. Языковым материалом для анализа послужили фразеологические единицы, которые, являя собой «сгусток» национального мировидения, помогают выявить и лучше понять актуальные настроения и отношения между людьми в процессе общения в современном обществе, что может служить основой эффективной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межличностные отношения; индустрия развлечений; ТВ-сериал; видеоигра; положительная коннотация; негативная коннотация.

G. V. Klimova

PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor at the Department of English Lexicology

Faculty of the English language

Moscow State Linguistic University

g.klimova@linguanet.ru

MODERN MEDIA AND ENTERTAINMENT INDUSTRY: INTERPERSONAL RELATIONS

The article looks into the problematic area of interpersonal relations, describing the results of the analysis carried out on the material selected from Media and entertainment industry products, such as TV series and video games. Phraseological units, regarded as the container of the national mindset, comprise the linguistic material for the analysis, which contributes to a better understanding of modern attitudes and relations of people in the process of the present-day communication.

Key words: interpersonal relations; entertainment industry; TV series; video game; positive connotation; negative connotation.

Introduction

The present article is devoted to the analysis of interpersonal relations based on the study of the products of modern media and entertainment industry.

The necessity and importance of such studies stem from the fact that the problem of interpersonal relationship has always been to the fore for many scientists, either studying psychology, anthropology, history, economics, government, politics or geography, due to the fact that a human being, as a member of a certain social group, is in constant interaction with other people. Besides, the media and entertainment (M&E) industry is an enormous consumer powerhouse, with revenues mounting to about \$2 trillion worldwide, whose main target is people with that inevitable necessity to establish relations, which in its turn provides vast opportunities for studying human interactions and relations as well as the process of communication, the major problem area, in general.

Interpersonal relations

As interpersonal relations present the subject of different studies there is a diversity of definitions. In a most general way interpersonal relations can be determined as a complex of interactions between members of a community, which are mostly based on different types of communication, first of all, visual or nonverbal (such as appearance and gestures) and linguistic or verbal.

The semantics of the word “communication” helps to reveal its subject area. In the common consciousness it is associated with three aspects: a) unity (a good company or being friends), b) exchange of information (to talk), c) reciprocity (sometimes secret or even intimate relationship) [Бессонова, Доценко 1999].

In the theory of interpersonal communication the system of the basic notions can be determined by means of the following terminology: interpersonal contact, interpersonal communication (proper), interpersonal interaction and interpersonal relations. These are the facets of interpersonal communication, that is why in order to distinguish between them, it is necessary to determine their highlights.

The notion of interpersonal contact (from Lat. *contactus* – touching) means that people are within touch to perceive each other, they are directed physically and emotionally at each other, thus not only admitting the fact

of each other's existence but also engaging with each other in order to send or receive information.

The notion of interpersonal interaction emphasizes the activity of those coming into contact and helps to determine the types and forms of separate actions leading to mutual changes in behavior, attitudes, mindset and activity itself.

The notion of interpersonal relations focuses on the emotional-sensual aspect of human interaction and the time factor of communication, as only a constant interpersonal contact and constant exchange of personal-relevant information make possible mutual interdependence of the communicating people and their responsibility for preserving these relations.

Virtually interpersonal relations, relationships as well, are formed in the process of continuous communication and interactions between individuals, where relationships are regarded as a holistic system of individual conscious choices and connections of a person with different parts of objective reality, such as a person's attitude to other people, to him/herself, and things of the outside world. This three-component approach is similar to the three-component nature of mindset, in particular relations and mindset – cognitive, emotional-evaluative and behavioral. The idea suggested by Myasishchev, an outstanding Russian psychologist, about the nature of interpersonal relations comprises the key characteristics of the whole class of relations: individual and holistic, selective and conscious. However, interpersonal relations, as a part of the whole class of relations, include a nonconscious layer as well [Куницына, Панферов 1992].

The focus of our study is interpersonal relations in modern society, hence one of the powerful industries of nowadays, such as Media and Entertainment, can provide a wide and adequate range of materials for analysis.

M&E Industry

The M&E (media and entertainment) industry consists of film, print, radio, and television. These segments include movies, TV shows, radio shows, news, music, newspapers, magazines, and books. For example, the U.S. media and entertainment industry contributes more than \$ 717 billion to the economy and represents a third of the global M&E industry.

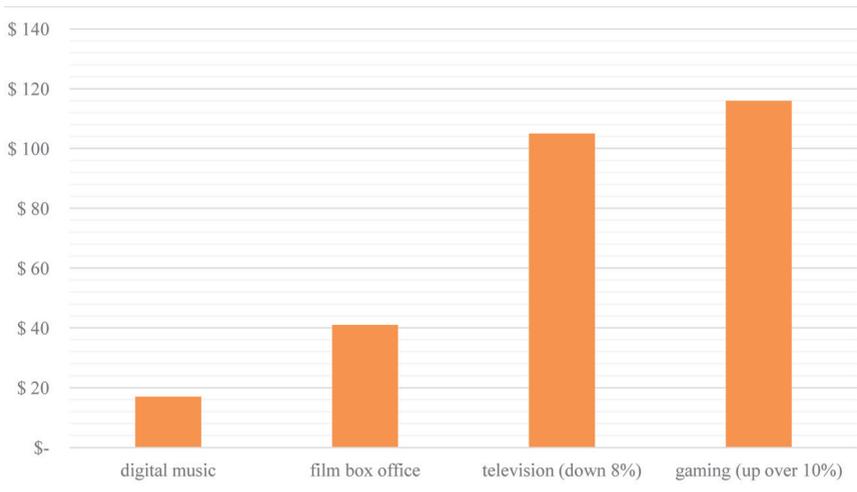
We can still access our media and entertainment the old-fashioned way, if we choose, by publications on paper and watching TV shows on our televisions. However, thanks to the internet and growth of digital content,

media and entertainment is now available 24/7 through computers, smartphones, tablets, and eBook readers.

Along with more traditional entertainment segments, such as TV and movies, video games are becoming massively popular (<https://www.vault.com/industries-professions/industries/media-and-entertainment>).

Table 1

M&E industry revenue

As shown on the graph above, in 2018 the gaming industry produced an estimated revenue of \$116 billion, beating TV and TV streaming services' \$105 billion, and that is as close as the industry wars got. The movie industry only made \$41 billion while music only made \$17 billion. In 2018 the gaming industry grew considerably, seeing a 10.7 percent growth over the previous period, which though cannot compare with soaring figures of 2020. This accelerated trend of growing popularity of the gaming sector results from the ongoing measures around the Covid-19 pandemic. As the population is being encouraged to stay home and limit social interaction, people turn to gaming en masse. According to the forecast, the games market will continue to grow to \$174,9 billion in 2021, and is likely to generate \$217,9 billion in 2023 (<https://newzoo.com/insights/articles/game-engagement-during-covid-pandemic-adds-15-billion-to-global-games-market-revenue-forecast>).

The above figures are given with good reason because the level of revenue of a certain sector of M&E industry directly correlates with its popularity among the customers. Thus, the study of the given sectors and their products can give a relevant picture about modern customers, their attitudes and interactions.

Interpersonal relations specifics in the context of M&E industry

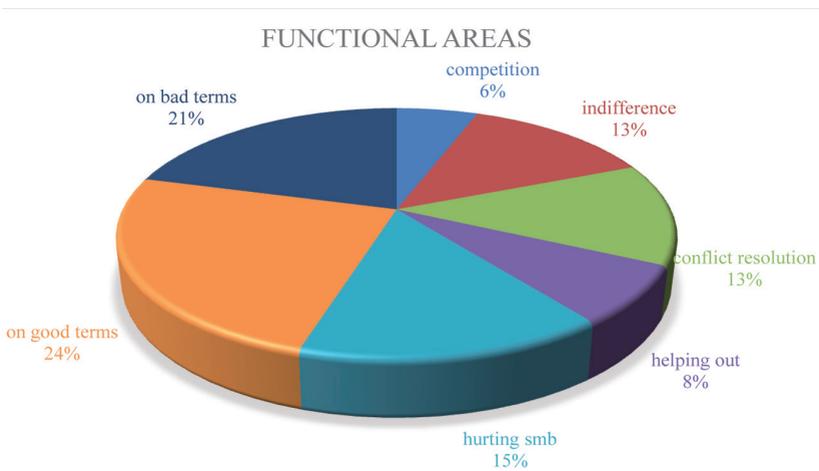
That skyrocketing popularity of video games and the steadily high interest in TV series determined the choice of the sources of the linguistic material for our study of interpersonal relations. First of all, these two entertainment media are trying to tell a story. In order to make the story believable and interesting, authors create characters with an intent to make them thoroughly realistic. To achieve this goal, they make the characters interact with each other, simulating the process of human relations, which naturally involves communication, and, therefore, language. Besides, these two genres are characterized by a long duration, which involves numerous communication situations and a considerable number of dialogues. What is more, both of them can be regarded as one of the *most* current ‘slices’ of our reality and modern human relations. Taking the above-mentioned factors into account, we limited our choice by several TV series including ‘Breaking Bad’, ‘Mayans MC’ and ‘The Punisher’ and story-oriented videogames such as ‘Star Wars: The Old Republic’ and the ‘Mass Effect’ series, as the sources of the linguistic material for studying interpersonal relations.

The choice of phraseological units, as the linguistic material for studying interpersonal relations, was determined by the fact that such set expressions, being a container of authentic national mindset, will definitely contribute to a better understanding of the English-speaking culture and clarify certain peculiarities of the modern interpersonal relations presented via entertainment media.

The analysis of the sources mentioned above resulted in fifty-four examples of phraseological units relevant for this research, which were classified according to their functional areas. The selected clusters such as *competition, conflict resolution, causing harm, helping somebody out, indifference, on bad terms, on good terms* are presented in the graph below.

As can be seen from the graph ‘Functional areas’ the most numerous groups are **on bad terms** and **on good terms**, 24 % and 21 % respectively. A relatively small number of expressions comprise the **competition**

group (*to lose ground to someone, to go toe-to-toe with someone, to bring someone to their knees*) (6%) and **helping somebody out** (*to lend a hand, to give someone a pat on the back, to put in a good word for someone, to throw someone a bone*) (8%), while the groups of **indifference** (*to leave smb in a ditch, in cold blood, to turn one's back on someone, Ice queen, to leave smb high and dry, to turn a blind eye to*), **conflict resolution** (*to get out of one's hair, to mend fences, change of heart, to take the high road, in good faith, to clear the air, to cry on smb's shoulder*) and **hurting somebody** (*an eye for an eye, to burst smb's bubble, to make smb's life hell, to drive smb up a wall, to stab someone in the back, to put smb in a bind, to give smb a taste of their own medicine, to step on someone's toes*) on average have gained 13,6% each.

The two most numerous groups determined as **on good terms** and **on bad terms** are illustrated in greater detail further.

It goes without saying that, regardless of our ideology and mindset, relationships between people are important. They exist on numerous levels, meet different needs, and provide meaning to our ambitions. We depend on them, as they determine who we can trust and who we can rely on in dire circumstances. It is for this reason why poor relations can ruin a person's life: having no one to support you might have a catastrophic effect on your physical and mental well-being or, if it involves spiteful feelings such as perfectly obvious hatred and fury, even put an end to the entire life.

Examples from literature, movies and other types of entertainment media show that protagonists generally have various friends and supporters, while antagonists tend to surround themselves with people capable of betraying them at any moment. As a result, protagonists normally win. The following series of phraseological units, possessing a heavily negative connotation, illustrate certain cases of unhealthy relations, which can be generally called ‘*being on bad terms*’.

to breathe down one’s neck (*to pursue someone closely; pose a threat to someone*)¹

e.g. Agent Schrader, you need to be calling me back ASAP. Clear? I’ve got Texas breathing down my neck, and I’m not about... (*Breaking Bad S03E04*).

bad blood (*hostility between people*)

e.g. But the militant “Big Tim” soon began to oust Enright. Bad blood brewed between them (*Misleaders of Labor by W. Foster*).

cats and dogs (*not on friendly terms; disagreeing*)

e.g. – What I hear, he and Walter are splitsville. – Really? – That’s what Goodman says.

Cats and dogs (*Breaking Bad S03E04*)

a chip on one’s shoulder (*aggressiveness, pugnacity*)

e.g. He was aggressive and irascible, nothing satisfied him. He was a man with a chip on his shoulder (*The Gentleman in the Parlour by W. S. Maugham*).

to keep an eye on someone (*to watch or to monitor someone or something closely*)

e.g. I’ll work with you, Bareesh – but I’ll keep a close eye on your activities (*Star Wars: The Old Republic*).

to get under one’s skin (*to become a source of irritation for someone*)

e.g. It was simple. We’d hit their shipments, disrupt their activities. Get under their skin. Make them angry (*Mass Effect 2*).

to hate someone’s guts (*to utterly despise one; to feel nothing but hatred for one*)

e.g. Let me tell you, that kid hates my guts. Despises me, okay? (*Breaking Bad S05E10*)

¹ Here and further the definitions are taken from the Free Dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com>.

to have it out for someone (*to persistently try or desire to criticize, cause harm to, or harass someone, especially due to a grudge*)

e.g. Hey, cousin, that jerk Selim just fired me for no reason! I swear the guy has it out for me (*Mass Effect 2*).

to be on the outs (*to no longer be on speaking or friendly terms*)

e.g. Nem'ro and Faathra have been sort of on the outs lately (*Star Wars: The Old Republic*).

a pain in the neck (*a person or a thing of extreme annoyance*)

e.g. These mercenaries are a pain in the neck (*Star Wars: The Old Republic*).

a piece of work (*a remarkably difficult or unpleasant person*)

e.g. – I don't care about the children. – Aren't you a piece of work? (*Star Wars: The Old Republic*).

shots fired (*a phrase used to acknowledge that someone has said or done something insulting or argumentative*)

Резко, жестко, тяжело

e.g. – How bad were the circumstances you and your father parted on? – Shots were fired (*Mass Effect 2*).

Along with poor relations, which might seem dominating in modern society, there is a good deal of situations where people show their good will, well-meaning intentions, support and sympathy.

Interpersonal relations, being a vital part of a person's life, in fact, can describe the entire life through relationships with other people, as for nearly the whole living cycle they communicate and exchange thoughts, feelings, actions, either at work, school or university, in free time and so on. Examples of good relations including friendship, love, devotion, alliance, partnership have been united into another group entitled 'on good terms'.

to be held in high regard (*to be regarded with a large amount of respect or admiration*)

e.g. No one does a thing about the poisonings. Humans aren't exactly held in high regard around here (*Mass Effect 2*).

two peas in a pod (*two people similar in interests, beliefs etc.*)

e.g. I knew Hammerlock would come around eventually. Me and him are like two peas in a pod! Two bullets in a mag! (*Borderlands 2*).

to get in one's good graces (*to earn one's approval or regard*)

e.g. Taking out that guy on the bridge, and now this. You trying to get back in my good graces, Agent Madani? (*The Punisher S02E13*).

to go way back (*to have known someone for a long time*)

e.g. I know you're not who you claim you are. The Blade and I go way back (*Star Wars: The Old Republic*).

to be in the same boat (*to be in the same difficult position or situation as somebody else*)

e.g. – Mike, do I have to come right out and say this? You and I, we're in the same boat. – Drink your drink. – If it happened to Victor, it could happen to you (*Breaking Bad S04E02*).

hand in glove (*on intimate terms, in close association*)

e.g. Hand in glove. That's what we strive for. You know, this might be the beginning of a beautiful friendship (*Breaking Bad S03E07*).

partner in crime (*someone's close friend or confidant*)

e.g. Kenneth and I have been partners in crime since we graduated from tech academy (*Mass Effect 2*).

thick as thieves (*having a close, intimate friendship or alliance*)

e.g. Well, it looks like Torch and Margok were thick as thieves for a while, then something happened (*Star Wars: The Old Republic*).

to have one's back (*to be prepared to help or support someone*)

e.g. Just know – you had my back out there. And now I've got yours (*Star Wars: The Old Republic*).

one hand washes the other (*all parties involved will benefit from helping each other and / or working together toward the same goal*)

e.g. My guys are keeping their mouths shut. We make them whole. One hand washes the other. It's as simple as that (*Breaking Bad S05E03*).

to have smth at heart (*to be greatly concerned about*)

e.g. Whatever else people might say about him, I can assure you he's got humanity's best interests at heart. That includes you and me (*Mass Effect 2*).

to be in bed with smb (*to have a close relationship with smb*)

e.g. – I could tell her the truth. – Yeah, tell her you're in bed with the crew that kidnapped her son. That'll win her back (*Mayans MC S01E05*).

to have a way with someone (*to have success in dealing with someone*)
e.g. – One day at a time. All we can do. – I know. It’s just you’ve got a real way with him. It’s – You want to go full-time? We’ve got a spare bedroom (*Breaking Bad S04E02*).

In entertainment media good relations are often used to promote moral values and instill the right ideas, they require people to be sensitive towards others and take their views, feelings and thoughts into consideration. As a result, good relations raise a person’s self-esteem, generally make people stronger and capable of achieving incredible results, provided that they are confident that they are properly supported. This thematic cluster of phraseological units deals with beneficial relationships and thus has a strong positive connotation.

Conclusions

The undertaken analysis enables us to draw several conclusions about interpersonal relations studied by means of the phraseological units selected from media and entertainment sources, such as video games and TV series:

a) almost 50% of the analyzed lexical units contain a noun denoting *a part of the human body*, which implies the self-centered behaviour of humans, who, consciously or subconsciously, try to connect everything they create with their own nature;

b) the proper names used in the examined entertainment media vocabulary are non-existent, which proves that people try to become and make their stories less reliant on history and relevant at all times, however, they reveal their inherent religious nature using idioms with the ‘heaven’ and ‘hell’ component;

c) as the vast majority of the analyzed expressions (about 70%) are verb phrases, this can indicate that human relations presuppose plenty of actions people aim at each other, and their state is continuously shifting;

d) despite the fact that a good deal of the selected examples have a negative connotation, it does not necessarily imply that humans are drawn to negativity, rather, it can be explained by the fact that positive stories with happy endings have become trite, and people try to raise the stakes and create something original in order to stand out.

The study and better understanding of human relations can help us in different areas of living environment, be it workplace or family,

and as a result, assist us in achieving success in life. The better our human relations, the more likely we are to grow both professionally and personally. Knowing how to get along with others, resolve workplace conflicts, manage relationships, communicate well, and make decisions are the skills modern life requires.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бессонова В. Л., Доценко Е. Л.* Обыденные представления о структуре общения // Вестник Московского ун-та. Сер. Психология. 1999. № 2. С. 23–33. [Bessonova, V. L., Dotsenko, E. L. (1999). Common understanding of the communication structure. Vestnik Moscovskogo universiteta. Seriya Psychologiya, 2, 23–33. (In Russ.)].
- Куницына В. Н., Панферов В. Н.* Проблема отношений личности в трудах В. Н. Мясищева // Психологический журнал / ред. А. В. Брушлинский, И. О. Александров, И. И. Чеснокова. 1992. № 3. Т. 13. С. 140–149. [Kunitsina, V. N., Panferov, V. N. (1992). Problema otnosheniy lichnosti v trudach V. N. Myasishcheva (Problem of relations of an individual in the works of V. N. Myasishchev). Psichologicheskij zhurnal, 3, 140–149. Vol. 13. (In Russ.)].

УДК 811.111-26

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_87

Е. В. Кобелева

старший преподаватель кафедры иностранных языков
геологического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
e.v.kobelewa@yandex.ru

К ВОПРОСУ СИНОНИМИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ «A BUSINESSMAN» И «A BUSINESS, MAN» В АМЕРИКАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматривается языковая личность «деловой человек» в ее сопоставлении с языковой личностью «бизнесмен» в американской языковой картине мира. Сопоставление проводится по следующим характеристикам: деньги (получение прибыли), время получения прибыли, работоспособность (трудолюбие), деловой склад ума, философия прагматизма. Основой исследования является художественный дискурс. Материалом исследования служит рассказ О. Генри «Деловые люди».

Ключевые слова: языковая картина мира; синонимия; бизнесмен; деловой человек; прибыль; время; прагматизм.

E. V. Kobeleva

Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages
Geological Faculty
Lomonosov Moscow State University
e.v.kobelewa@yandex.ru

ON THE PROBLEM OF SYNONYMY OF LEXICAL AND SEMANTIC UNITS 'A BUSINESSMAN' AND 'A BUSINESS, MAN' IN THE AMERICAN LANGUAGE WORLDVIEW

The article compares the linguistic personality 'a business, man' with the linguistic personality 'a businessman' in the American language worldview. The comparison is carried out according to the following characteristics: money (making a profit), time for making a profit, work, business mentality and philosophy of pragmatism. The research is based on literary discourse. The research material is the story "Strictly Business" by O. Henry.

Key words: language worldview; synonymy; a businessman; a business, man; profit; time; pragmatism.

Введение

На сегодняшний день в лингвистической литературе существует множество определений понятия «языковая картина мира» (ЯКМ). Однако все они так или иначе сводятся к тому, что языковая картина мира – это совокупность закономерностей, содержащихся в различных языковых средствах и отражающих характерные для данного языка способы видения элементов, из которых состоит мир, а также иерархии ценностей, признаваемых носителями данного языка. Таким образом, источником информации о языковой картине мира того или иного народа являются разные уровни языка (морфологический, словообразовательный, синтаксический, лексический, фразеологический) наряду с языковыми стереотипами, речевым этикетом и языком культурных ценностей.

На лексическом уровне немаловажную роль в изучении ЯКМ играют синонимы, поскольку «синонимия – особое языковое явление, воссоздающее дробление языковой картины мира» [Шумилова 2009б, с. 12]. Проблема синонимии вот уже несколько веков вызывает исследовательский интерес как у лингвистов, так и у философов, однако «несмотря на большое количество исследований по лексической синонимии, осмысление сущности и границ данного явления остается нечетким» [Шумилова 2009а, с. 144]. В свете современной научной парадигмы, когнитивно-дискурсивной, в настоящей статье под синонимией понимается ментально-языковая категория, реализующая познавательную деятельность человека, в рамках которой на основе гипотазированного признака соединяются значения различных по формальному определению слов [там же, с. 148].

Цель данной работы состоит в том, чтобы рассмотреть лексико-семантические единицы *a businessman* (*бизнесмен, делец*) и *a business, man* (*деловой человек*).

Методология исследования

Так как языковая личность (ЯЛ) «an American businessman» («американский бизнесмен») была уже нами рассмотрена и изучена в предыдущих публикациях [Кобелева 2016; Кобелева 2019], то в данной работе будем опираться на полученные ранее выводы, а основное внимание будет уделено языковой личности «a business, man» («деловой человек»). Для выполнения поставленной задачи, как и в предыдущих

работах, обратимся к художественному дискурсу, поскольку именно «тексты художественной литературы <...> не только несут сведения об определенном времени, жизни, культурных ценностях общества, но и позволяют заглянуть во внутренний мир живущих в определенный период людей» [Александрова 2015, с. 313].

В качестве исследуемого материала был выбран рассказ О. Генри «Деловые люди» (O. Henry «Strictly Business»), так как он подпадает под те же временные рамки (начало XX века), что и те произведения, на основе которых исследовалась ЯЛ «американский бизнесмен», а также потому, что при переводе названия на русский язык была употреблена интересующая нас лексико-семантическая единица – *деловые люди* (пер. И. М. Бернштейна).

Рассказ «Деловые люди» был написан в 1908 году и дал название сборнику рассказов, вышедшему в 1910 году. На русском языке рассказ выходил также под заголовками «Люди дела» (пер. В. Александрова) и «Дело прежде всего» (пер. Э. Бродерсен).

Главными героями рассказа являются актер и сценарист Боб Харт (Bob Hart) и молодая талантливая актриса Винона Черри (Winona Cherry), т. е. люди творческой профессии, уже как бы изначально далекие от сферы бизнеса, однако не лишённые деловой жилки (т. е. деловые люди) и имеющие каждый свою мечту. Боб и Винона заключают своеобразную сделку – они объединяются в творческий дуэт. Мистер Харт приглашает мисс Черри для совместной работы в написанном им скетче – маленькой пьесе для «двух с половиной персонажей». Девушка соглашается, но с условием, что отношения их будут сугубо деловыми. А так как ко всему прочему у каждого из них есть мечта, то с чисто деловым подходом Черри предлагает Харту фиктивный брак для совместного проживания и ведения хозяйства с целью сократить расходы – ведь так они смогут больше сэкономить и быстрее скопить деньги, а их мечты смогут быстрее осуществиться.

Сопоставительная характеристика лексико-семантических единиц *a businessman – a business, man*

Перейдем к сопоставительному рассмотрению интересующих нас лексико-семантических единиц *a businessman – a business, man* и будем сравнивать и сопоставлять их по основным характеристикам, присущим ЯЛ «an American businessman»: деньги (получение

прибыли), время получения прибыли, работоспособность (трудолюбие), деловой склад ума, философия прагматизма.

Итак, напомним, что основной ценностной характеристикой ЯЛ «an American businessman» является не столько желание просто получить прибыль, сколько страсть к наживе, выраженная лексемой *money* (=profit). Доказательством этому служит лексико-семантическая группа **money**: *a money man; to make money; money is the great thing; money is the only thing; to hunt for money; to net the fortune; to coax the birds off the money tree; King Midas* [Кобелева 2016; Кобелева 2019].

Посмотрим, насколько эта характеристика применима к ЯЛ «a business, man» и приведем ряд примеров:

“Mr. Hart”, said she (Cherry) thoughtfully, “come inside just a few minutes. We’ve got our chance now to make good and **make money**” (*O. Henry, Strictly Business*).

«Right», said Bob. «It’s business with me. <...> Anything **to enlarge the net receipts** will engage my attention» (*O. Henry, Strictly Business*).

«Mr. Hart», said she (Cherry), «I believe your sketch is going to win out. That Grimes part fits me like a shrinkable flannel after its first trip to a handless hand laundry. I can make it stand out like the colonel of the Forty-fourth Regiment at a Little Mothers’ Bazaar. And I’ve seen you work. I know what you can do with the other part. **But business is business**. How much do you get a week for the stunt you do now?» (*O. Henry, Strictly Business*).

Выделенные лексические единицы (*make money; to enlarge the net; business is business*) также относятся к лексико-семантической группе *money(profit)* и, следовательно, могут дополнить уже имеющийся ряд. Особенно интересно выражение *business is business*:

business is business (*spoken*) – used to say that *profit is the most important thing to consider* [Longman Exams Dictionary 2007].

Итак, как можно судить по приведенным примерам, Харт с Черри также не лишены желания получить деньги и прибыль, что, безусловно, роднит их с бизнесменами-предпринимателями. Но на этом сходство по этой характеристике заканчивается. Поясним, почему.

Для бизнесмена получение прибыли в первую очередь связано с устранением конкурентов, ведь чем меньше конкурентов, тем выше прибыль. Поэтому, само понятие «бизнес» уже как бы априори

включает в себя такие смысловые составляющие как «война», «борьба», «спорт», «игра», т. е. всё, что так или иначе связано с соперничеством. Для достижения данной цели бизнесмен готов использовать различные средства и методы («на войне как на войне»), идти на любые хитрости и уловки, мошенничество и обман. Неслучайно важной составляющей характеристики бизнесмена является понятие «trick» («уловка, хитрость, обман, афера, мошенничество»). Таким образом *to make money* для бизнесмена означает следующее: «to fight and to trick competitors».

У Харта и Черри таких конкурентов нет. Их прибыль зависит исключительно от их таланта. Чем дольше сезонов продержится их спектакль, тем больше зрителей его посетят и тем больше денег они сумеют заработать. Поэтому для них «to make money» означает не устранение конкурентов, а банковские инвестиции, строгая экономия, ради которой они соглашаются на фиктивный брак (вдвоем легче и дешевле вести хозяйство) и умение копить деньги. Приведем ряд примеров в качестве подтверждения:

What I'm going to do with my money is to bank it. <...> Well, I might invest some of the principal in a little business – say, trimming hats or a beauty parlor, and make more (*O. Henry, Strictly Business*).

What we want to do is **to cut expenses** every cent we can, and **save** all we can (*O. Henry, Strictly Business*).

«Come inside just a few minutes», repeated Cherry, deeply thoughtful. «I've got a proposition to make to you that will **reduce our expenses** a lot and help you work out your own future and help me work out mine – and all on business principles» (*O. Henry, Strictly Business*).

Итак, выделив в приведенных примерах ключевые слова и выражения, можно выстроить следующую лексико-семантическую цепочку, показывающую, что означает «to make money» для делового человека:

to make money = to bank / to invest;
to cut expenses / to reduce expenses; to save.

Таким образом, лексическая единица *to make money* имеет разный смысл для бизнесмена и для делового человека и может иметь при переводе разные смысловые оттенки: «зарабатывать», «получать прибыль» и «наживаться». И если применительно к деловому человеку (*a business*,

man) больше подходят нейтральные значения «зарабатывать» и «получать прибыль», то в случае с бизнесменом (*a businessman*) это уже скорее негативное, отрицательное значение «наживаться». И хотя в американской ЯКМ эта разница не так четко выражена, в русской ЯКМ эта негативная оценка более очевидна, так как закреплена в словарях. Действительно, «нажива» (а наживаться означает «приобретать богатство путем наживы») означает, согласно Словарю Ушакова, «легкий доход» (<https://ushakovdictionary.ru/>) или, по Словарю Ожегова, «нечестно полученную прибыль» (<https://slovarozhegova.ru/>). Видимо по этой причине в русской ЯКМ, по мнению А. П. Евгеньевой, лексемы *бизнес*¹ и *бизнесмен*² имеют отрицательную коннотацию (<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>), в отличие от лексемы *предприниматель* и лексической единицы *деловой человек*, поскольку в самих определениях бизнеса и бизнесмена уже заложена негативная оценка – «нечестно», «афера», «легкий» (в значении «без труда»):

Обратим также внимание на тот факт, что лексему *businessman* можно отнести к концептуальной метафоре «время», поскольку, по словам Бенджамена Франклина, «время – деньги», а бизнесмен и деньги – понятия неразделимые. Действительно, бизнесмену придется подчас принимать решения в считанные мгновения и при этом идти на риск, если речь идет о большой прибыли. Таким образом, бизнесмен = деньги = время. Вспомним выражения, наречия и прилагательные из рассказа О. Генри «Роман биржевого маклера», обозначающие быстроту: *as swift as the flight of swallows; to act prompt as clockwork; like sailors during a storm; to act briskly, impatiently; to dash; to plunge; to leap; to flash*.

Как же обстоит дело у героев рассказа «Strictly business»? Обратимся к контексту рассказа и рассмотрим следующий пример:

You can get four per cent on deposits. Even at the salary I've been earning, I've figured out that **in ten years** I'd have an income of about \$50 a month just from the interest alone (*O. Henry, Strictly Business*).

¹ **Бизнес** – деловое предприятие, ловкая афера и т. п. как источник личного обогащения, наживы (<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>).

² **Бизнесмен** – тот, кто делает бизнес (<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>).

Итак, из данного примера видно, что ни о какой быстроте (*in ten years*) речи не идет – ведь десять лет довольно приличный срок, да и прибыль, которую рассчитывает получить Черри (50 долларов в месяц), – минимальна, и ни одного бизнесмена устроить бы не смогла. Кроме того, такое понятие как «копить деньги» («to save money») для бизнесмена также является неприемлемым, ведь оно относится к будущему (to save = to use later – to keep something so that you can use or enjoy it **in the future** [Longman Exams Dictionary 2007] или to save – to put aside as a store or reserve (<https://www.merriam-webster.com/dictionary/save>)), а бизнесмену важно и нужно получить хорошую прибыль и как можно быстрее, а для этого его деньги должны работать здесь и сейчас, поэтому он не может ждать так долго. Лексически это различие можно выразить антонимами:

impatiently = wanting something to happen **as soon as possible**, not wanting to wait (характеристика бизнесмена) – **in ten years**;

to use **later** = to save (характеристика делового человека).

И всё-таки есть еще одна черта, которая, хоть и частично, роднит героев рассказа «Strictly business» с бизнесменами-дельцами. Это – прагматизм, основная философия бизнеса, основанная на идее получения пользы и выгоды в результате практических действий, т. е. чистый расчет: «Какая мне от этого польза? Какая мне от этого выгода? А что я с этого буду иметь?». Подобно героям произведений «Роман биржевого маклера» О. Генри, «Победитель» Т. Драйзера, «Последний магнат» Ф. С. Фицджеральда и «Утро, день, ночь» С. Шелдона, Харт и Черри также подвержены идеям прагматизма. У них есть цель, у каждого своя, и для достижения своей цели они и затевают всё это предприятие: фиктивный брак, банковские инвестиции, строжайшая экономия.

Но, в отличие от бизнесменов-прагматиков, которые следуют за разумом, а не за чувствами (вспомним, например, Монро Стара, героя романа Ф. С. Фицджеральда «Последний магнат», который так и не смог позволить себе финансировать действительно стоящую картину, а должен был в первую очередь вкладывать деньги в фильмы, рассчитанные на массового зрителя и сулящие принести большой и быстрый доход), в отличие от бизнесменов, получающих прибыль ради прибыли, Харт и Черри хотят получить прибыль исключительно ради того, чтобы осуществить свою мечту. Черри – ради домика в деревне, а Харт – ради пятикомнатного бунгало на Лонг-Айленде:

The stage is all right. I love it; but there's something else I love better – that's a little country home, **some day**, with Plymouth Rock chickens and six ducks wandering around the yard (*O. Henry, Strictly Business*),

When I **dream** of nights I always see a five-room bungalow on the north shore of Long Island, with a Jap cooking clam broth and duckling in the kitchen, and me with the title deeds to the place in my pongee coat pocket, swinging in a hammock on the side porch, reading Stanley's Explorations into Africa. And nobody else around. <...> I **dream** every night of that bungalow with the Jap cook and nobody around to raise trouble (*O. Henry, Strictly Business*).

Как видно из приведенных примеров, Харт и Черри не только прагматики, но и в какой-то степени романтики, умеющие мечтать. Они никогда не забывают о своей мечте (*dream every night*), в отличие от бизнесмена, который в процессе добычи денег может забыть обо всем на свете (вспомним героя рассказа О. Генри «Роман биржевого маклера», который так увлекся деланием денег, что даже забыл, что накануне уже женился и делает предложение своей возлюбленной еще раз).

В качестве других характеристик, релевантных как для ЯЛ «американский бизнесмен», так и для ЯЛ «деловой человек», следует назвать также трудолюбие (работоспособность) – *work (hard-working)* – так характеризовал Харта и Черри директор одного из нью-йоркских театров) и деловой склад ума – *mentality*, позволяющий его обладателю принимать правильные решения и совершать выгодные финансовые операции для увеличения прибыли. Среди героев рассказа таким складом ума в большей степени обладает Черри (именно она придумывает разные способы, как и куда правильно вложить деньги, как сократить расходы, сэкономить и т. д., именно она производит все вычисления – *I've figured out...*), а Харт лишь восторгается ее умом (*You've got the proper idea; you've got the correct business idea*).

Заключение

Как видно из приведенного материала, между лексико-семантическими единицами *a businessman (бизнесмен) – a business, man*, принадлежащих к одному синонимическому ряду и имеющих в своем составе одинаковый лексический компонент *business*, несмотря на общие черты, существуют и различия: сфера деятельности

(у бизнесмена – работа в бизнесе, у делового человека может быть другой основной вид деятельности), способ и время получения прибыли (у бизнесмена – убрать конкурентов и быстрая прибыль, у делового человека время получения прибыли может растянуться на года), прагматизм в сочетании с романтизмом у делового человека (скопить деньги ради мечты) в отличие от чистого прагматизма у бизнесмена (деньги ради денег). Поэтому автор в рассказе ни разу не называет своих героев *businessmen* (бизнесменами), а просто считает их *business* – деловыми:

Now, let me tell you, Mr. Hart, I am strictly **business** (*O. Henry, Strictly Business*).

“Miss Cherry”, said Bob Hart in his smooth, serious tones, “you’re in on your own terms. I’ve got ‘strictly **business**’ posted in my hat and stenciled on my make-up box” (*O. Henry, Strictly Business*).

“It was an accident, of course”, said Hart. “Cherry’s all right. She wasn’t feeling in good trim or she couldn’t have done it. There’s no hard feelings. She’s strictly **business**” (*O. Henry, Strictly Business*).

Таким образом, хотя Боб Харт и Винона Черри, подобно бизнесменам, и осуществляют свое предприятие на деловой основе – *on business principles; It’s business with me* – к ним, безусловно, подходит определение *businesslike*, а не *businessmen*, приведенное автором в начале рассказа:

Latterly there has been much talk of the actor people in a new light. It seems to have been divulged that instead of being motoring bacchanalians and diamond-hungry loreleis they are **businesslike** folk <...> (*O. Henry, Strictly Business*).

Следовательно, между словосочетанием *a business, man* и лексемой *businesslike* можно поставить знак равенства (*He is a business, man = He is businesslike*), в то время как лексеме *a businessman* скорее соответствуют значения «industrialist, manufacturer, trader, merchandiser» или «magnate» и «tycoon», если речь идет о крупных дельцах-воротах. Поэтому можно констатировать, что лексико-семантические единицы *a business, man* и *a businessman* не являются полностью тождественными, а значит и взаимозаменяемыми. Однако, так как лексема *businesslike* имеет следующие значения: «businesslike – effective

and practical in the way that you do things» [Longman Exams Dictionary 2007]; «a) exhibiting qualities believed to be advantageous in business; b) serious, purposeful» (<https://www.merriam-webster.com/>), она также уместна и для характеристики бизнесмена (*a businessman*). Отсюда можно сделать вывод, что каждый бизнесмен (*a businessman*) по своей природе является деловым человеком (*a business, man*), однако не каждый деловой человек (*a business, man*) является бизнесменом (*a businessman*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Александрова О. В.* Когнитивно-прагматические основы построения художественного текста // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII. Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований. М. ; Тамбов ; СПб., 2015. С. 313–315. [Alexandrova, O.V. (2015). Cognitive and pragmatic foundations for constructing a literary text: collected papers. Cognitive language research. Language and consciousness in an interdisciplinary research paradigm, XXII, 313–315. (In Russ.)].
- Кобелева Е. В.* Эволюция образа американского бизнесмена-магната и его языковая репрезентация в рассказе Т. Драйзера «Победитель» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2016. № 5. С. 99–107. [Kobeleva, E. V. (2016). Character Evolution of the American Business Magnate and his Linguistic Representation in T. Dreiser's Story «The Victor». The North (Arctic) Federal University Bulletin (Humanitarian and Social Studies), 5, 99–107. (In Russ.)].
- Кобелева Е. В.* Дуалистический образ американского бизнесмена-магната в детективном художественном дискурсе и языковые средства его репрезентации в романе С. Шелдона «Утро, день, ночь» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 1. Т. 38. С. 43–52. [Kobeleva, E. V. (2019). The Dualistic Character of the American Business Magnate in the Detective Literary Discourse and the Language Means of its Representation (on the Basis of Sidney Sheldon's Novel «Morning, Day, Night»). Belgorod State University Scientific Bulletin, 38 (1), 43–52. V. 38. (In Russ.)].
- Шумилова А. А.* Лексическая синонимия: традиционное и когнитивное видение проблемы // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Челябинск, 2009а. № 22 (160). Вып. 33. С. 144–148. [Shumilova, A. A. (2009a). Lexical synonymy: traditional and cognitive vision of the problem. Chelyabinsk State University Bulletin, 33 (22), 144–148. (In Russ.)].

Шумилова А. А. Синонимия как ментально-языковая категория (на материале лексической и словообразовательной синонимии русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2009б. [Shumilova, A. A. (2009б). *Sinonimiya kak mental'no-yazykovaya kategoriya (na materiale leksicheskoy i slovoobrazovatel'noy sinonimii russkogo yazyka)* (Synonymy as a mental-linguistic category (based on the lexical and derivational synonymy of the Russian language): abstract of PhD in Philology. Kemerovo. (In Russ.)]. Longman Exams Dictionary. L.: Longman, 2007.

УДК 81'42

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_98

О. М. Куницына

кандидат филологических наук
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Института международного права и правосудия
Московского государственного университета
kunitsyna_mglu@mail.ru

АКТИВНАЯ РОЛЬ АДРЕСАТА ПРИ ВОСПРИЯТИИ ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА

В статье анализируется взаимодействия автора и адресата в рамках поликодовой коммуникации. Автор закладывает в медиасообщение замысел, выраженный вербальными и невербальными средствами, стремясь оказать влияние на адресата. Адресат при этом представляет собой не только объект воздействия для автора текста, но и самостоятельный субъект декодирования и интерпретации поликодового текста.

Ключевые слова: поликодовый текст; адресат; автор; медиасообщение; декодирование; интерпретация.

О. М. Kunitsyna

PhD (Philology)
Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication
in the Field of Law
Institute of International Law and Justice
Moscow State Linguistic University
kunitsyna_mglu@mail.ru

THE ACTIVE ROLE OF THE ADDRESSEE IN THE PERCEPTION OF A MULTIMODAL TEXT

The article is devoted to the analysis of the interaction between the author and the addressee in the multimodal communication. The author resorts to verbal and non-verbal means to express one's meaning and to exert influence on the addressee. The addressee, in turn, is not only the object of influence for the author of the text, but also an independent subject of decoding and interpreting the multimodal text.

Keywords: multimodal text; addressee; author; media message; decoding; interpretation.

Введение

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы интерес исследователей переходит от вопросов построения текста к изучению текстОВОСПРИЯТИЯ. Элементом, результатом и целью коммуникативной деятельности является поликодовый текст, который исследуется с точки зрения взаимодействия его элементов, а также в неразрывной связи с ситуативным контекстом, учитывая коммуникативно-прагматические установки участников коммуникации. Особенно важная роль при исследовании медиатекстов отводится адресату.

Одна из первоочередных задач современных исследований текста – анализ взаимоотношений вербальных и невербальных компонентов поликодового текста и их восприятие адресатом. Каждый медиатекст становится продуктом коммуникации, представляющим собой объемное образование для речетворческой деятельности автора и адресата. Механизм взаимодействия между субъектами коммуникации рассматривается сегодня с позиции адресатоцентричности.

Адресату отводится не пассивная роль восприятия заложенных автором смыслов сообщения: адресат активен, он воспринимает информирование как пространство для своей когнитивной деятельности, для создания своего ментального образа передаваемого сообщения. Это особенно актуально для восприятия поликодовых текстов, так как автор передает не только вербальный текст, но и изобразительный объект, паралингвистические элементы, которые создают особое пространство для восприятия и интерпретации.

Поликодовый механизм современной коммуникации

Современные инновации позволяют свободно общаться без учета пространства и времени. Коммуникация сегодня не просто обмен информацией между людьми, это сложный поликодовый механизм, использующий различные семиотические коды, а также вербальные и невербальные компоненты.

Взаимодействие различных кодов и модальностей, таких как язык, изображение, звук и музыка лежит в основе любого медиатекста. В таком случае говорят о поликодовой коммуникации Х. Дикмансхенке, М. Клемм, Х. Штекл, Ф. Гроссе и др. В ее основе лежит подготовленный отправителем поликодовый текст, наполненный

вербальным текстом, изображением, графикой, цветом. Нелинейный характер поликодового текста создает простор для восприятия и осмысления реципиентом информации, которая передается при помощи лингвистических и паралингвистических средств.

Поликодовые тексты находятся в центре современного повседневного общения, благодаря которым можно достичь большинство коммуникативных целей. Вербальный текст сохраняет, передает содержательно-смысловую структуру высказывания, визуальный компонент представляет собой метакоммуникацию, паралингвистику, скрытые параметры коммуникации, которыми обмениваются люди помимо слов. Изображение как компонент поликодовой коммуникации сегодня играет особенно важную роль. Ф. Гроссе отмечает, что «способность к “чтению изображений” стала одной из ключевых компетенцией, так как поликодовые комплексы являются основным средством общения в медиадискурсе. Язык и изображение при этом входят во всё более сложные синергии и определяют нашу коммуникативную повседневную жизнь»¹ [Große 2014].

В структуре поликодовых текстов выделяют различные виды связи вербальных и визуальных компонентов: 1) поликодовые тексты с равнозначными разнокодовыми (текст и изображение) элементами; 2) вербально-центричные (вербальные элементы первичны); 3) визуально-центричные (визуальные элементы несут основной смысл) поликодовые тексты. Многие лингвисты подчеркивают важность понимания всех компонентов поликодового текста при его декодировании и восприятии. У. Фикс пишет: «Не только вербальная составляющая текста, участвуют и другие компоненты, это могут быть жесты, мимика, изображения, типография, тип бумаги и т. д. Поскольку все эти символы предлагают общий смысл, поскольку все они должны дать что-то понять и восприниматься на текстовой поверхности и в текстовой среде, невозможно пройти мимо них. Так как весь комплекс кодов сообщения предлагает единый смысл, нельзя прочитать лишь один и кодов и верно понять сообщение...» [Fix 2008, с. 31].

Коммуникация включает следующие компоненты: сообщение – отправитель – получатель – канал – шум – обратная связь. Кроме того, в данную цепочку можно добавить элементы кодирование-декодирование сообщения [Молчанова 2014, с. 17].

¹ Зд. и далее перевод наш. – О. К.

Согласно коммуникативной модели Р. Якобсона участниками коммуникации или речевого события являются адресант и адресат. Автор направляет адресату сообщение, которое он кодирует при помощи определенного кода. Важную роль при кодировании – декодировании сообщения играет контекст. Кроме того, необходимы: знание адресатом контекста, разделяемого частично или в полной мере обоими партнерами коммуникации; контакт, как физический, так и психологический, позволяющий вступить в коммуникацию и успешно общаться. Без контакта коммуникация невозможна. Все элементы речевой коммуникации выстраиваются в цепочку: адресат – контекст – сообщение – код – контакт – адресант [Якобсон 1975]. Для успешной коммуникации должны быть выполнены следующие основные требования: 1) привлечение внимания адресата; 2) понимание заложенного в сообщении смысла; 3) принятие содержания сообщения. Если адресат воспринимает сообщение как ложное или неинтересное, то цель коммуникации не может считаться достигнутой [Молчанова 2014].

Фактор автора и адресата

В когнитивно-дискурсивной парадигме субъекты коммуникации – автор и адресат – представляют собой дискурсивные личности, которые взаимодействуют, вступая в единое дискурсивное пространство. При анализе поликодового текста учитывают и различают реального автора/адресата и образ автора / адресата. Для поликодового текста характерно соавторство или коллектив авторов, так называемый коллективный адресант, т. е. команда, в которую входят редакторы, оформители и авторы [Костяшкина 2012]. Категория адресата – это целевая аудитория, группа лиц, для восприятия которых создается то или иное поликодовое сообщение. Они наделены определенными мировоззренческими, гендерными и социальными особенностями, которые автор учитывает при построении коммуникации.

Автор сообщения в рамках заданного дискурса моделирует и провоцирует определенное поведение адресата, сообщает и задает систему оценок и ориентиров, опираясь на которые адресат будет интерпретировать текст. Автор учитывает широкий когнитивный, социальноисторический, культурологический, психологически обусловленный контекст для комплексного воздействия на адресата.

В результате коммуникационного взаимодействия автор передает определенный замысел, таким образом текст автора представляет собой информацию с заложенным к ней отношением. В поликодовом тексте, который состоит из вербальных и изобразительных элементов, все составляющие имеют свою формальную и содержательную стороны.

Рассмотрим сначала формальную сторону. Каждая информация содержит фактическую часть, ядро, объективное содержание, концепт высказывания, остающееся неизменным при восприятии любого текста и изображения. Автор материально фиксирует образ ситуации, существующий в его сознании, включая в него свое понимание и отношение, а также преследуя определенную коммуникативную цель [Вашунина 2007].

Для вербальной стороны текста фактическая часть состоит из лексических единиц и их денотатов, т. е. закодированных в них знаний. Основной фактической единицей изображений является объект. Объединяясь в сознании адресата, они создают ментальную репрезентацию, которая зависит от предыдущего опыта реципиента. Несмотря на различные фоновые знания и индивидуальный опыт, основное значение слов в вербальном тексте должно оставаться неизменным. Такая ядерная информация может рассматриваться как объективная. Но смысл текста не может быть сведен к пониманию отдельных слов и их сочетаний. Мысль восстанавливается через знаки текста, но она слишком объемна, чтобы могла быть заключена в рамки только вербального текста.

Процесс восприятия изображений отличается от процесса восприятия вербального компонента текста. Адресат изображения получает готовый визуальный образ, адресат вербального текста создает свой собственный образ на основе фоновых знаний и опыта. При восприятии поликодового текста первичной является визуальная обработка содержания текста. Она основывается на восприятии зрительных образов, т. е. невербальных компонентов. Адресат воспринимает и интерпретирует сначала изобразительные элементы, создает базовую репрезентацию смысла поликодового текста. Затем происходит семантическая обработка текста и наложение смыслов вербального текста на визуальные элементы. Комбинация смыслов изображения и текстовой составляющих адресатом называется декодированием [Moreno & Mayer 2007; Сонин 2005; Stöckl 2016].

Лексические единицы и изображения не могут вместить весь объем передаваемой мысли, поэтому воспринимаемое сообщение

отличается от исходного. Слова, которые передает автор, могут оказать иное действие на адресата, быть воспринятыми или понятыми им по-другому. Часто одно и то же высказывание совершенно по-разному воздействует на реципиента. Адресат может иным образом трактовать те или иные лексические единицы либо выделить другие значения или ассоциации за этим понятием. Это неизбежно приведет к формированию отличного от авторской оценки понятия. При восприятии адресат понимает замысел автора, преломляя его через призму своих представлений. Каждая личность, опираясь на свое мировоззрение, привносит в авторский замысел свой личностный смысл, вычитывает разное содержание. Понимание адресата будет тем ближе к позиции автора, чем ближе его жизненная позиция и понимание конкретной ситуации. Понимание чуждых адресату суждений будет субъективно и сложно прогнозируемо. Такой точки зрения придерживаются в своих работах А. А. Леонтьев (1999), Л. С. Выготский (1987), Е. С. Кубрякова (2004), И. В. Вашунина (2007), А. Г. Сонин (2005).

Знаки языковой системы и символы изображения не могут полностью передать все варианты смыслов, заложенных в поликодовое сообщение. Содержательная сторона поликодового текста связана с замыслом автора и интерпретацией адресата. Важной задачей автора в таком случае является направление возможной интерпретации читателей вербального текста в нужном направлении. Создавая свое сообщение, автор ориентируется на образ адресата, на его уровень знаний, отношение к предмету и автору, «адресат становится центральной фигурой, определяющим фактором для отбора языковых средств и принципов текстообразования» [Каминская 2008, с. 314]. Целью автора является подбор таких языковых средств для передачи своего намерения, чтобы адресат извлек необходимую информацию и понял передаваемое содержание. Иначе коммуникация не будет считаться состоявшейся.

При декодировании сообщения интенция автора может утрачивать значимость, она остается отправной точкой для интерпретации высказывания, при этом на первый план выдвигается фигура адресата и его субъектная позиция. Отношения между субъектами коммуникации представляют собой «события жизни текста, развивающиеся на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [Бахтин 1979, с. 258]. Смыслообразующее начало текста принадлежит обоим участникам поликодовой коммуникации. Создание образа текста в сознании адресата

является результатом его (адресата) активного действия [Сонин 2005; Вашунина 2007].

Деятельность адресата – «не механическое обратное действие, декодирование замысла автора, а креативный и потому относительно самостоятельный и независимый процесс по созданию собственного текста» [Голем, Ким 2020, с. 149]. На основе исходного текста в конкретной коммуникативной ситуации адресат интерпретатор создает равносильный интерпретационный текст. Конечно, неизбежно он воспринимает отражение образа, существующего в сознании автора, подвывая его некоторым трансформациям [Вашунина 2007].

Такое взаимодействие отражается в схеме: автор – текст автора – адресат – текст адресата. Адресат в рамках коммуникативно-деятельностного подхода с позиции говорящего, с одной стороны, представляет собой цель коммуникативного процесса, но, с другой стороны, является и началом новой коммуникации [Голем, Ким 2008, с. 147, 150]. В результате декодирования и интерпретации смыслов поликодового текста адресат создает свое новое сообщение.

Заключение

Смысл каждого текста может быть понят лишь при учете когнитивных, социокультурных, прагматических и коммуникативных факторов. Текст всегда включен в определенный контекст, в каждом тексте заложена коммуникативно-прагматическая стратегия. При этом установка на адресата является определяющей в коммуникативной целеориентации автора. Автор, иницируя общение, используя существующие знаки для передачи информации (вербальный текст и изобразительные объекты), передает информацию и свои интенции. Адресат является активным, создающим свою ментальную продукцию, субъектом, интерпретирующим текст и создающим новый интерпретационный вариант текста, смысловое содержание которого может отличаться от исходного текста. Текст в такой парадигме представляет собой результат речетворческой деятельности автора и адресата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
[Bahtin, M. M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva (Aesthetics of verbal creativity)*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)].

- Вашунина И. В.* Взаимодействие визуальных и вербальных составляющих при восприятии креолизованного текста. Монография. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2007. [Vashunina, I. V. (2007). Vzaimodejstvie vizual'nyh i verbal'nyh sostavlyayushchih pri vospriyatii kreolizovannogo teksta. Monografiya. (Interaction of visual and verbal components in the perception of creolized text). Nizhnij Novgorod: NGPU. (In Russ)].
- Голев Н. Д., Ким Л. Г.* Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационализма. Кемерово: Кемеровский государственный университет. 2008. [Golev, N. D., Kim, L. G. (2008). Ob otnosheniyah adresata, avtora i teksta v paradigme lingvisticheskogo interpretacionalizma. (On the relations of the addressee, the author and the text in the paradigm of linguistic interpretationalism). Kemerovo: Kemerovo State University. (In Russ.)]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11666608> (дата обращения: 20.12.2020).
- Каминская Т. Л.* Автор и адресат в современных медиатекстах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9, Вып. 2. Ч. II. 2008. [Kaminskaya, T. L. (2008). Author and addressee in modern media texts. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2. Ser. 9. Ch. II. St. Petersburg. (In Russ.)].
- Костяшкينا Е. А.* Экспликация ценностной картины мира в коммуникативной модели «автор-адресат» (на материале глянцевого журналов) // Вестник Томского государственного университета. № 4 (8) 2012. С. 23–31. [Kostyashkina, E. A. (2012). Explication of the value picture of the world in the communicative model «author-addressee» (based on the material of magazines). *Tomsk State University Journal*, 4 (8), 23–31. (In Russ.)].
- Молчанова Г. Г.* Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика. М.: ОЛМАмедиа Групп, 2014. [Molchanova, G. G. (2014). Kognitivnaja polikodovost' mezhkul'turnoj kommunikacii: verbalika i neverbalika (Cognitive multimodality of cross-cultural communication: verbalics and nonverbalics). Moscow: OLMAMedia Grupp. (In Russ.)].
- Сонин А. Г.* Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. [Sonin, A. G. (2005). Ponimanie polikodovyh tekstov: kognitivnyj aspekt (Understanding polycode texts: the cognitive aspect). Moscow: Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences. (In Russ.)].
- Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против», М., 1975. С. 193–231. [Yakobson, R. (1975). Lingvistika i poetika (Linguistics and Poetics. Structuralism: «for» and «against» (193–231). Moscow. (In Russ.)]. URL: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm> (дата обращения 10.07.2020).
- Fix U.* Text und Textlinguistik // Nina Janich (Hrsg.): Textlinguistik. 15 Einführungen. Tübingen: Gunter Narr, 2008. S. 15–34.

- Große F.* Bild-Linguistik. Grundbegriffe und Methoden der linguistischen Bildanalyse in Text- und Diskursumgebungen. 2014. URL: <https://www.peterlang.com/view/9783653045659/9783653045659.00006.xml> (дата обращения 21.08.2020).
- Moreno R. & Mayer R.* Interactive Multimodal Learning Environments. Special Issue on Interactive Learning Environments: Contemporary Issues and Trends. Springer Science + Business Media, LLC 2007, P. 309–326.
- Stökl H.* Multimodalität. Semiotische und testlinguistische Grundlagen // N.M.Klug, H.Stökl, (eds.) Handbuch Sprache im multimodalen Kontext. Berlin: de Gruyter. 2016. S. 3–35.

УДК 81.42

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_107

Н. Е. Назарова

преподаватель Военного учебного центра
Московского государственного лингвистического университета
nadya_nne@mail.ru

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматривается проблема типологии дискурса, при этом особое внимание уделяется военно-политическому дискурсу. При помощи сравнительно-сопоставительного метода анализируются характеристики современного военно-политического дискурса и определяются его отличительные черты. Пристальное внимание уделяется критериям выделения военно-политического дискурса и его лингвостилистическим особенностям в современной военно-политической коммуникации, которая играет заметную роль в жизни современных развитых обществ.

Ключевые слова: дискурс; военно-политический дискурс; типология дискурса; политический дискурс; военный дискурс.

N. Eu. Nazarova

Lecturer at the Military Training Center
Moscow State Linguistic University
nadya_nne@mail.ru

ON THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF MILITARY-POLITICAL DISCOURSE

The article deals with the problem of discourse typology with special attention paid to the military-political discourse. The comparative-contrastive method helps to analyze the characteristics of the modern military-political discourse and to identify its distinctive features. Close attention is paid to the criteria for identifying the military-political discourse and its linguistic and stylistic peculiarities in modern military-political communication which plays a significant role in the life of modern developed societies.

Key words: discourse; military-political discourse; discourse typology; political discourse; military discourse.

Введение

Военно-политический дискурс играет важную роль в области межъязыковых контактов в военно-политической сфере. Актуальность проблемы таксономии дискурсов связана с особой внутренней

структурой дискурсов, большим разнообразием типов и наличием типологически существенных признаков. Характерными особенностями экстралингвистической ситуации в наши дни являются как политическая, так и военная напряженность и конфликты. По мнению старшего преподавателя Центра военно-стратегических исследований Объединенного командно-штабного колледжа Министерства обороны Великобритании Дж. Майклса, дискурс играет в конфликтах важную роль, не только прямую, но и косвенную. Дискурс может жить своей собственной жизнью, заставляя политических и военных лидеров и связанные с ними институты власти стать жертвами «дискурсивной ловушки» [Michaels 2013]. Взаимосвязь политической и военных сфер сложно отрицать, ведь существует их взаимовлияние. Еще Карл фон Клаузевиц писал: «Война не замкнута сама на себе: это продолжение политики иными средствами»¹ [Clausewitz 2012]. Эта формулировка стала афоризмом, нередко, впрочем, оспариваемым и перефразируемым [Кортунов 2018]. Именно интегративный подход к изучению военно-политического дискурса является важнейшим фактором, определяющим вектор развития многих государств.

Для освещения международных конфликтов и военной напряженности используются свои речевые стратегии и манипулятивные технологии. Таким образом, тематика военно-политического дискурса ориентирована на область не только международных, но отчасти и внутригосударственных отношений и проблему войны и мира в целом.

Дискурс

Чтобы понять, что представляет собой военно-политический дискурс и определить его отличительные черты от военного и политического дискурсов, а также его лингвостилистические особенности, нужно прежде всего проанализировать многоаспектное и, что важно, многозначное понятие «дискурс», которое формировалось в трудах ученых и философов многие сотни лет, но нынешнюю популярность обрело лишь в последние десятилетия.

Одними из первых о дискурсе заговорили философы Античности, в частности, Платон ввел гносеологическую антитезу «дискурс – интуиция» и разделил знание на непосредственное, добываемое благодаря

¹ Зд. и далее перевод наш. – Н. Н.

созерцанию чувственного мира, и опосредствованное, получаемое из размышлений, рассуждений, доводов и дискурсивного познания.

В период Средневековья дискурс становится одним из основных понятий философии – схоластики и обозначает рациональную, логическую деятельность, необходимую для преобразования чувственного познания. Так, Фома Аквинский указал на противоположность нерассудочного (интуитивного) и рассудочного (дискурсивного) познания, реализуемого интеллектом как движение от одного объекта к другому [Грицанов 2003].

В современной лингвистике понятие «дискурс» не имеет единой интерпретации. В наши дни практически невозможно найти понятие, которое имело бы так много различных интерпретаций, значений и сфер употребления, как термин «дискурс». Как замечает Т. А. ван Дейк: «Понятие дискурса так же расплывчато, как понятия языка, общества, идеологии. Мы знаем, что наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия часто становятся наиболее популярными. Дискурс – одно из них» [van Dijk 1998, с. 193].

Приняв во внимание разнообразие трактовок данного понятия, мы считаем возможным принять формулировку, данную Е. С. Кубряковой, которая определяет дискурс, как «такую форму использования языка в реальном (текущем) времени (on-line), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, условиями ее существования и, конечно же, ее целями» [Кубрякова 2004, с. 525].

Дискурсивный анализ

В течение большей части XX века интересы лингвистов постепенно начинают смещаться, и объектом их изучения становится область лингвистики, занимающаяся рассмотрением целых дискурсов. Так возникает уровневый раздел лингвистики – дискурс-анализ. «Дискурс-анализ – в общем смысле – ряд подходов в социальных науках, целью которых является критическое исследование дискурса, а основными задачами – анализ соотношения сил в обществе, при осуществлении которого формируется нормативный подход, с позиции

которого можно критически проанализировать эти соотношения в связи с социальными изменениями» [Jorgensen, Phillips 2002, с. 18].

Дискурс-анализ состоит из следующих разделов:

- таксономии дискурсов – разнообразных форм, в которых представлен дискурс, и параметров, помогающих определить дискурс к некоторому типу;
- описание структуры дискурса – частей и элементов, организующих дискурс;
- описание соотношения дискурсивных факторов с единицами низших языковых уровней.

Раздел, изучающий типологию дискурсов, исследован существенно меньше остальных двух. Однако ничего необычного в этом нет, ведь разновидностей дискурсов, как и самих определений данного понятия, существует большое множество, и классифицировать их на типы представляет собой крайне непростую задачу. Большое число исследователей, занимающихся проблемой таксономии дискурсов, используют часто несопоставимые подходы к изучению. В данной работе мы будем опираться на структуру, предложенную А. А. Кибриком, позволяющую выявить наиболее важные параметры типологии дискурсов и проследить взаимодействие между ними [Кибрик 2009].

Основополагающая классификация дискурсов:

– *по каналу передачи информации, или модусу:* можно выделить устный модус (акустический канал), письменный модус (визуальный канал), жестовый модус (визуальный канал), мысленный модус (внутренний канал) и электронный модус (визуальный и акустический каналы). У. Чейф при сопоставлении устного и письменного модусов противопоставляет их по вовлеченности или отстраненности между говорящим и реципиентом, по временному режиму или времени порождения высказывания и его понимания, по скорости письма и чтения, по фрагментации (отделению единиц речи) или интеграции (их объединению) [Chafe 1982];

– *по жанровой принадлежности:* известный лингвист Джон Суэйлз подчеркивает, что одной из характеристик дискурсивных сообществ (объединений групп людей, придерживающихся к единым убеждениям, дискурсивным ценностям) является их жанровая принадлежность, ведь общность людей, имеющих единую позицию

и определенный набор коммуникативных целей, владеет жанрами, а жанры характерны как устной, так и письменной речи [Swales 1990];

– по *функциональному стилю*: бытовой, научный, официальный, публицистический, художественный [Солганик 2018] и т. д. Функциональная разновидность выявляется на основании разнообразных сфер деятельности, которые нужны людям для их полноценного существования;

– по *формальности / неформальности общения*: отличие социального общения по строго установленным принципам от общения по особым правилам, которые не соответствуют формальным нормам или вообще отсутствуют. Такой характер социальных отношений и само их противопоставление С. В. Кодзасов обозначил как «свой / чужой» [Кодзасов 2002];

– по *отнесению к социальной группе*: по мнению В. И. Карасика, нормы общения между людьми передают ценности как определенного сообщества, образующего тот или иной социальный институт, так и самого общества в целом [Карасик 2002].

Исходя из описанных выше категорий противопоставления дискурсов, мы можем сделать вывод: для классификации дискурсов важны такие параметры, как модус, жанр, стиль, формальность и социальная принадлежность. Эти категории противопоставления создают сложные сочетания дискурсов, которые передают широкий спектр возможностей вышеперечисленных параметров таксономии дискурса.

Военный и политический дискурсы

Принадлежность дискурса к определенному типу является не абсолютным (постоянным) показателем, а относительным, зависящим от определенных доминирующих типовых характеристик, использование которых позволяет предложить многостороннюю характеристику форматов дискурса. Данное утверждение вновь подтверждается А. А. Кибриком, который подчеркивает трудность выявления базовых типов дискурса и потребность в изучении, исследовании и анализе «гибридных форматов дискурса» [Кибрик 2009].

При рассмотрении противопоставлений дискурсов по коммуникативным обстоятельствам общения, можно говорить о персональном и институциональном дискурсах. Институциональный дискурс характеризуется не только определенным набором лингвистически

релевантных особенностей: целью, преследуемой участниками общения; своеобразной функцией общения участников коммуникации, самих участников и определенных обстоятельств, при которых происходит коммуникативный процесс; особой специфической лексикой, паремией и фразеологией [Шейгал 2004].

Военный дискурс, как и само общение, реализуемое в рамках данного типа дискурса, является строго институциональным, т.е. коммуникация осуществляется в пределах определенного общественного института (военного), а языковой контакт участников коммуникации характеризуется конкретной взаимосвязью, отражающей статусноролевую интеракцию. Данному типу дискурса присуща особая система иерархически взаимосвязанных отношений – субординация, и, следовательно, сам военный дискурс обладает присущими ему своеобразными характеристиками: «соотнесенностью с речевой военной ситуацией, окружающей обстановкой военной среды, специфической военной хромотопностью и интенциональностью, целостностью используемых речевых элементов, связностью, военно-фактологической информативностью и процессуальностью, интертекстуальностью и авторитетностью военно-теоретических и военно-исторических источников; антропоцентричностью военной картины мира; способностью к взаимодействию с другими дискурсами институционального типа» [Уланов 2014, с. 54].

Политический дискурс, в свою очередь, также является институциональным типом и характеризуется правилами, нормами, традициями и устойчивыми лексическими единицами, присущими политической сфере [Карасик 2002]. А сама политика – является такой сферой человеческой деятельности, где основная цель коммуникации – это борьба за власть. Так основными понятиями политического дискурса принято считать понятия «власть», «борьба за власть», «политические деятели» [Гаврилова 2004]. Идеи, которыми руководствуются участники политического дискурса, сводятся к важности и необходимости отстаивания исключительного права на власть, и именно они являются инструментом воздействия политиков и ценностями, которые политические деятели подчеркивают в своих выступлениях. Так В. З. Демьянков говорит о присущем политическому дискурсу термине «ораторство», отмечая стиль воззвания, пропагандизм, идеологизацию, критичность и лозунговость [Демьянков 2002]. Все вышеперечисленные качества в очередной раз подчеркивают «политичность» данного типа дискурса

и отличают его от других типов. Эта особенность прослеживается в выборе слов, навязывании отрицательного отношения к политическим оппонентам, внушении определенных ценностей и установок, преследуемых политическим оратором. Тем самым принуждение реципиентов к «политически правильным» действиям и умозаключениям является одной из основных целей политического дискурса. А некоторые языковеды уверены, что такое «политическое убеждение» является основным свойством политического дискурса.

Необходимо отметить, что специфической чертой поведения политиков и, следовательно, особенностью политического дискурса, является завуалирование или сокрытие подлинных целей, достигаемое за счет использования в речи эвфемизмов, метафор, эллипса, метонимии, особой интонации и оборотов речи, оказывающих необходимое воздействие на реципиентов.

Военно-политический дискурс

В современной дискурсологии наряду с интенсивной разработкой теории политического и военного дискурсов неоправданно редки исследования, посвященные изучению и рассмотрению гибридных форматов дискурса. Как уже было упомянуто, многие исследователи рассматривают политический и военный дискурс по отдельности, не выделяя военно-политический дискурс.

Но в наши дни взаимосвязь политической и военной сферы сложно отрицать, ведь вооруженные силы и военная организация государства, так же как и различные политические силы, являются важнейшими факторами, определяющими вектор развития многих государств. А политический и военный институты являются наиважнейшими социальными институтами во всем мире, где политике и армии уделяется самое пристальное внимание. Следовательно, военный дискурс взаимосвязан и представляет собой часть политического дискурса, а политический дискурс – военного, и понимание и определение этих отдельных типов дискурсов зависит от их некоего единого восприятия, как нечто целого. Поэтому мы считаем, что военный и политический дискурсы не равны понятию «военно-политический дискурс», которому присущи черты обоих типов дискурсов, а также характерные особенности, собственно отличающие его от политического и военного дискурсов и помогающие отнести его к самостоятельному институциональному типу.

Тематика военно-политического дискурса ориентирована на область международных, а отчасти и внутригосударственных отношений, на проблему войны и мира, посвящена рассмотрению межгосударственных, международных и межэтнических конфликтов. Основным объектом воздействия на слушающего в военно-политическом дискурсе является массовая аудитория, а главная цель, так же как и в политическом дискурсе, – манипулирование мнением, верованием, установками, осведомленностью и поведением реципиентов. Такой прием социального влияния на сознания людей осуществляется не только с помощью определенной подачи необходимой информации, но и с помощью качества предоставленных данных и сведений, где часто прослеживается искажение подлинного смысла, употребление двусмысленных понятий и намеренное смещение смысловых оттенков. Следует упомянуть один из приемов достижения таких целей (обрывистую, неполную, неточную подачу информации) при котором событие описывается фрагментарно и предвзято. Но схожесть с военным дискурсом очевидна в соотносительности с речевой военной ситуацией, интертекстуальностью и информативностью, а также авторитетностью военных источников информации.

Что же касается жанра военно-политического дискурса, то важно отметить, что военно-политический дискурс больше тяготеет к устным выступлениям, заявлениям и докладам первых лиц и других руководителей различных ведомств. Цель военно-политического дискурса – не борьба за власть или ее удержание, не осуществление военных действий, что характерно для военного дискурса, а необходимость проинформировать население о военных событиях и оказать воздействие на его мнение.

Принимая во внимание все вышеперечисленные характеристики и особенности военно-политического дискурса, мы понимаем военно-политический дискурс как «политический дискурс о войне», характеризующийся определенным набором отличительных черт и особенными характеристиками, присущими военно-политической сфере.

Заключение

Суммируя всё вышесказанное, можно отметить, что военно-политический дискурс является специфическим типом дискурса, отличным от политического и военного дискурсов. Военно-политический

дискурс обладает присущими ему лингвостилистическими особенностями и характеристиками, свойственными военно-политической сфере, в которой политический и военный институты оказывают влияние на получение информации реципиентами, на общественное сознание, интерпретацию информации и на характер ответной реакции. Именно интегративный подход к изучению военно-политического дискурса помогает выделить его основные критерии и отнести его к самостоятельному типу дискурса, определяющему вектор развития многих государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гаврилова М. В.* Политический дискурс как объект лингвистического анализа // *Полис. Политические исследования*. 2004. Вып. 3. С. 127–139. [Gavrilova, M. V. (2004). Political discourse as the object of linguistic analysis. *Polis. Political science*, 3, 127–139. (In Russ.)].
- Грицанов А. А.* Фома Аквинский // *Новейший философский словарь* / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. Минск: Книжный Дом, 2003. С. 1106–1108. [Gritsanov, A. A. (2003). Foma Akvinskiy (Tomas Aquinas). In A. A. Gritsanov (ed.), *Novejshij filosofskij slovar'* (pp. 1106–1108). Minsk. Knizhnyi Dom. (In Russ.)].
- Демьянков В. З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // *Политическая наука. Политология*. 2002. Вып. 3. С. 31–44. [Demyankov, V. Z. (2002). Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoi filologii (Political discourse as the subject of political philology). *Political Science. Political science*, 3, 31–44. (In Russ.)].
- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoï krug: lichnost, kontsepty, diskurs* (Language circle: personality, concepts, discourse). Volgograd: Peremena. (In Russ.)].
- Кибрик А. А.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // *Вопросы языкознания. Теория языка*. 2009. Вып. 2. С. 3–21. [Kibrik, A. A. (2009). Modus, zhanr i drugie parametry klassifikacii diskursov (Modus, genre, and other parameters of discourse classification). *Voprosy jazykoznanija. Linguistic theory*, 2, 3–21. (In Russ.)].
- Кодзасов С. В.* Категория «свой – чужой»: семантика и фонетика // *Проблемы семантического анализа лексики* / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Русские словари, 2002. С. 38–40. [Kodzasov, S. V. (2002). Kategoriya «svoy/chuzhoj»: semantika i fonetika (Category “friend – foe”: semantics and phonetics). In L. P. Krysin (ed.). *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* (pp. 38–40). Moscow: Russkiiye slovari. (In Russ.)].

- Кортунов А. В.* Политика как продолжение войны иными средствами // СВОП. 2018. [Kortunov, A. V. (2018). Politika kak prodolzhenije vojni inymi sredstvami (Politics as a continuation of the war by other means). *SVOP*. (In Russ.)]. URL: <http://svop.ru/main/27800/> (дата обращения: 01.06.2021).
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Kubryakova, E. S. (2004). Jazyk i znanije: na puti polichenija znanija o jazyke (Language and knowledge: on the way to receive knowledge about the language). Moscow: Jazyki slav'janskoj kылturi. (In Russ.)].
- Солганик Г. Я.* Стилистика текста. М.: Флинта, 2018. [Solganik, G. Y. (2018). Stilistika teksta (Text stylistics). Moscow: Flinta. (In Russ.)].
- Уланов А. В.* Русский военный дискурс XIX – начала XX века: структура, специфика, эволюция: дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2014. [Ulanov, A. V. (2014). Russkij voennij diskurs XIX – nachala XX veka: struktura, spetsifika, evolutsija (Specificity the interference of the Russian military discourse 19th – early 20th century): Senior Doctorate in Philology. Omsk. (In Russ.)].
- Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. [Sheigal, E. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa (Semiotics of political discourse). Moscow: Gnosis. (In Russ.)].
- Chafe W.* Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature // Spoken and written language: Exploring orality and literacy / ed. by D. Tannen. 1982. P. 35–53.
- Clausewitz C.* Vom Kriege: Hinterlassenes Werk des Generals. Deutschland: Nobel Press, 2012.
- Jorgensen M., Phillips L.* Discourse Analysis as Theory and Method. L.: Sage Publications, 2002.
- Michaels J.* The Discourse Trap and the US Military. New York : Palgrave Macmillan, 2013.
- Swales J.* Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge : Cambridge University Press, 1990.
- Dijk Teun A. van.* Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage Publications, 1998.

УДК 81.42

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_117

О. Б. Найок

кандидат филологических наук

доцент кафедры стилистики английского языка факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

nayok.o.b.@mail.ru

ВИЗУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПАРОДИЙНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ НА ПРИМЕРЕ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ

В статье рассматриваются актуальные вопросы, относящиеся к изучению смыслового пространства пародийного художественного дискурса, представленного личными дневниковыми записями, и роли вербального компонента в апелляции к прецедентным феноменам с целью создания комического эффекта, определяющего сущность пародии. Проведенный анализ иллюстрирует, что визуальный компонент в пародийных дневниковых записях реализуется в самых разнообразных формах, выделяющих информацию, актуальную для текстового концепта публикуемых дневниковых записей.

Ключевые слова: пародия; прецедентный феномен; дневники; текстовый концепт; визуальный компонент; визуальная метонимия.

O. B. Nayok

PhD (Philology)

Assistant Professor at the Department of English Stylistics

Faculty of English

Moscow State Linguistic University

nayok.o.b.@mail.ru

VISUAL COMPONENT IN THE DISCOURSE OF PARODY REPRESENTED BY PERSONAL DIARIES

The article looks at the process of meaning construction in the discourse of parody represented by fiction written in the form of personal diaries and explores the role of the visual component in reference to precedent phenomena with the purpose of creating comic effect, which is central to the discourse of parody. The analysis illustrates that the visual component in parodies of personal diaries can take different forms which help to foreground the pieces of information that form the essence of the corresponding textual concept.

Key words: parody; precedent phenomenon; diaries; textual concept; visual component; visual metonymy.

Введение

В исследовательской литературе феномен пародии, давно вызывающий живой интерес исследователей, рассматривается «как жанр литературы, как стилистический прием, как общесемиотическое явление, возможное во всякой сфере культурной коммуникации, как философский метод» [Лушникова 2010, с. 3]. «Происходящий на рубеже веков поворот от рассмотрения пародии в традиционно лингвистическом жанровом аспекте к ее осмыслению в когнитивно-дискурсивном ракурсе открывает новые перспективы для понимания собственно лингвистической и экстралингвистической сущности данного стилистического явления, показывает влияние национально-культурных, прагматических, исторических, эстетических и других факторов на содержательно-смысловую и композиционно-речевую организацию пародийного текста» [Елисеева 2011, с. 3]. Основными характеристиками создаваемой в литературной пародии «пародийной картины мира... являются интертекстуальность, полиреферентность, критически-юмористическая модальность» [Лушникова 2010, с. 9].

Отмечаемый на рубеже XX–XXI столетий интерес к изучению интертекстуальных связей сохраняется до сих пор. Важно отметить, что «еще одним фактором, повлиявшим на активизацию интертекстуальных исследований, стала все большая визуализация культуры, влекущая за собой изменение состава и характера цитируемых текстов. Все большую роль в осуществлении дискурсивных стратегий играют реминисценции, основой которых служат фильмы (художественные и мультипликационные), комиксы, рекламные плакаты и видеоролики, прежде остававшиеся преимущественно вне сферы внимания лингвистики текста» [Слышкин 2000, с. 5].

Важным направлением в изучении феномена пародии является исследование роли прецедентных текстов в создании пародий. «Прецедентные тексты – это пародируемые и высмеиваемые тексты» [там же, с. 56]. Бытование концептов прецедентных текстов в смеховых произведениях основано на контрастности, являющейся основным средством их снижения. «При фамильяризации текста содержательный контраст достигается путем апелляции в тексте пародии / травестики к концептам статусно или исторически несовместимым с концептом текста-источника» [там же, с. 64]. Так, например, исследование «стилистических эффектов, возникающих при апелляции к текстовому

концепту прецедентного текста в художественном дискурсе, на примере пародирования легенды о драконе в коротком рассказе» [Найок 2013, с. 53], показало, что комический эффект, определяющий сущность пародии, основывается на «фамильяризации, снижении текстового концепта легенд о драконах за счет наполнения текста рассказа языковыми средствами, несовместимыми с текстом-источником» [там же, с. 54]. При этом «часто средством достижения комического эффекта служит совмещение в пределах одного произведения апелляций к нескольким прецедентным текстам, относящимся к различным ступеням жанровой иерархии и во внекарнавальной жизни несовместимым. Этот вид фамильяризации мы будем называть жанровым контрастом» [Слышкин 2000, с. 64]. При изучении различных сторон бытования прецедентных текстов необходимо «рассмотрение не самого прецедентного текста, но его концепта, т. е. ментальной репрезентации, построенной в процессе включения информации о тексте в цельную картину мира носителя языка или языкового коллектива» [там же, с. 5].

Целью этой статьи является изучение взаимодействия визуального и вербального компонентов в рамках пародийного художественного дискурса, представленного дневниковыми записями.

Актуальность исследуемой темы обусловлена неизученностью пародийного художественного дискурса дневниковых записей как единого лингво-визуального комплекса с точки зрения интерсемиотических семантических отношений, возникающих между вербальным и визуальным компонентами.

Материалом для исследования послужили англоязычные художественные произведения, пародирующие жанр дневниковых записей, среди которых: S. Fry. Mrs Fry's Diary, а также The Complete Yes Minister // The Diaries of a Cabinet Minister by the Right Hon. James Hacker MP (J. Lynn, A. Jay. The Complete Yes Minister) и The Complete Yes Prime Minister // The Diaries of the Right Hon. James Hacker (J. Lynn, A. Jay. The Complete Yes Prime Minister).

В рамках проведенного исследования использовалась методика, включающая в себя элементы интертекстуального метода, дискурс-анализа, концептуального анализа, контент-анализа, интерпретативного анализа, а также наблюдение, сравнение, описание и обобщение полученных данных.

Текстуальная специфика жанра личного дневника в контексте пародии

Как уже указывалось выше, в статье анализируются три художественных произведения, представляющие собой пародии на дневниковые записи вымышленных персонажей. Для исследования роли визуального компонента в построении смыслового пространства в дискурсе пародийных дневниковых записей важно определить, какая информация, относящаяся к текстовому концепту личных дневников, может представлять особый интерес.

Исследователями дневниковых записей отмечается, что «личный дневник – специфическая форма словесности, в которой присутствуют и пересекаются два очевидных структурообразующих семантико-символических элемента – культурное событие и рассказ о нем. Взаимодействие этих элементов составляет нарративную специфику повествовательного жанра, которая может быть выявлена в ходе феноменологического рассмотрения традиции дневниковой записи как сублитературного жанра и «дискурса персональности» в литературном сознании различных эпох и стран» [Лашкевич 2014, с. 18]. «Под “дискурсом персональности” можно понимать определенную совокупность речевых актов, в которых создатель текста выступает в тройной функции – как автор-производитель, как актер-организатор и как актант-субъект наррации. Иными словами, в “дискурсе персональности” эмпирическая личность в ходе создания повествовательного текста не формирует никаких специфических творческих инстанций типа “героя / персонажа”; повествование складывается в модуле “от себя лично”, “от своего собственного лица”. При этом событийный план такого повествования концентрируется вокруг собственного бытийного и экзистенциального опыта личности, “стягивая” время культурного бытия в своего рода точку, или, напротив, разворачивая “точечный” личный опыт “пребывания-в-мире” (Da-Sein) до пределов универсума. К сублитературным жанрам «дискурса персональности» можно отнести четыре основных нарративных формы: личный дневник (*diary*), частную переписку (*epistolaria*), воспоминания (*memoire*) и жизнеописание (*autobiographia*)» [там же, с. 30–31]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что текстовый концепт личных дневников предполагает наличие у читателя

информации о том, что авторство дневников принадлежит самому субъекту наррации, поэтому при исследовании функционирования визуального компонента в рассматриваемом в этой статье жанре пародии, помимо прочего, необходимо уделять внимание тому, каким образом визуальный компонент способствует приданию реалистичности вымышленному автору пародийных дневниковых записей.

Еще одной важной составляющей текстового концепта личных дневниковых записей представляется информация о высоком социальном статусе их автора. Так, «в классической традиции литературного сознания жанр дневниковой записи (как и переписка, и мемуары) легитимизировались только в случае их принадлежности перу выдающихся писателей. Тогда они издавались в комплекте полного собрания сочинений с текстологическими комментариями» [Лашкевич 2014, с. 10].

Характерной чертой текстового концепта личных дневниковых записей является также наличие информации, подтверждающей достоверность сообщаемого в самих дневниках, что может реализовываться с помощью элементов интертекстуальности, заключающихся в разнообразных отсылках к текстам, имеющим для автора высокий статус достоверности. «Дневник... рассматривается как своеобразный медиатор, интертекстуальный феномен, располагающийся в литературном сознании эпохи между нефикциональными коллективными дискурсами (публицистика, документалистика) и авторскими литературнохудожественными жанрами (роман, повесть, рассказ)» [там же, с. 16].

Роль визуального компонента в пародийных дневниковых записях

Как отмечалось выше, информация о персоне автора дневниковых записей является важным компонентом текстового концепта личных дневников, а визуальной составляющей, представленной фотографическим или живописным портретом, обычно отводится основная роль в передаче информации о внешности автора. Портретное изображение автора личных дневников обычно помещается на обложку и/или на форзац, и/или титульный или авантитульный лист, что способствует реализации ситуативного контекста, представляя

читателю центрального участника коммуникации, детали жизни которого сообщаются в дневниках. Тот же принцип размещения портретного изображения вымышленного автора используется и в пародийных дневниковых записях. Особая важность портретного изображения вымышленного автора пародийных дневников обусловлена, с одной стороны, ролью подобного изображения в создании художественной реальности, с другой стороны, его значением в повышении степени реалистичности актанта-субъекта наррации пародийного художественного произведения.

Пародийная картина мира, создаваемая в исследуемом жанре, включает в себя информацию как о вымышленном авторе, являющемся, по сути, вымышленным персонажем литературного произведения, так и о реальном авторе. Однако в конструируемой художественной реальности автор пародийных дневников дистанцируется от своей роли творца художественного произведения, создавая для себя в его рамках новые роли, соответствующие текстовому концепту публикуемых дневниковых записей.

В *Mrs Fry's Diary* (*S. Fry. Mrs Fry's Diary*) автор художественного произведения, известный британский актер, комик, телеведущий, писатель, поэт, драматург, сценарист, режиссер и человек энциклопедических познаний Стивен Фрай, создает образ вымышленной жены Стивена Фрая, которой приписывает авторство пародийных дневников, и от лица которой ведет повествование, а за собой оставляет роль ее мужа, приобретающего в этих дневниках образ беспутного и глубоко порочного человека, ведущего двойную жизнь. Кроме того, имя Стивена Фрая указано на обложке произведения исключительно в качестве автора предисловия, в котором он признает наличие жены. Само предисловие также пародирует соответствующий жанр, так как, несмотря на повтор в нем типичной для таких текстов фразы *I am proud*, создает с помощью лингвистических средств выражающих полярную оценку впечатление неоднозначного отношения мужа к творчеству жены:

...I can't pretend that I am pleased, but nor can I deny that I am proud. Damned proud. If she makes a habit of it or starts to embark on whistlestop publicity tours, I fear for the household and the children's meals. But yes, I am proud. How much I enjoy or bemoan seeing my life delineated in such pitiless detail I shall leave you all to guess... (*S. Fry. Mrs Fry's Diary*).

Важно отметить, что под предисловием размещается визуальный компонент, представленный факсимиле, воспроизводящем подпись Стивена Фрая, что поддерживает иллюзию реальности.

Можно заключить, что комический эффект в пародийных дневниковых записях создается благодаря фамильяризации образа самого Стивена Фрая, осуществляемой в рамках этого художественного произведения с помощью контраста между известной читателю информацией о реальном авторе дневников как о высокообразованном интеллектуале и информацией, сообщаемой читателю от лица его вымышленной жены. Например, в самых первых записях дневников от 1 января Стивен Фрай представлен следующим образом:

...and Stephen with his head down the toilet, belching the theme to Dr Zhivago...Made our New Year's resolutions. Mine is to be even more patient and understanding than I already am and Stephen's is to give up swearing. And kebabs. And karaoke. And tequila. And her at number 38. Now all I have to do is get him to sign it while he's still only semi-conscious (*S. Fry. Mrs Fry's Diary*).

При этом личность миссис Фрай обладает определенным сходством с реальным автором, проявляющемся в интересе к классической литературе:

Personally, I think the key to a successful marriage is maintaining separate interests. I have my cooking, my pottery and my love of 19th-century literature and Stephen has his Razzle magazines (*S. Fry. Mrs Fry's Diary*).

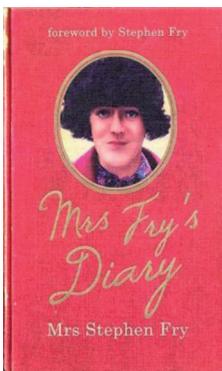

Рис. 1. Обложка (*S. Fry. Mrs Fry's Diary*)

Как следует из приведенного выше отрывка, литературные интересы мужа миссис Фрай ограничиваются так называемыми журналами для взрослых.

Фамильяризация личности реального автора дневников происходит также и в рамках визуальной составляющей, представленной пошлым портретом, размещенным на обложке (рис. 1).

На фотографическом портрете изображено легкоузнаваемое лицо Стивена Фрая в женском образе, что, с одной стороны, соответствует вымышленной личности автора дневников,

с другой стороны, не противоречит известной читателю информации о популярном актере Стивене Фрае, неоднократно примерявшем на себя женские образы в различных комедийных шоу, и соответствует отмеченной выше составляющей текстового концепта личных дневниковых записей о высоком социальном статусе их автора. При этом самого Стивена Фрая можно рассматривать в данном случае в качестве прецедентного феномена. Создание комического эффекта основано здесь на известном приеме травести, заключающемся в переодевании мужчины в женщину, и осуществляется с помощью следующих визуальных средств: а) визуальная метонимия «одежда вместо гендерной принадлежности» и б) визуальная метонимия «прическа вместо гендерной принадлежности». Рассматриваемый пошейный фотографический портрет является метонимическим представлением целого образа миссис Фрай, придавая ему впечатление физической реальности.

Красный цвет обложки не является случайным и также способствует смешению художественной реальности, созданной в пародии, с физической реальностью, соответствующей ситуативному контексту чтения пародийных дневников миссис Фрай: художественное произведение заканчивается записью, в которой миссис Фрай повествует о приобретении еще одного тома для ведения дневниковых записей в следующем году именно красного цвета:

I stared at the guard. Then I noticed something over his shoulder. A flash of red binding and a tantalizing ribbon-marker. «Excuse me», I said, pushing past him, brandishing my book token. So that's that. Another year over. And another to come. Who knows what it will hold? Whatever it is, at least I've now got my new diary to write it all down in... (*S. Fry. Mrs Fry's Diary*).

Как видно из приведенного отрывка, стилистические средства (метонимия «часть вместо целого», сопровождающаяся синтаксическим выделением) способствуют выдвиганию информации, способствующей формированию у читателя вывода о том, что он держит в руках книгу, очень похожую на приобретенную автором дневников.

Использование в оформлении издания рукописных шрифтов, крупного размера печатных знаков и других атрибутов текста, а также визуальное оформление, выраженное иллюстрациями, создает у читателя впечатление реальной рукописи. Так, кулинарный интерес

миссис Фрай находит в дневниках не только вербальное, но и визуальное воплощение (рис. 2).

Можно предположить, что автор дневников, гордящийся своими кулинарными достижениями, будет записывать сложные, уникальные рецепты, однако все блюда, рецепты которых регулярно встречаются в дневниковых записях миссис Фрай, отличаются простым

и однообразным, а зачастую и абсурдным составом ингредиентов, например, таких как сочетание консервированного мяса «Spam» со взбитыми сливками, а также примитивностью приготовления, что создает комический эффект, основанный на содержательном контрасте ожиданий читателя и дневниковых записей миссис Фрай.

Рассмотрим интерсемиотические семантические отношения, возникающие между вербальным и визуальным компонентами в пародийных дневниковых записях на примере таких произведений, как:

The Complete Yes Minister // The Diaries of a Cabinet Minister by the Right Hon. James Hacker MP (*J. Lynn, A. Jay. The Complete Yes Minister*)

The Complete Yes Prime Minister // The Diaries of the Right Hon. James Hacker (*J. Lynn, A. Jay. The Complete Yes Prime Minister*).

Важно отметить, что выходные данные обеих книг содержат информацию о том, что они являются сопровождением к одноименным сериалам, и что авторы сериалов являются также и авторами книг. Кроме того, здесь же перечисляются имена актеров, исполняющих главные роли в этих сериалах. Поясные фотопортреты актеров в образах, соответствующих их ролям, помещены на обложки обеих книг (рис. 3 и 4). При этом все три актера визуализируют образы вымышленных авторов дневниковых записей, которые якобы цитируются в представленных работах. Столь сложный состав

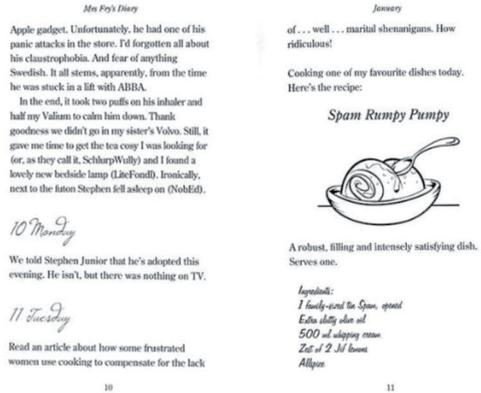

Рис. 2. Разворот из S. Fry. Mrs Fry's Diary

вымышленных авторов объясняется в примечании редактора в рамках созданной художественной реальности тем, что главный автор дневников, заявленный в названии книг как the Right Hon. James Hacker, объективно не знал о ряде фактов и событий, сопутствующих описываемому в его дневниках.

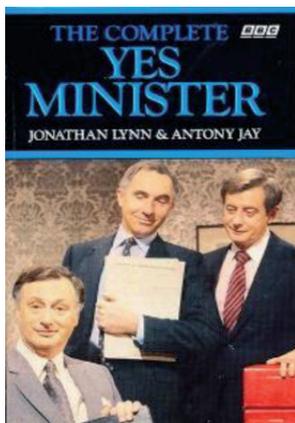

Рис. 3. Обложка
(J. Lynn, A. Jay.
The Complete Yes Minister)

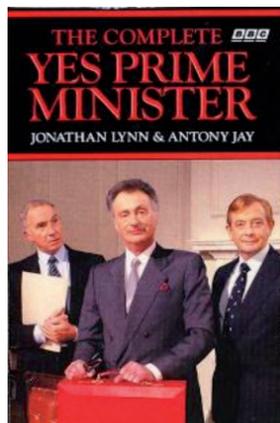

Рис. 4. Обложка
(J. Lynn, A. Jay.
The Complete Yes Prime Minister)

Портреты актантов на обложках дневников передают информацию об их социальном положении и личных отношениях и могут рассматриваться в качестве семиотических метафор, акцентирующих конфликт, лежащий в основе сюжета. Визуализация происходит с помощью следующих средств: а) визуальная метонимия «одежда вместо социального статуса», где официальные костюмы соответствуют высоким должностям, занимаемым в правительстве их обладателями; б) визуальная метонимия «композиционный фокус вместо социального статуса», где фигура на переднем плане занимает более высокое положение в правительстве; в) визуальная метонимия «эмоция вместо действия», где в одном случае снисходительное, а в другом – испуганно-озадаченное выражение лица соответствует характеру поведения чиновника; г) визуальная метонимия «жест вместо действия», где степень сжатости руки в кулак передает степень реализуемого контроля; д) визуальная метонимия «единый визуальный план вместо солидарности»; е) визуальная метонимия «обладание атрибутом власти вместо

власти», где тот, в чьих руках находится контейнер для правительственных документов (в одном случае представленный портфелем, а в другом – папками), является лицом, контролирующим ситуацию. При этом красный цвет атрибутов власти привлекает к ним внимание и иконизирует их важность. На рисунке 3, где главный актант, Джеймс Хэкер, занимает должность министра, только начинающего свою карьеру в действующем правительстве, снисходительно-покровительственная улыбка смотрящих на него свысока подчиненных, изображенных в одной визуальной плоскости, соответствует их превосходству в знании нюансов бюрократических процедур и ставит их в положение гуру в отношении начальника. На рисунке 4 Джеймс Хэкер, получающий в этом сюжете должность премьер-министра, занимает центральное положение, что визуально отражает раскол в едином фронте его подчиненных. При этом то, что он и его личный секретарь смотрят в одну сторону, отражает их единство, в то время как озабоченный взгляд сэра Хэмфри Эшлби, секретаря кабинета министров, передает его пошатнувшееся положение.

Помимо фотографий трех авторов дневников, помещенных на обложках, в книгах содержатся персональные фотопортреты главного автора и актанта Джеймса Хэкера в полный рост (рис. 5 и 6).

Рис. 5. Титульный разворот
(J. Lynn, A. Jay.
The Complete Yes Minister)

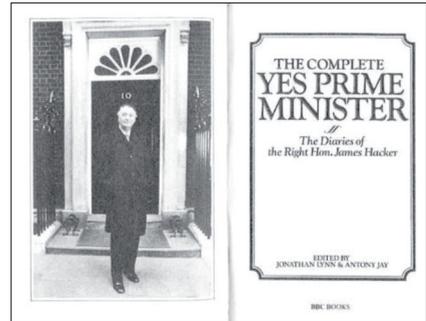

Рис. 6. Титульный разворот
(J. Lynn, A. Jay.
The Complete Yes Prime Minister)

На обеих фотографиях Джеймс Хэкер изображен на фоне двери с номером десять, что является визуальной метонимией британского правительства. Темный цвет одежды на рисунке 6 характерен для

более формальных ситуаций, что в этом случае соответствует более высокой должности в правительстве, занимаемой Хэкером, и реализует визуальную метонимию «одежда вместо социального статуса».

Как и в дневниках миссис Фрай, рассмотренных выше, реальные авторы дневников Джеймса Хэкера подписывают своим именем текст, предваряющий дневниковые записи вымышленного автора. Для выступления от своего имени Jonathan Lynn и Antony Jay выбирают жанр примечания редактора, который также пародируют, используя лингвистические средства, выражающие полярную оценку качества самих дневников и личных качеств их вымышленного автора, что создает комический эффект. Например, в следующем отрывке семантически гетерогенные лексические единицы реализуют негативную оценку карьерного роста в правительстве, что контрастирует с общепринятой оценкой:

...will deal with Hacker's career as he failed upwards to Number Ten Downing Street, and thence to his final demise on his elevation to the House of Lords (as it then was) (*J. Lynn, A. Jay. The Complete Yes Minister*).

Важно отметить, что реальные авторы также присутствуют в тексте дневников в роли редакторов, которым принадлежат текстовые комментарии ко многим материалам личных записей. Их по большей части саркастичные замечания выделяются визуально с помощью курсива, а также пунктуационно с помощью квадратных скобок. При этом якобы смена авторства текста формально вербализуется традиционным сокращением *Ed* (см. рис. 7).

Текст обеих книг изобилует изображениями якобы реальных вырезок газетных статей, фотографий и карикатур, в том числе из таких уважаемых изданий, как «The Times», «The Observer», «The Daily Post» и т. д., а также отсканированных документов, в том числе рукописных, сопровождаемых примечаниями редакторов, при необходимости отражающими соблюдение авторских прав. Все эти иллюстрации представляют собой документальное подтверждение описываемых событий и способствуют созданию впечатления реалистичности дневниковых записей важного политического деятеля. При этом отсканированные документы не являются просто визуальным сопровождением, а предполагают внимательное прочтение, так как чаще всего не дублируются основным печатным текстом. Интересно, что в случае рукописных документов почерк и манера письма могут

использоваться для создания образа персонажа, передавая определенные характеристики его личности. Так, например, на рисунке 7 акцентируется привычка гражданских служащих писать на полях документов.

Использование на ряде иллюстраций официальных бланков, формуляров и форм можно рассматривать как средство активации у читателей определенных ожиданий относительно их содержания. Так, на рисунке 8 приведен якобы реальный документ, иллюстрирующий часть переписки организаций, входящих в систему британского здравоохранения. Визуальные атрибуты вызывают у читателей ожидание того, что текст документа должен характеризоваться важностью и серьезностью, что соответствует текстовому концепту документов, а также метонимическому переносу качеств, ассоциируемых с самой организацией, на выпускаемую ей документацию. При этом содержание документа на иллюстрации можно охарактеризовать как комичное в силу его очевидной глупости, что контрастирует с информацией, относящейся к соответствующему текстовому концепту.

[It is interesting to observe that senior civil servants, perhaps because they have spent thirty years writing notes in the margin of a memo or minute, only write in the margin even if there is nothing else on the page - Ed.]

Рис. 7. Иллюстрация из книги (J. Lynn, A. Jay. *The Complete Yes Minister*)

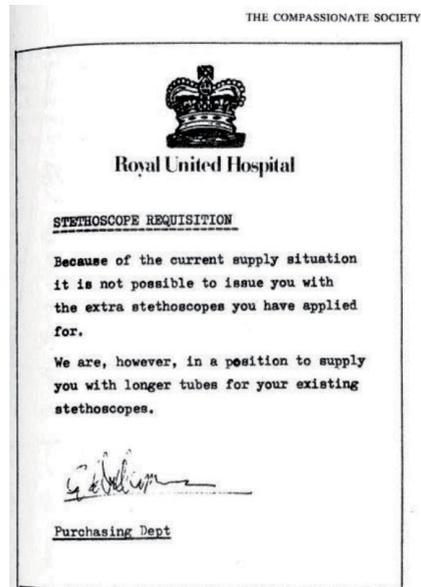

Рис. 8. Иллюстрация из книги (J. Lynn, A. Jay. *The Complete Yes Minister*)

Заключение

Как показал проведенный анализ, центральный для пародийного художественного дискурса содержательный контраст, основанный на фамильяризации прецедентных феноменов, реализуется благодаря возникновению интерсемиотических семантических отношений между вербальным и визуальным компонентами. Визуальный компонент в пародийных дневниковых записях реализуется в самых разнообразных формах, актуализируя информацию, существенную для текстового концепта публикуемых дневников, и может включать портретные изображения вымышленных авторов и актантов дневников, якобы реальные отсканированные документы, как печатные, так и рукописные, различные атрибуты тела текста, такие как шрифт, размер печатных знаков и т. д. При этом визуальный компонент в пародийных дневниковых записях используется с целью придания им впечатления реальности и достоверности. Среди визуальных средств, передающих информацию о вымышленных авторах и акантах, можно выделить визуальную метонимию, как наиболее часто используемую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Елисеева И. Б.* Дискурсивные особенности текста современной англоязычной пародии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. [Eliseeva, I. B. (2011). *Diskursivnye osobennosti teksta sovremennoi angloyazychnoi parodii* (Discourse peculiarities of the text of modern parody in English): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Лашкевич А. В.* Личный дневник и жанры «дискурса личности» в контексте межкультурной коммуникации: монография. Ижевск: Удмуртский университет, 2014. [Lashkevich, A. V. (2014). *Lichnyi dnevnik i zhanry «diskursa personal'nosti» v kontekste mezhkul'turnoi kommunikatsii* (Personal diaries and genres of 'the personality discourse' in the context of cross-cultural communication): monograph. Izhevsk: Udmurt State University. (In Russ.)]. URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/12099/2014300.pdf?sequence=1> (дата обращения: 17.05.2021).
- Лушниковая Г. И.* Когнитивные и лингвостилистические особенности литературной пародии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. [Lushnikova, G. I. (2010). *Kognitivnye i lingvostilicheskie osobennosti literaturnoi parodii* (Cognitive and linguostylistic peculiarities of parody in literature): abstract of PhD in Philology. Kemerovo. (In Russ.)].

- Найок О. Б.* Пародирование прецедентных текстов в художественном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 17 (677). С. 52–62. [Naiok, O. B., (2013). Parodies of precedent texts in the discourse of fiction. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 17 (677), 52–62. (In Russ.)].
- Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000. [Slyshkin, G. G. (2000). Lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov (Linguistic and cultural concepts of precedent texts). Moscow: Academia. (In Russ.)].

УДК 81.367

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_132

И. М. Некрасова

кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой романо-германских языков
и межкультурной коммуникации
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
nekrasova142008@yandex.ru

«ПАССИВООБРАЗНЫЕ» ФОРМЫ С ПОЗИЦИОННЫМИ СВЯЗКАМИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Целью исследования является описание семантики формы «lie / stand / sit + причастие II» как фазисного преобразования «пассивообразных» конструкций со связкой «be». Исследование, выполненное на основе корпусных данных, выявило три разновидности «квазипассива»: 1) статив; 2) субъектный результатив; 3) составное именное сказуемое с адъективированным причастием. В ходе анализа установлены лексико-семантические группы наиболее типичных причастий, способных образовывать «квазипассив» с позиционными связками. Актуальность исследования определяется малоизученностью позиционных связок в аспекте регулярного преобразования исходного типа сказуемого.

Ключевые слова: «квазипассив»; позиционные связки; причастие второе; языковой корпус; фазисное преобразование именного сказуемого.

I. M. Nekrasova

PhD (Philology)
Head of the Department of Romanic and Germanic Languages
and Cross-cultural Communication
Perm State Humanitarian Pedagogical University
nekrasova142008@yandex.ru

“QUASI-PASSIVE” WITH POSITIONAL COPULA VERBS IN ENGLISH

The aim of the investigation is to describe the semantics of the structure «stand / lie / sit + Participle II» as an aspect modification of constructions known as “quasi-passive” with the copula *be*. The research performed on the basis of text-corpus data brought to light three varieties of “quasi-passive”: 1) stative; 2) subjective resultative; 3) the clause with a predicative adjective. In the course of analysis typical semantic groups of Participle II tending to interact with positional copula verbs are established. The urgency of the investigation is connected to the fact that positional copula verbs remain little-studied as an aspect modification of the basic form with the copula *be*.

Key words: quasi-passive; positional copula verbs; participle II; text corpus; the aspect modification of the nominal predicate.

Введение

Серьезное изучение и описание полусвязочных глаголов началось сравнительно недавно, во второй половине XX века, при этом «набор» связок, представленных в семантических классификациях даже на материале одного языка, различается. Под позиционными связками составного именного сказуемого (СИС) понимают полусвязочные глаголы, выражающие значение положения в пространстве или позу человека: «стоять», «лежать», «сидеть». В русистике их традиционно относят к «знаменательным» связкам, сохранившим вещественное значение [Галкина-Федорук 1964]; в германистике – к фазисным (аспектным) глаголам, выражающим длительное пребывание в состоянии [Ganshina 1964; Gordon 1986; Москальская 1981], хотя большинство исследователей ограничивает класс аспектных операторов СИС связками «оставаться» [Локтионова 1995], «getain», «keep», «stay» [Левицкий 1991; Biber 2006]. Л. В. Попова, которая исследует механизмы развития в полнозначном глаголе связочного значения, отмечает, что «глаголы со значением позиции, нахождения в пространстве <...> служат основой для возникновения семантики фазисности» [Попова 2013, с. 24], а именно – «склонны к развитию стательного значения, возникающего на основе семантики исходного глагола (неподвижность, продолжительность действия)» [там же, с. 28]. Действительно, эта черта их семантической структуры отражена в словарях, ср.: «сидеть – сесть и оставаться в этом положении» [Даль 2000, с. 588], «стоять – быть в покое, длиться, продолжаться» [там же, с. 626]. Несмотря на возрастающий интерес к нетрадиционным связкам, связочные глаголы с семантикой положения в пространстве до сих пор не получили описания с точки зрения преобразования исходного типа сказуемого.

Отправной точкой при описании семантики полусвязочных глаголов должна быть выполняемая ими функция, а не критерий отвлеченности значения. «Определение степени знаменательности связок... не имеет синтаксического характера» [Лекант 1976, с. 96]. На наш взгляд, функциональный подход к рассмотрению полусвязочных глаголов согласуется с концепцией регулярных реализаций модели предложения: все связочные глаголы можно представить как элементы одной системы, в центре которой находится «идеальная» связка «быть». «Модальную оценку отношений, передаваемую связкой быть, определяют как

“нулевую” или “исходную”, на фоне которой осознаются различные виды оценки, представленные в других связках» [там же, с. 96]. Все остальные связочные глаголы имеют «двойную» семантику, которая охватывает значение связки *быть* («тождество», «подобие», «идентификация» и т. п.) + вещественное значение; благодаря этому преобразование СИС производится «не на поверхностном уровне (за счет вставки служебного глагола), а на глубинном» [Левицкий 1991, с. 37]. Регулярные реализации не нарушают целостности модели предложения, а представляют собой «семантические изменения модели на заданную величину» [Золотова 1982, с. 207]. Данный подход положен в основу нашего исследования, так как он позволяет, во-первых, понять природу «двойной семантики» нетрадиционных связок; во-вторых, рассматривать их и связку *быть* как элементы одной системы альтернатив. В этом случае акцент делается на функции связки как служебного слова, образующего «синтаксический глагол», независимо от степени ее грамматикализации [Левицкий 1991, с. 24].

Объектом нашего исследования послужило составное именное сказуемое с причастием II (Past Participle) в английском языке: *He stood dressed*, которое формально совпадает с пассивной формой. Описание позиционных связок как элемента аспектной модификации «be»-пассива представлено в статье И. М. Некрасовой [Некрасова 2020a]. Данная работа представляет собой другой аспект исследования, которое преследует следующие цели:

- 1) выявление «квазипассива» со связочными глаголами *stand, lie, sit*;
- 2) подтверждение тезиса о том, что форма *stand, lie, sit* + причастие II является фазисной реализацией СИС с глаголом *be*: *He was dressed* → *He stood dressed*;
- 3) выборка наиболее типичных причастий, способных образовывать СИС с рассматриваемыми связками и группировка их в лексико-семантические группы.

Исследование опирается на анализ семантических ролей основных партиципантов ситуации, которые образуют глубинную семантическую структуру предложения (агенса, пациенса и т. д.), и референцию; для разграничения «квазипассива» и пассива используется метод трансформации; «двойная» семантика позиционных связок является методом подстановки.

В качестве репрезентативного источника языкового материала для нашего исследования послужили корпуса с функцией конкорданс, дающие возможность поиск по биграммам (сочетаниям слов), а именно, корпуса английского языка, представленные в онлайн-ресурсе университета Лидс – IntelliText Corpus, включающие Британский национальный корпус (BNC) и др. Поиск связочного глагола осуществлялся во всех словоформах (например, lemma = stand), поиск причастия – по запросу заданной словоформы: VVN. Отбор материала показал разную продуктивность рассматриваемых связок; так, в Британском национальном корпусе количество вхождений оказалось следующее: 407 (*lie*), 327 (*stand*), 186 (*sit*). В анализ вошли сочетания с причастиями частотностью 5 и выше; индекс частотности будет указываться далее в тексте анализа относительно данных BNC.

«Пассивообразные» формы

Для уточнения объекта исследования мы опирались на работы по залугу и диатезе 1970–1980 годов, в которых дается описание «квази-пассива», или «пассивообразных» форм, с глаголом *быть*. Они совпадают с пассивом формально (*быть* + причастие прошедшего времени) и на уровне ролевой структуры (первый актант – пациент), но принципиально отличаются на уровне референции. Несмотря на то, что «обобщенное значение именной части СИС есть выражение состояния, или синтаксическое значение пассивного признака» [Лекант 1976, с. 107], пассив представляет собой специфическую разновидность СИС со «скрытым» референтом, одушевленным (агенс) или неодушевленным (эффектор). В случае «пассивообразных» форм речь идет о следующих конструкциях:

- 1) статив, или общая форма состояния, которой не предшествовало действие; значение исходной и производной конструкций совпадает (*Лес окружен горами* ← *Горы окружают лес*);
- 2) субъективный результатив, обозначающий состояние подлежащего как результат собственного воздействия (*был побрит* ← *побрился*);
- 3) СИС с адъективированным причастием (АП), которое выражает физическое или психическое состояние лица (*был подавлен*).

В рассмотренном нами языковом материале обнаружены аналогичные формы со связочными глаголами *stand*, *lie*, *sit*. Представим образцы найденных нами примеров в таблице 1.

Образцы «пассивообразных» форм

Разновидность СИС	Глагол «быть»	Позиционные связи
Общая форма состояния	Britain's industrial cities <i>are surrounded</i> by wilderness.	The city of Kyoto, the imperial capital, lies <i>surrounded</i> by hills.
Субъектный результатив	She <i>was dressed</i> in a two-piece suit...	... and now she <i>stood dressed</i> only in her bathrobe, ...
СИС с АП	They <i>were lost</i> in thoughts of home.	The patients <i>were sitting lost</i> in their own thoughts.

Как видно из примеров в таблице, позиционные связи выполняют функцию, аналогичную «чистой» связке *быть*, обладая при этом семантическим «приращением»; их «двойная» семантика представляет собой контаминацию двух значений: «идентификация признака» + «положение в пространстве». Регулярное преобразование выявляется путем подстановки / замещения: *is surrounded* → *lies surrounded* и т. п.

Перейдем к анализу выявленных «пассивообразных» форм со связочными глаголами *stand*, *lie*, *sit*.

Общая форма состояния

Общая форма состояния (статив) образуется неопределёнными глаголами, которые выражают состояние или постоянное свойство предмета. Статические ситуации характеризуются как «первичные (непроизводные, органические)»; в отличие от пассива, они не содержат предшествующего действия, или «ретроспективного факта» [Князев 1989, с. 87]. Для разграничения пассивной конструкции и статива используется метод трансформации, который позволяет уточнить семантическую роль дополнения с предлогом *by* с точки зрения ретроспекции – как первого актанта исходной активной конструкции:

- пассив:

The Queen was *standing surrounded* by Yeomen of the Guard (id = “КАС” type = “W misc”)¹ ← The Yeomen of the Guard (агенс) surrounded the Queen.

¹ Зд. и далее источник примера указан в соответствии с правилом корпуса [IntelliText Corpus].

- статив:

The oak-beamed four-bedroom house *stands surrounded* by apple trees (id = “CH6” type = “W newsp”) ← Apple trees (пациенс) surrounded the house.

Как показывает рассмотренный нами материал, к ситуациям, которым не предшествовало действие, относятся описания пейзажа, местонахождения зданий, населенных пунктов и т. п. Статив образуется причастиями, уточняющими локацию объекта: «окруженный», «изолированный», «спрятанный», «приютившийся» и т. п.; маркируем их как лексико-семантическую группу (ЛСГ) номер 1. В сочетании с ними и неодушевленным пациенсом вещественное значения позиционных связок становится более отвлеченным: «стоять / лежать / сидеть» → «находиться»:

The following week I went to Rampton Special Hospital which *stands isolated* in the countryside of north Nottinghamshire (id = “ABU” type = “W biography”). The limestone manner *stood tucked* into an open fold between Wenlock Edge and Aymestry (id = “ALY” type = “W misc”). The Thames had a very different appearance and variations in its route, so Chiswick now *lies nestled* in a compact “U” bend of the river (id = “AB4” type = “W non ac humanities art”). Then the shanty-towns began to thicken till... concrete blocks announced La Paz which *sat cradled* deep in the mountains (id = “AP” type = “W misc”).

Наиболее продуктивными причастиями этой лексико-семантической группы оказались *surround* и *isolate* (11 вхождений у каждого).

Субъектный результатив

Субъектный результатив «называет состояние субъекта предшествующего действия» и чаще всего является трансформацией возвратной формы: *She is dressed* ← *She has dressed herself* [Недялков 1983, с. 7]. Отличие субъектного результатива от пассива выявляется в рамках предложения после установления семантической роли первого актанта (агенс / пациенс), ср.:

- субъектный результатив:

Karen (агенс) was lying stretched out on the sofa facing me, staring up at the ceiling (id = “BMR” type = “W fict prose”).

- пассив:

Bones of right foot were in anatomical with regard to each other, the limb (пациент) **lying stretched** along the right side of the trunk (id = “H09” type = “W non ac humanities art”).

В первом случае трансформация позволяет восстановить предшествующую возвратную форму: *Karen stretched herself out on the sofa facing me*; во втором случае – нет.

Анализ «двойной» семантики предиката субъектного результата-ва демонстрирует сохранение вещественного значения связки:

Karen *was lying stretched out* on the sofa facing me = Karen *was lying* on the sofa facing me. She *stretched herself out*.

При отборе материала наблюдалась корреляция семантики глагола-связки и именной части, в результате чего выявлена обширная тематическая группа причастий, уточняющих позу человека в зависимости от его положения в пространстве (ЛСГ-2): *стоять* согнувшись вдвое; *лежать* вытянувшись, раскинув руки; *сидеть* развалившись и т. п.:

Mansell, clearly in pain, **stood doubled up** on the edge of the track before being escorted away to the medical centre (id = “АНК” type = “W newsp”). He confronted Julie Stott and her companion, forced them to **lie spread-eagled** on the ground (id = “AL6” type = “W newsp”). Even Michael **sat sprawled** in seeming boredom in his chair (id = “AN8” type = “W fict prose”).

Наибольшим разнообразием отличается группа причастий, сочетающихся с глаголом *сидеть*; их можно разделить на несколько семантических подгрупп:

- 1) наклоняться, горбиться, сутулиться:

I **sat bowed** in my desk, too numb to hate her back as she tried to put the class against me (id = “FS5” type = “W fict poetry”). Marie, still in her pyjamas, **was sitting slumped** at the table... (id = “ACB” type = “W fict prose”). Her father **is sitting hunched** over a pile of torn photographs... (id = “ABS” type = “W pop lore”). Another man **sits doubled over** with his pink mottled head against the table, sleeping and snoring (id = “HGL” type = “W fict prose”);

- 2) повернуться, изогнуться:

She **sits turned away** from me, hair hooked back behind her ear (id = “EDJ” type = “W fict prose”). He loved the music that she made on her cello, and the way she **sat curved** around it... (id = “H8N” type = “W fict prose”);

3) втиснуться, вклиниться:

He *was sitting wedged* in the corner, supported by the rear and side walls (id = “BMS” type = “W fict prose”). His glad cry of welcome was cut short when Beatrice inclined her stately head in his direction and moved off *to sit sandwiched* between Auguste D. and Egbert R. (id = “H8A” type = “W fict prose”);

4) сидеть оперевшись на что-л., взгромоздиться:

He *was sitting propped up* against the side of the snack kiosk (id = “BMS” type = “W fict prose”). John *was sitting perched* on a pedestal, in a dream world of his own (id = “ASC” type = “W biography”);

5) сидеть на расстоянии друг от друга:

Adelaida Parra coordinates seven literacy groups each week; today, eighty women *sat scattered* on the brownish-grey stony ground (id = “HH3” type = “W non ac polit law”). It was one of those windowless back offices where dozens of women sat spaced apart keying numbers with one hand while turning little slips of paper with the other (id = “HH3” type = “W non ac polit law”).

Субъективный результатив может также выражать состояние как следствие взаимного действия (реципрок), например:

There, women *sat squeezed* together on long wooden benches (id = “ABS” type = “W pop lore”) = ...women *squeezed one another*.

Наиболее частотные по количеству вхождений глаголы ЛСГ-2: *hunch* (33) и *slump* (17). Высокую частотность продемонстрировало также сочетание *stand rooted* (19 вхождений) в предложениях типа: *I know no world champion boxers who stand rooted to the spot* (id = “A0M” type = “W misc”). Однако данную форму по ряду причин следует считать фразеологическим оборотом: 1) сверхсловность (*to stand rooted to the spot* включается в словари как целостное сочетание); 2) метафорический перенос (сдвиг в значении); 3) дословная непереводаемость.

Анализ субъективного результатива выявил еще одну тематическую группу причастий (ЛСГ-3), маркирующих одежду, облачение агентивного подлежащего; эти сочетания не являются частотными, но отличаются разнообразием в плане синонимии. Их можно разделить на две подгруппы. Первая включает причастие *dressed* и уточняющие это базовое значение:

...he *sat cloaked* and *hooded*, a grim death mask over his face (id = “K95” type = “W fict prose”). There is no worse way to endure a long formal dinner than sitting trussed up and overheated in tight waistcoats and stiff collars (id = “ECT” type = “W pop lore”).

Вторая подгруппа представляет собой синонимический ряд – *закутанный, обернутый* и т. п., например:

His wife *had been sitting draped* in white cloth in the corner (id = “HRC” type = “W fict prose”). Menzies asked a grey-haired man who *stood bundled up* in his plaid, tall and erect (id = “BMS” type = “W fict prose”). The Emperor Khai Dinh *sat swathed* in a golden robe of richly embroidered silk (id = “FU8” type = “W fict prose”). Lawler glanced over to his wife, who *was sitting wrapped* in an eiderdown (id = “AN7” type = “W fict prose”). The boatman’s wife *sat muffled* from head to foot, invisible behind her veil (id = “J10” type = “W fict prose”).

СИС с адъективированным причастием

О текучести границ между прилагательным и причастием написано немало. Сходство прилагательного и причастия в английском языке выявляется в их функциях: наряду с прилагательным, причастие II употребляется атрибутивно и в составе именного сказуемого. При этом историки языка отмечают их общую природу: «Первоначально причастия были отглагольными прилагательными, которые лишь позднее стали глагольными формами и вошли в систему глагола» [Смирницкий 1959, с. 255]. О возможности обратного направленного процесса свидетельствуют случаи адъективации причастий, которая происходит вследствие ослабления или разрыва их семантической связи с другими глагольными формами. Степень десемантизации причастия в процессе перехода в разряд прилагательных различна, поэтому, став прилагательным, оно может выражать состояние неагентивного подлежащего, а не свойство или признак.

Состояние пациенса (неагентивного подлежащего) выражает также пассивная конструкция; тот факт, что в этом случае мы имеем дело не с прилагательным, а с причастием, подтверждает наличие у причастия глагольных зависимых (актантов и сирконстантов). Таким актантом выступает эффектор, источник направленного действия. Например, ПК с *by-phrase*: *The photographer stood mesmerized by a giant wave, shooting picture after picture* описаны в [Некрасова 2020a].

Обратимся к анализу СИС с адъективированным причастием, которые являются представителями «пассивообразных» форм. Признаком окачества причастия считается развитие у него способности градуироваться или сочетаться с наречиями меры и степени (*very*) [Biber 2006, с. 167]. Наш анализ выявил, что основным признаком АП оказывается перенос значения, метафоризация, которая делает невозможной трансформацию исходной активной конструкции: *He sat frozen in his seat by surprise* ← *Surprise has frozen him.

Наиболее распространенной семантикой рассматриваемых СИС являются эмоциональные (психические) состояния лица (ЛСГ-4): *подавленный (dejected, deprimiert), изнуренный (exhausted), застывший (frozen), окаменевший (petrified)* и т. п.; наиболее продуктивное причастие этой группы – *frozen* (25 вхождений).

Hoomy *stood paralysed*, clutching the rope (id = “AT” type = “W fict prose”). Eventually the two boys *were lying exhausted* on the floor... (id = “CH2” type = “W fict prose”). The milkman *was sitting petrified* but unhurt in the wreckage (id = “AMB” type = “W newsp tabloid”). The driver *sat stupefied* inside, white-faced, shocked but uninjured (id = “G3P” type = “W misc”).

Еще одна значимая тематическая группа причастий (ЛСГ-5) обозначает состояние лица, наступившее вследствие усиленной концентрации внимания, мыслей или погружения в какой-либо процесс, деятельность. В этом случае актуализируется семантика длительности, непрерывности и наблюдается сближение позиционных глаголов со связкой *remain*:

Later, at home, he sat engrossed in his work (id = “C8A” type = “W pop lore”) = he *remained engrossed* in his work.

Проиллюстрируем другие примеры причастий (ЛСГ-5):

On the ground floor, children *sit absorbed* in front of banks of Apple II computers (id = “B77” type = “W non ac nat science”). He *stood engrossed* in his own thoughts about Cranston (id = “K95” type = “W fict prose”). The queen-dowager *sat lost in thought* for a minute (id = “CCD” type = “W fict prose”). She lay lost in troubled, feverish *dreams* (id = “JY8” type = “W fict prose”). There had been long weeks when he *lay sunk* in gloom and introspection (id = “A7J” type = “W fict prose”). Very early each morning, which we thought was a fairly safe time to listen, we *sat glued* to the radio (id = “G3B” type = “W biography”).

Заключение

В ходе исследования выявлены три разновидности «пассивообразных» форм со связочными глаголами *stand, lie, sit*: статив (общая форма состояния), субъективный результатив, СИС с адъективированным причастием. Каждая из них представляет собой фазисную реализацию соответствующей формы СИС со связкой *be* и выражает «двойную» семантику: состояние предмета или лица с дополнительным значением положения в пространстве. Значение состояния, или идентификации признака, подтверждается возможностью замены нетрадиционной связки «нулевой» связкой *be*. Таким образом, каждый из связочных глаголов *stand, lie, sit* является элементом системы альтернативной связки *be*.

Определены пять лексико-семантических групп наиболее типичных причастий, способных образовывать «квазипассив» с глаголами *stand, lie, sit*: ЛСГ-1 уточняют местонахождение объектов (статив); ЛСГ-2 и ЛСГ-3 характеризуют позу человека или его одежду, покровы (субъективный результатив); ЛСГ-4 и ЛСГ-5 выражают состояние лица как результат внутренних (психических) процессов (СИС с адъективированным причастием). При взаимодействии с причастием наблюдается различная степень грамматикализации связки: сохранение вещественного значения (ЛСГ 2–4), ослабление (ЛСГ-1), сближение с фазисной семантикой длительности, непрерывности (ЛСГ-5). Независимо от степени отвлеченности значения, позиционные связочные глаголы следует признать аспектными операторами исходной формы СИС с глаголом-связкой *be*. Аналогичные результаты были получены ранее в исследовании на материале немецкого языка [Некрасова 2020б].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Галкина-Федорук Е. М. Именное составное сказуемое // Современный русский язык. Ч. II. М.: Изд-во МГУ, 1964. С. 327–341. [Galkina-Fedoruk, E. M. (1964). *Imennoje sostavnoje skazujemoe (Nominal predicate). Sovremennyj russkij jazyk, part II* (pp. 327–341). Moscow: Moscow University Publishing House. (In Russ.)].
- Даль В. И. Толковый словарь русского языка. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. [Dal', V. I. (2000). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka (Explanatory dictionary of Russian)*. Moscow: EKSMO-Press. (In Russ.)].

- Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. [Zolotova, G. A. (1982). Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa (Communicative aspects of the Russian syntax). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Князев Ю. П.* Конструкции с русскими причастиями на -н, -т в семантической классификации предикатов // Вопросы языкознания. 1989. Вып. 6. С. 83–94. [Knjazev, Y. P. (1989). Russian participle constructions with final -n and -t in the semantic classification of predicates. Voprosy jazykoznanija (Topics in the study of language), 6, 83–94. (In Russ.)].
- Левицкий Ю. А.* Типы сказуемого в современном английском языке. Пермь: ПГПИ, 1991. [Levitskij, Y. A. (1991). Tipu skazuemogo v sovremennom anglijskom jazyke (Types of the predicate in modern English). Perm: Perm Pedagogical Institute Publishing House. (In Russ.)].
- Лекант П. А.* Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: Высшая школа, 1976. [Lekant, P. A. (1976). Tipy i formy skazuemogo v sovremennom russskom jazyke (Types and forms of the predicate in modern Russian). Moscow: Higher School Publishing House. (In Russ.)].
- Локтионова Л. В.* Синтагматика и парадигматика составного именного сказуемого с неспециализированными связками: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. [Loktionova, L. V. (1995). Sintagmatika i paradigmatica sostavnogo imennogo skazuemogo s nespetsializirovannymi svjazkami (Syntagmatics and paradigmatics of the nominal predicate with semi-copulars): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Москальская О. И.* Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). М.: Высшая школа, 1981. [Moskalskaja, O. I. (1981). Problemy sistemnogo opisanija sintaksisa na material nemetskogo jazyka (Problems of the systematic description of the syntax in German). Moscow: Higher School Publishing House. (In Russ.)].
- Недялков В. П.* Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций. Л.: Наука, 1983, С. 5–41. [Nedjalkov, V. P. (1983). Tipologija resultativnyh konstruksij (Typology of the resultive constructions). Typology of the resultive constructions (pp. 5–41). Leningrad: Nauka. (In Russ.)].
- Некрасова И. М.* Позиционные связки как элемент аспектной модификации «Ве»-пассива // Вестник Пермского Национального исследовательского политехнического университета. 2020а. Вып. 2. С. 51–58. [Nekrasova, I. M. (2020a). Positional copula verbs as an element of the aspect modification of «be»-passive. Vestnik of Perm National Research Technical University, 2, 51–58. (In Russ.)].
- Некрасова И. М.* Семантика СИС с позиционными связками (на материале немецкого языка) // Proceedings of the IV International Multidisciplinary Conference «Recent Scietific Investigation». Primedia E-launch LLC.

- Shawnee, USA. М.: Интернаука, 2020б. С. 127–132. [Nekrasova, I. M. (2020b). The semantics of the nominal predicate with positional copula verbs (in German). In Proceedings of the IV International Multidisciplinary Conference «Recent Scientific Investigation» Shawnee, USA (pp. 127–132). Moscow: Internauka. (In Russ.)].
- Попова Л. В.* Связка в грамматической системе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2013. [Popova, L. V. (2013). Svjazka v grammaticheskoj sisteme russkogo jazyka (Copula in the grammar system of Russian): abstract of Senior Doctorate in Philology. Arkhangelsk. (In Russ.)].
- Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1959. [Smirnitskij, A. I. (1959). Morfologija anglijskogo jazyka (Morphology of English). Moscow: Foreign Languages Publishing House. (In Russ.)].
- Biber D.* Longman Student Grammar of spoken and written English. Pearson Education Limited. Fifth impression, 2006.
- Ganshina M. A.* English Grammar. М.: Higher School Publishing House, 1964.
- Gordon E. M.* A Grammar of Present-Day English. М.: Higher School Publishing House, 1986.
- IntelliText Corpus (University of Leeds). Centre for Translation Studies. URL: <http://corpus.leeds.ac.uk/itweb/htdocs/Query.html> (дата обращения: 09.02.20).

УДК 81.373.612.2

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_145

Л. В. Порохницкая

доктор филологических наук
профессор кафедры лексикологии английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
lidie@list.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РИФМОВАННЫХ СУБСТИТУТОВ

В статье рассматривается возможность изучения семантических параметров рифмованных сленгизмов в современном английском языке. Несмотря на стабильный интерес лингвистов к данной группе лексики, специфика их значения традиционно оставалась за рамками исследований. Показано, что семантика многих рифмованных субститутов базируется на регулярных метафорических и метонимических моделях. Предлагается методика выявления и описания концептов, лежащих в основе данного класса единиц, а также моделей их концептуальной фокусировки.

Ключевые слова: рифмованный сленг; концептуальная метафора; концептуальная метонимия; концептуальная модель; концептуальная фокусировка.

L. V. Porokhnitskaya

Doctor of Philology (Dr.habil)
Professor at the Department of English Lexicology
Faculty of English
Moscow State Linguistic University
lidie@list.ru

SEMANTIC FEATURES OF RHYMING SLANG UNITS

The article deals with the ways to study semantic features of rhyming slang units in modern English. It is shown that the semantics of many rhyming substitutions is based on regular metaphoric and metonymic patterns. The article proposes an algorithm of detecting and describing concepts underlying the formation of this group of units.

Key words: rhyming slang; conceptual metaphor; conceptual metonymy; conceptual pattern; conceptual highlighting.

Введение

В последние десятилетия появились работы, в которых исследователи обращаются к одному и тому же лингвокультурному феномену, который казался довольно хорошо изученным и описанным. Речь идет

о рифмованной субституции в английском языке, или, другими словами, англоязычном рифмованном сленге. Анализ работ по указанной проблематике показал, что многие вопросы, считавшиеся в значительной степени решенными, остаются дискуссионными и вызывают достаточно острую полемику.

Дискуссионные вопросы изучения рифмованного сленга

Сам термин «рифмованный сленг» признается некоторыми авторами не вполне однозначным. Так, А. А. Емельянов подчеркивает необходимость разграничения понятий «рифмованный сленг» и «рифмующийся сленг», отмечая, что второй термин надо использовать только в отношении сочетаний, построенных на редупликации, в которых рифмуется не то слово, которое мы подразумеваем, а непосредственно звучащая форма (первая часть словосочетания рифмуется со второй) [Емельянов 2016].

Не вполне ясно и происхождение рифмованного сленга. В то время как большинство исследователей сходятся во мнении, что рифмованный сленг является характерной особенностью кокни, его непосредственная связь с кэнтизмами не столь очевидна. Так, в частности Дж. Франклин полагает, что появление рифмованных сленгизмов следует связывать с языковой игрой бедных лондонцев, а также выходцев из Ирландии, которые проживали и работали в Лондоне. Именно из языка этих социальных групп рифмованный сленг и проник в арго преступного мира, а не наоборот [Franklyn 1953].

Неоднозначно трактуется и вопрос о современном статусе данной разновидности сленга. Если в отношении периодизации этапов развития рифмованного сленга ситуация более или менее ясна, то о его роли в системе английского языка споры не утихают до сих пор.

Известно, что впервые термин «Rhyming slang» был упомянут в словаре сленга Дж. Хоттена, который был опубликован в 1859 году. По всей видимости, отдельные примеры рифмованных субститутов были известны по крайней мере с XVIII века. Пик популярности рифмованного сленга пришелся, очевидно, на девяностые годы прошлого века, причем в это время рифмованные субституты являлись существенной особенностью речи не только лондонской молодежи. Именно в этот период они получили широкое распространение практически по всей стране.

Многие исследователи подчеркивают также достаточно высокую активность рифмованного сленга в Австралии [Нырко 1999]. Считается, что именно благодаря переселенцам из Великобритании данный вид сленга начал постепенно проникать в австралийский вариант английского языка. Среди наиболее распространенных примеров обычно цитируют *captain Cook (look)*, *Joe Blake (snake)* т. д. Интересно, что именно из Австралии рифмованный сленг проник в итоге и в США.

Вопрос территориальной дифференциации рифмованного сленга на сегодняшний день продолжает привлекать внимание исследователей. Выделяются, в частности, его новозеландский и южноафриканский варианты. Известны также работы Ю. В. Горшунова, в которых описывается специфика шотландского варианта рифмованной субституции [Горшунов 2016].

Изучение и описание данного класса субстандартной лексики осложняется также его существенной социальной стратификацией. Помимо рифмованного сленга кокни, интересна и разновидность, используемая английской аристократией (*upper-class rhyming slang*) [Емельянов 2006].

Если принципы построения тематических и структурных классификаций рифмованных сленгизмов достаточно хорошо разработаны [Нырко 1999; Емельянов 2006], то их семантические особенности долгое время оставались за рамками исследований, что главным образом было обусловлено их немотивированностью, постулируемой в большинстве работ [Моисеева 1988].

На наш взгляд, анализ семантических параметров рифмованных сленгизмов связан с двумя особенностями этих номинаций, которые остаются в значительной степени неизученными до сих пор. Во-первых, речь идет об эвфемистической функции рифмованных субститутов. Во-вторых, мы имеем дело с метафоричностью многих сленгизмов анализируемой группы, которая при ближайшем рассмотрении оказывается обусловленной определенными закономерностями.

Мы уже отмечали, что рифмованные сленгизмы составляют заметную часть англоязычного эвфемистического лексикона [Порохницкая 2004]. Определенной степенью смягчающего и/или маскировочного потенциала обладают, в частности, такие ставшие уже классическими единицы, как *elephant's trunk (ньяный)*, *ginger beer (нетрадиционной ориентации)* и т. д.

Рифмованные сленгизмы, фигурирующие в качестве смягчающей альтернативы прямым наименованиям разнообразных табуированных понятий, формируются на базе двух основных моделей. В первом случае второй элемент субститута рифмуется с самой табуированной лексемой. Сравните, например, *early door* (*whore*), *Oedipus Rex* (*sex*), *Henry Melville* (*devil*). По всей видимости, бóльшим маскировочным потенциалом обладают единицы, у которых второй элемент рифмуется с эвфемистической заменой. Приведем следующие примеры: *Mary Ellens* (рифм. с *melons* вместо *breasts*), *Neville Dean* (рифм. с *queen* вместо *homosexual*), *Zobra the Greek* (рифм. с *leak* вместо *urinate*).

Еще более высокую степень кодирования табуированного содержания можно наблюдать в случае усеченных рифмованных сочетаний, которые могут быть конституентами как первой, так и второй группы. Например, *cattle* (*пугательство*, полная форма *cattle truck*), *brown* (*мертвый*, полная форма *brown bread*).

Вопрос о степени эвфемистического потенциала рифмованных сленгизмов сопряжен с двумя в значительной степени дискуссионными проблемами современной теории эвфемии: соотношение функции криптолалии и смягчения, а также актуальность такого рода эвфемистических единиц, другими словами, их способность выступать в качестве более приемлемой альтернативы табуированной лексемы (сочетания) в современной коммуникативной ситуации.

В отношении первого вопроса можно заметить, что функция криптолалии (тайноречия) присуща не только специальным военным шифровкам и арготизмам преступного мира. Высокой степенью маскировки обладают и большинство политкорректных сочетаний, в том числе и терминологического характера, например, *loss of separation* (сокращение дистанции между самолетами, которое может привести к катастрофе), а также многие сленгизмы, например *twilight world* (общество людей нетрадиционной ориентации, букв. 'сумеречный мир'). Очевидно, что именно маскировочный потенциал языковой единицы можно рассматривать в качестве одной из предпосылок к выполнению смягчающей функции.

Говоря о прагматических особенностях рифмованных субститутов в синхронии, надо отметить, что данное лингвокультурное явление обсуждается на форумах, ему посвящены сайты (например, www.cockneyrhymingslang.co.uk), оно находит отражение в речи

пользователей соцсетей. Анализ значительного массива контекстов найденных в современных базах данных и при помощи поисковых систем позволяет констатировать присущую им маскировочную и/или смягчающую функцию в достаточно широком спектре ситуаций.

Еще одним дискуссионным вопросом остается тезис о полной семантической немотивированности рифмованных сленгизмов, который на протяжении всего периода их изучения разделяло большинство исследователей. Так, например, Е. А. Моисеева полагает, что рифмованные субституты полностью семантически не мотивированы и построены на чисто формальном принципе – наличии рифмы с ключевым словом [Моисеева 1988].

Впервые вопрос о семантике в анализируемой группе просторечной лексики был затронут, по всей видимости, в диссертационном исследовании А. И. Нырко, где было отмечено, что у некоторых выражений рифмованного сленга можно проследить семантическую мотивированность [Нырко 1999].

Принципы выявления и описания концептуальных моделей в семантике рифмованных сленгизмов

Мы полагаем, что семантическая мотивированность рифмованных сленгизмов – явление в значительной степени системное. Анализ концептуального аспекта семантики 400 единиц данной группы просторечных сочетаний позволил выявить некоторые закономерности. В основе значения многих рифмованных субститутів лежит система метафорических и метонимических концептов. Реализация метафорических концептов в семантике проанализированных единиц носит регулярный характер, что позволяет говорить об определенном наборе константных моделей, которые коррелируют с общими принципами концептуально-метафорической репрезентацией конкретного понятия. Так, например, в англоязычном сообществе семантика большинства языковых единиц, используемых для номинирования различных аспектов нетрадиционной сексуальной ориентации, моделируется на базе метафорического представления о гомосексуальном человеке как о цветке, например, *pansy* (букв. ‘виола’), *lily* (букв. ‘лилия’), *daisy* (букв. ‘маргаритка’); о птице, например, *bird* или о женщине, например, *daughter*, *sister*, *Nelly*, *Nancy*. Сравните примеры рифмованных сленгизмов, имеющих в основе своей семантики отмеченные

метафорические концепты, например: «Darling Buds of May» (рифм. с *gay*), «sanary» (рифм. с *fairy*), «Nelly Dean» (рифм. с *queen*). Также определенным номинативным потенциалом обладают музыкальные концепты, например, «song and dance» (рифм. с *Nance*), а также концепты, связанные с индустрией моды, например, «collar and cuff» (рифм. с *puff*), которые традиционно являются активными в контексте конструирования образа гомосексуализма в английском языке, например, «to play the pink oboe» (букв. ‘играть на розовом гобое’), «ruffle» (букв. ‘кружевная гофрированная манжета’ – воротник).

В некоторых случаях можно констатировать реализацию ряда метонимических концептов, актуальных для анализируемой сферы, например, «nice enough» (рифм. с *puff*), что коррелирует с тенденцией активизации концептов кластера «личностные характеристики» при номинировании различных аспектов изучаемого понятия.

Отмеченная закономерность может быть проиллюстрирована также на примере таких понятий, как опьянение, например, «fog and mist» (рифм. с *pissed*); активизация метафорического концепта «туман» в структуре блока «природные явления», ср. *fogged, foggy, gorillas in the mist* рифм. с *pissed*; параллельная активизация метафорического концепта «животные», ср. *to see pink elephants*) и естественные потребности организма (*cup of tea* рифм. с *pee*; активизация метафорического концепта «потребление пищи / воды», ср. *liquid lunch – алкоголь*). Важно подчеркнуть, что во многих случаях речь идет не только о реализации аналогичных моделей концептуально-метафорической репрезентации, но и схожих моделях концептуального профилирования. Так, на примере описанных рифмованных субститутов, номинирующих нетрадиционную ориентацию, можно наблюдать фокусирование системообразующих для данной области идей женственности, красоты, одаренности и т. д., в контексте алкогольного опьянения – «затуманенности» взора и сознания, естественности потребления, необходимости и т. д.

Одной из наиболее показательных номинативных сфер рифмованной субституции в контексте концептуально-метафорической репрезентации следует признать романтические отношения и семейные узы. Сравните следующие примеры: *carving knife* (*wife*; активизация концепта «домашнее хозяйство»), *jam tart* (*sweetheart*; активизация концепта «сладости»), *light of my life* (*wife*; активизация концепта «свет»), *kiss of life* (*wife*; активизация концепта «персонафикация»).

В некоторых случаях номинируемый концепт и концепт, через призму которого происходит репрезентация, находятся в настолько тесной связи, что речь скорее идет об их активизации в рамках единого концептуального пространства, т. е., по сути, о концептуальной метонимии. Так, например, рифмованный сленгизм *the excuse me* (рифм. с *WC*) репрезентирует концепт, представляющий собой один из элементов стереотипного сценария посещения туалетной комнаты. Реализациями концептуальной метонимии можно считать также единицы *heavenly bliss (kiss)*, *joy of my life (wife)*, *hugs and kisses (missus)*, *worry and strife (wife)* и т. д.

Заключение

Подводя итог, можно заметить, что, несмотря на семантическую немотивированность ряда известных рифмованных субститутов в английском языке, достаточно высокий их процент имеет в основе своей семантики действие регулярных метафорических и метонимических моделей, которые непосредственно коррелируют с системой концептуально-метафорической репрезентации данного понятия в анализируемом языке. Модели концептуального профилирования в семантике рифмованных сленгизмов также отражают общие закономерности фокусирования в рамках описываемых номинативных сфер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Горшунув Ю. В. Региональные и местные формы рифмованного сленга (на примере шотландского рифмованного сленга) // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 172–175. [Gorshunov, Yu. V. (2016). Regional'nye i mestnye formy rifmovannogo slenga (na primere shotlandnskogo rifmovannogo slenga) (Regional and local varieties of rhyming slang: Scottish rhyming slang). *Politicheskaya lingvistika*, 4 (58), 172–175. (In Russ.)].
- Емельянов А. А. Английский рифмованный сленг (теоретико-экспериментальное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2006. [Emel'yanov, A. A. (2006). *Anglijskij rifmovannyj sleng (teoretiko-eksperimental'noe issledovanie)* (English Rhyming slang): abstract of PhD in Philology. Ivanovo. (In Russ.)].
- Емельянов А. А. Рифмованный и рифмующийся сленг в современной лингвистике // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 7 (1). 2016. С. 10–15. [Emel'yanov, A. A. (2016). *Rifmovannyj i rifmuyushchijysya sleng v sovremennoj lingvistike* (Rhyming slang in modern linguistics). *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Seriya «Gumanitarnye nauki»*, 7 (1), 10–15. (In Russ.)].

- Моисеева Е. А.* Рифмующийся слэнг в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988. [Moiseeva, E. A. Rifmuyushchijsya sleng v sovremennom anglijskom yazyke (Rhyming slang in modern English): abstract of PhD in Philology. L. (In Russ.)]
- Нырко А. И.* Рифмованная субституция в английском просторечии (социолингвистический аспект): дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1999. [Nyrko, A. I. (1999). Rifmovannaya substituciya v anglijskom prostorechii (sociolingvisticheskiy aspekt) (Rhyming substitution in English common parlance): PhD in Philology. Pyatigorsk. (In Russ.)].
- Порохницкая Л. В.* Культурологические и когнитивные принципы эвфемии в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. [Porohnickaya, L. V. (2004). Kul'turologicheskie i kognitivnye principy evfemii v sovremennom anglijskom yazyk (Cultural and cognitive principles): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Franklyn J.* The Cockney. A survey of London life and language. London, 1953.

УДК 811.111

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_153

И. К. Сескутова

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры стилистики английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
Seskutova@bk.ru

МУЗЫКАЛЬНАЯ РИТОРИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть понятие «музыкальная риторика» как инструмент формирования смысла художественного текста. Автором выдвигается гипотеза, что изучение нетривиальных сочетаний вербального и музыкального в рамках текста открывает новые возможности для изучения эмоционально-экспрессивного воздействия в рамках коммуникации. Делается вывод о перспективности изучения музыкального модуса или ансамбля ассоциаций, активированных в сознании субъекта посредством языка, музыки, памяти, чтения, эмоций в общеязыковом и стилистическом плане.

Ключевые слова: музыкальная риторика; музыкально-риторические фигуры; модус; мультимодальность; художественный дискурс.

I. K. Seskutova

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of English Stylistics
Faculty of English
Moscow State Linguistic University
Seskutova@bk.ru

MUSICAL RHETORIC AS A TOOL FOR TEXT INTERPRETATION

The author expresses a viewpoint on the concept of musical rhetoric as a tool for forming the meaning of a literary text. It is hypothesized that the study of non-trivial verbal and musical forms of meaning making within the text opens up new opportunities for the study of emotional and expressive impact of communication. Further on it is argued that the study of the musical mode or ensemble of associations, activated in the consciousness of a person through language, music, memory, reading or emotions looks promising enough from both the general linguistic and stylistic perspectives.

Key words: musical rhetoric; musical and rhetorical figures; mode; multimodality; literary discourse.

Кто может проникнуть в тайну сочинения музыки? – говорил Дебюсси. – Шум моря, изгиб какой-то линии горизонта, ветер в листве, крик птицы откладывают в нас разнообразные впечатления.

И вдруг, ни в малейшей степени не спрашивая нашего согласия, одно из этих воспоминаний изливается из нас и выражается языком музыки

Клод Дебюсси

Введение

В данной статье мы попытаемся рассмотреть музыкальную риторику как инструмент формирования смысла художественного текста, а также продемонстрировать перспективность применения подобного подхода к коммуникативному пространству художественной прозы.

С позиций собственно лингвостилистических постановка вопроса о важности рассмотрения музыкальной риторики как инструмента более глубокого проникновения в смысл текста представляется интересной и вполне уместной – тем более что прагматика музыкально «обремененного» высказывания в английском языке является областью малоизученной, но релевантной задачам изучения эмоционально-экспрессивного воздействия в рамках языковой коммуникации.

Отметим, что данная статья ни в коей мере не предполагает исчерпывающее описание использования музыкально-риторических фигур в пространстве художественного дискурса. Цель настоящего анализа – в попытке привлечь внимание заинтересованной аудитории к отдельным музыкально маркированным высказываниям в художественном тексте и показать перспективность их дальнейшего изучения для более глубокого проникновения в процессы формирования смысла в общеязыковом и стилистическом плане.

Музыкальная риторика как часть проблематики соотношения музыки и языка

Сегодня исследователи, лингвисты всё больше и больше обращают свои взгляды в сторону изучения языковой коммуникации в рамках более крупных, чем предложение, языковых единств. Художественный дискурс как многомерное коммуникативное пространство исторически всегда находился в центре внимания исследователей. Творческий интерес, по-видимому, подпитывала онтологически

присущая художественным текстам стилистически маркированная, суперлинейная форма организации подачи материала, материализуемая в их языковом оформлении.

Развивая существующие научные концепции смыслоформирования художественного дискурса, любопытно обратиться к мало исследованным аспектам музыкального «обременения» высказываний в английском языке, которые, однако, релевантны задачам изучения эмоционально-экспрессивного воздействия в рамках языковой коммуникации.

Интересно, что «риторический» аспект как часть более широкой проблематики соотношения музыки и языка, или звука и слова стал занимать умы теоретиков музыки с XVI века. Известно, что композиторы, музыканты того времени рассматривали классическую риторику как родственный вид деятельности, как образец, на который они «равнялись в своем творчестве, воспринимая риторические принципы и правила как свои» [Захарова 1983, с. 4].

Таким образом, уже «с XVII века утверждалось понимание музыки как выразительного языка, способного передавать самые различные чувства и представления» [Носина 2008, с. 5]. С течением времени, за выразительными музыкальными фразами для выражения аффекта или понятия закреплялись устойчивые семантические значения. Система музыкальных приемов, опирающаяся на риторику, получила название музыкальной риторики, а устоявшиеся звуковые комплексы стали называться музыкально-риторическими фигурами (<http://www.music-dic.ru/html-music-keld/r/5682.html>).

Наиболее ярко эти тенденции проявились в музыкальной теории барокко, прежде всего немецкой школе, которая видела в музыкальной риторике инструмент, своеобразный ключ к прочтению заложенного в музыке духовного, образного и эстетического содержания. Анализируя внутренний смысловой мир музыки И. С. Баха, искусствовед В. Б. Носина делает акцент на важности изучения «устойчивых мелодических оборотов – интонаций, выражающих определенные понятия, эмоции, идеи» [Носина 2008, с. 5], которые лежат в основе музыкального языка великого немецкого композитора. Похожие мысли можно найти в работах Альберта Швейцера, замечательного исследователя музыкального языка И. С. Баха. Именно ему принадлежат слова об уникальности, ассоциативности и сложной иерархичности

видения немецкого композитора, что, безусловно, нашло отражение в музыкальных произведениях И. С. Баха: «Кто знаком с языком композитора и знает, какие образы он выражает определенным сочетанием звуков, тот услышит в пьесе мысли, которые непосвященный не обнаружит, несмотря на то, что эти образы заключены в ней» [Швейцер 2002, с. 331].

С точки зрения понимания и интерпретации смысла музыкального произведения важно подчеркнуть, что всякое явление действительности имело свой скрытый смысл, а задача музыканта состояла в раскрытии этого смысла. Поскольку язык музыкальный – это преимущественно язык символов, важное внимание уделялось разработанности музыкального языка, что и выливалось в закономерности повторения отчетливых формул.

Таким образом, несмотря на то что представители и других европейских школ и направлений использовали в своих произведениях музыкально-риторические обороты, прежде всего представители итальянской школы, которая имела приоритет в практической разработке музыкально-риторических приемов, а также английской, французской, чешской и русской, язык музыкальных шедевров И. С. Баха явился обобщением музыкальной символики, а «звуковые музыкальные явления, складывающиеся столетиями, превратились у Баха в организационные структуры, несущие определенный смысл, в символы» [Носина 2008, с. 7].

Термины, как известно, должны быть точными, а их употребление должно быть грамотным. Показательно, что само понятие «фигура» может передавать различные образные представления. Например, среди возможных значений есть «изображение, очертание, образ, оборот речи, стилистический прием, усиливающий выразительность речи, фигура умолчания» (<https://slovar.cc/rus/ushakov/464433.html>).

О важности и детальности закрепления за музыкальными оборотами устойчивых семантических значений для выражения определенного аффекта или понятия свидетельствует, прежде всего, кодификация музыкальной теорией XVII–XVIII веков музыкально-риторических фигур по аналогии с риторическими фигурами и тропами. Данное явление отмечено экспертами «Большой российской энциклопедии», которые фиксируют более восьми десятков музыкально-риторических фигур (<https://bigenc.ru/music/text/3510850>).

Эксперты «Большой российской энциклопедии» отмечают, что музыкально-риторические фигуры могут передавать характер и направление движения (например, *anabasis* – *восхождение*, *catabasis* – *нисхождение*, *fuga* – *бег*, *tirata* – *стрела*), также используются музыкантами как средство подражания человеческой речи (например, *interrogatio* – *вопрос* (восходящая секунда), *exclamatio* – *восклицание* (восходящая секста)). Для передачи аффекта, например, вздоха или страдания, используются выразительные фигуры *suspirato* и хроматический ход *passus durisculus* соответственно. Пауза (фигура *aposiopesis* – *умолчание*) передает чувство страха (<https://bigenc.ru/music/text/3510850>).

Таким образом, «стремление заставить музыку экспрессивно говорить само становилось стимулом для особенно интенсивного использования фигур» [Захарова 1983, с. 28]. Одновременно устойчивая семантика музыкальных оборотов значительно обогатила и расширила теорию музыки, позволив композиторам обратить внимание на ведущую роль этих стилистически маркированных средств в концепции музыкального произведения. «Музыкальные фигуры как экспрессивные приемы с закрепившимся за ними определенным семантическим наполнением стали главным строительным материалом, из которого складывалось произведение» [там же, с. 43].

Как известно, с течением времени акцент музыкальной риторики начинает смещаться к принципам композиции произведения. Вместе с тем для нас важно подчеркнуть, что одновременно много внимания уделяется вопросам связи музыки и языка, мелодии и слова.

Художественное слово, ритмический звук, дифференциация тонов и интонаций издавна считались ключевым элементом искусства с оживляющим и даже гипнотизирующим воздействием. Музыка, мелодии в этом ключе всегда отводилась особая роль. «Мелодия – это тайна, раскрыть которую не так-то просто. В ней живет скрытая, но могущественная сила, которая воздействует непостижимым образом» [Бальтазар, Барт, Кюнг 2006, с. 17].

Мелодия, как некий флюид, связывает звуки в целостное единство и придает им тем самым новый, совершенно особый характер и смысл. Тем самым музыку, мелодический рисунок, ритмическое оформление слова можно рассматривать как закодированную информацию, в своей завершенности представляющую собой символ, эмблематическое олицетворение переживания, знак эмоционального воздействия.

Соответственно внутреннее течение мелодии представляет собой осмысленную взаимосвязь, которая символизирует экспликацию содержания высказывания, основываясь не только на языковой компетенции субъекта, но и с учетом прагматики текста, когнитивных, структурно-композиционных, социально-культурных факторов.

Таким образом, раскрывая семантику музыкально-риторических фигур, изучая уникальность данного объекта исследования, выражающуюся в эстетическом характере отражения действительности, можно получить «ключ» к образному и смысловому содержанию произведений искусства, причем не только музыкальных, но и произведений художественной прозы.

Мультимодальность языковой коммуникации

С позиций собственно лингвистических, передача и восприятие информации в современном мире, как известно, происходят посредством различных информационных систем и каналов, способных порождать значения и одновременно взаимодействовать друг с другом.

Поскольку языковая коммуникация не сводится к какой-то одной знаковой системе, а представляет собой форму конфигурации и взаимодействия знаков, мономодальный подход к языку, при котором традиционно уделялось внимание сугубо вербальным аспектам коммуникации, меняется на более сложный и интегрированный вариант подачи информации.

Так как информацию о мире мы получаем через различные каналы восприятия, в основном через глаза, уши и ощущения, эти сенсорные каналы и есть наши модальности (возможности), т. е. визуальная, аудиальная и кинестетическая. У каждого человека какой-то из сенсорных каналов развит лучше, поэтому естественно предположить, что, воспринимая действительность, индивид больше доверяет конкретному каналу, через него сверяет достоверность любой информации.

Соответственно, можно заключить, что процессы создания и интерпретации значений основываются на комплексном взаимодействии различных знаковых систем, или мультимодальностей, делая языковую коммуникацию по своей природе мультимодальной, неразрывно связанной с типом мышления субъекта и репрезентативной системой, посредством которой информация, поступающая из внешнего мира, воспринимается, перерабатывается и утилизируется. Г. Кресс,

развивая идеи М. Халлидея, выделяет обонятельную, осязательную, вкусовую, зрительную и слуховую типы модальности [Kress 2009].

Схожую трактовку мультимодальности находим у А. А. Кибрика: «Термин *мультимодальный* опирается на понимание, принятое в психологии, нейрофизиологии и информатике, где модальность – это тип внешнего стимула, воспринимаемого одним из чувств человека, в первую очередь зрением и слухом» [Кибрик 2010, с. 135].

В когнитивной лингвистике термин «модальность» также определяется как один из кодов информации, включенный в современные тексты из знаков разной природы. Несмотря на разные подходы и попытки систематизации современных мультимодальных (полимодальных), поликодовых, гибридных текстов, считаем необходимым подчеркнуть, что многообразие текстов из знаков разной природы – иконических, иллюстрированных монокодовых, поликодовых, этнических – признается многими исследователями чертой нашего времени, а причиной активизации данной тенденции называется мировоззрение социума [Лихачев 2018].

Рассмотрение модальности как явления социокультурно-специфического, предполагающего некую предопределенность передачи и интерпретации информации в обществе перекликается с теоретическими основаниями социальной семиотики, которая, разделяя идеи *прагматики* и *социолингвистики*, рассматривает знаки как ресурсы, используемые в процессе социальнообусловленного смыслообразования [Thibault 1991].

Различные «каналы» смыслообразования, известные в научной литературе как семиотические системы, включают в себя визуальные, вербальные, письменные, невербальные и музыкальные способы *коммуникации*, а также различные «мультимодальные» ансамбли из этих систем [Kress 2010].

Музыкальная коммуникация, как мы уже знаем, – это не только музыка в чистом виде, а сложноорганизованная и целостная система, обеспечивающей циркулирование неоднородной (слуховой, визуальной, тактильной и иной) информации во временном пространстве, охватываемом музыкальной культурой общества, а также психологией музыкального восприятия [Мальцева 2019]. Иными словами, речь может идти об ансамбле ассоциаций, переживаний, активированных в сознании субъекта посредством языка, музыки, памяти, чтения, эмоций.

Таким образом, учитывая растущую важность не только визуальных, но и звуковых образов в современном мире, любопытно проанализировать, как общение в различных семиотических режимах – нетривиальные сочетания вербального и музыкального в рамках целого текста – объединяя наши сенсорные способности, открывает новые возможности для более глубокого изучения процессов формирования смысла в художественном дискурсе.

Соответственно, мультимодальная и социальная семиотическая точка зрения может быть воспринята как иллюстрация, которая соединяет наши сенсорные способности вместе, открывая новые возможности для реализации репрезентативной и эстетической функции языка в англоязычной художественной прозе.

Анализ текстового материала

Для иллюстрации вышеприведенных теоретических положений мы выбрали современный англоязычный короткий рассказ британской журналистки Мэри Маккласки (Mary McCluskey), пишущей художественную литературу в безмятежном средневековом городке Уорик (Warwick). Рассказы Мэри Маккласки широко публиковались в литературных журналах США, Великобритании, Австралии и Гонконга, были прочитаны на BBC «Radio 4» и опубликованы в ряде антологий, в том числе в издании «Oxford University Press».

Before / After

In an instant, a life can divide into Before and After. A phone call, a news flash can do it. Invariably, something remains as a reminder. For Joseph, a colleague at Chloe's office, it is Bach playing on the stereo before the screech of brakes, the crunch of metal, an ambulance, the hospital.

I hear Bach now and think: oh, yes, I used to love that. Before. In my other life.

For Chloe's sister, Anna, it is a body shampoo. She told Chloe how the shower was hot and steam clouded the glass. She stood in the warm fog, then sniffed the fresh, pine scent of the new Badedas body shampoo. That clean scent of mountains and good health. Just seconds later, her fingers, tentative, pressed back and forth, smoothing the skin as her brain bristled indignantly. It can't be! But it is, yes, it is. I think it is. A lump.

And after – doctors' visits, surgery, chemo, hair loss, pain.

Chloe will be reminded of these conversations in four minutes. Right now she chooses a pretty china cup, Staffordshire, patterned with red roses. She pokes the tea bag with a spoon while she pours in the boiling water and then decides to start the laundry while the tea steeps. Dan's shirts are already loaded in the washer but she pulls them out anyway, to shake them. She is nervous that a stray ballpoint might lie forgotten in a pocket, leave a Caspian Sea of navy ink never to be bleached away. As she shakes the shirt, something flies out, floats up like confetti to land on the lid of the dryer. She studies, frowning, a pair of ticket stubs for a New York City theatre.

She is puzzled at first. Then remembers, of course, the business conference in New York City. Seven days had stretched to ten; Dan had been exhausted when he came home, complaining about the demands of clients, the tedious conversation of his colleagues. Chloe studies these tickets with a sense of unreality, as if she is watching herself on a movie set, frowning for the camera. But her mind is seething with questions. Dan had not told her of this theatre visit. Off-Broadway does not seem appropriate, somehow. Hedda Gabler is an odd choice for an evening with a client. Or a colleague.

With cold clarity, Chloe sees that these stubs will lead to questions that she does not want to ask, but must ask. That will lead to answers she does not want to hear. Later, a Decree Absolute, loneliness.

Chloe knows as she stirs her tea, stirs what is now gungy, tarry soup, that she is already in the after. She throws the tea away, gets a fresh teabag, starts over. The tea, though freshly brewed, still tastes thick and stale.

She understands now, that she has moved in space, slid towards some other life. She has crossed that invisible but solid line. Lipton's Orange Pekoe has joined Bach's St. Matthew's Passion and Badedas with Original Scent, to be forever in the before. And there is no going back.

(Mary Mccluskey. Before / After)

Это мастерски написанный, пронизательный, мощный короткий рассказ о том, что в одно мгновение жизнь может разделиться на «до» и «после». Телефонный звонок, скрежет тормозов или визиты к врачу, операция, химиотерапия, боль – всё это может непоправимо изменить жизнь.

Молодая женщина, по имени Хлоя (Chloe), – главный персонаж повествования – поставлена в непростую жизненную ситуацию. Жизнь «до»: счастливая семья, любовь, поездки, отпуск. И «после»:

горечь от измены мужа, бессилие и боль. Где логика судьбы? Зачем любимый человек разрушил счастье и превратил в руины домашний очаг? Вопросов много, а ответов – нет.

Музыкальные (звуковые) образы (*it is Bach playing on the stereo before the screech of brakes, the crunch of metal, an ambulance, the hospital; I hear Bach now and think: oh, yes, I used to love that. Before. In my other life*) являются ведущими в создании художественного образа главного персонажа.

Концентрация внимания Хлои на музыке Баха превращается в символы внутреннего разлада в душе, боли, одиночества: *She studies, frowning; She is puzzled at first; With cold clarity; Off-Broadway does not seem appropriate, somehow; Chloe sees that these stubs will lead to questions that she does not want to ask, but must ask; she has moved in space, slid towards some other life; forever in the before; And there is no going back.*

Симптоматично, что обращение к музыке И. С. Баха мы находим в начале рассказа и в самом конце повествования:

She has crossed that invisible but solid line. Lipton's Orange Pekoe has joined Bach's St. Matthew's Passion and Badedas with Original Scent, to be forever in the before. And there is no going back.

Индексальный способ характеристики внутренних переживаний главного персонажа рассказа посредством метонимического употребления имени великого немецкого композитора в начале и в конце рассказа участвует в создании средств когезии в тексте и создает связанное повествование. Мы склонны полагать, что индексальность выполняет основную структурирующую функцию в рассказе, расширяя его смысловую нагрузку.

Выбор музыкальной (сенсорной) составляющей глубоко символичен.

Страсти по Матфею («Bach's St. Matthew's Passion») – крупнейшее и самое значительное из дошедших до нас творений великого Баха. Оно состоит из хоровых, сольных и речитативных номеров, впитавших в себя музыкально-этическое толкование образности и сюжетики христианской мифологии [Комарова 2000]. Страсти открываются величественным хоровым порталом «Придите, дочери, помогите мне плакать». Глубоко выразительная ария альта «Покаяние и раскаяние» проникнута мотивами вздоха (нисходящие секунды). Близка ей по

характеру ария сопрано «Истекай кровью, мое сердце». Постепенно нагнетается ощущение надвигающейся беды. В речитативе Иисуса «Душа моя скорбит смертельно» передано томление души, ужас, трепет, предчувствие мук. Музыкально-риторические фигуры, организующие музыкальный язык величественной музыки Баха, наполняются духовным смыслом, превращаются в символы для выражения философских и морально-этических идей.

Порядок следования образов в анализируемом коротком рассказе (от простого *I hear Bach now* к более сложному, детализированному *Bach's St. Matthew's Passion*) отражает временной план переживаний главного персонажа рассказа и может быть рассмотрен как диаграмматическая иконичность.

Более того, иносказательность иконичности повествования реализует структурирующую функцию, создает перспекцию, предвосхищает развитие событий, формирует трагические читательские ожидания, непередаваемые монокодовым построением текста.

Стилистически значимое выдвигание музыкального модуса в контексте анализируемого короткого рассказа, интонационный строй баховского хора, тесное взаимодействие слова и звука углубляют силу интонаций, наполняют текст удивительной психологической правдивостью, передают чувство одиночества и тоску покинутого всеми человека.

Из краткого анализа текстового материала, очевидно, что композиция и содержание рассказа сложны и многослойны. Смысловые связи глубоки и разнообразны. Они образуют единую живую ткань повествования, в которой читатель (слушатель) открывает близкие для себя спектры значений. Проникновение музыкального модуса в содержательные пласты текста позволяет достичь большего эмоционального и интеллектуального наполнения художественного произведения. Цельность смысла раскрывается через музыкальную символику, а нюансы смысловых связей между элементами языка, дополняя и углубляя друг друга, образуют многослойный культурный контекст.

Заключение

В результате анализа мы пришли к умозаключениям, подтверждающим нашу гипотезу о перспективности изучения музыкальной риторики как инструмента формирования смысла художественного

текста. Устойчивые семантические значения, закрепленные за музыкальными оборотами для выражения определенного аффекта или понятия по аналогии с классическим ораторским искусством, могут рассматриваться как ключ к прочтению заложенного в музыке образного и эстетического содержания. Музыкальные фигуры как экспрессивные приемы с закрепившимся за ними определенным семантическим наполнением могут выступать «главным строительным материалом», из которого складывается содержательный план художественного произведения. Изучение музыкального модуса, или ансамбля ассоциаций, переживаний, активированных в сознании субъекта посредством языка, музыки, памяти, чтения, эмоций открывает новые возможности для более глубокого изучения процессов формирования смысла в художественном дискурсе в общезыковом и стилистическом плане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бальтазар Г. У. фон, Барт К., Кюнг Г.* Богословие и музыка. Три речи о Моцарте / пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея. 2006. [Bal'tazar, G. U. fon, Bart, K., Kyung, G. (2006). Bogoslovie i muzyka. Tri rechi o Mocarte (Theology and Music. Three speeches about Mozart). Moscow: Biblejsko-bogoslovskij institut sv. apostola Andreyana. (In Russ.)].
- Захарова О. И.* Риторика и западноевропейская музыка XVII – первой половины XVIII века: вопросы истории, теории, методики. М. : Музыка. 1983. [Zaharova, O. I. (1983). Ritorika i zapadnoevropejskaya muzyka XVII – pervoj poloviny XVIII veka: voprosy istorii, teorii, metodiki (Rhetoric and Western European music of the 17th – first half of the 18th century: questions of history, theory, methodology). Moscow: Muzyka. (In Russ.)].
- Кибрик А. А.* Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования: сборник научных трудов. Вып. 4 / отв. ред. Ю. И. Александров, В. Д. Соловьев. М. : Ин-т психологии РАН, 2010. С. 134–152. [Kibrik, A. A. (2010). Multimodalnaya lingvistika (Multimodal Linguistics). Cognitive studies, 4, 134–152. Moscow: Institut psikhologii RAN. (In Russ.)].
- Комарова Е. Э.* Архитектоника и символика «Страстей по Иоанну» Баха // Вестник Омского университета. 2000. № 3. С. 75–79. [Komarova, E. (2000). Arhitektonika i simbolika «Strastej po Ioannu» Baha («The Agonies According to John» by Bach). Herald of Omsk University, 3, 75–79. (In Russ.)]. URL: komarova-e-eh-arhitektonika-i-simvolika-strastej-po-ioannu-baha-vestnik-omskogo-universiteta-2000-3-s-75-79 (дата обращения: 27.05.2021).

- Лихачев С. В.* Коммуникативные аспекты функционирования гибридных текстов // Коммуникативные исследования. 2018. № 3 (17). С. 47–65. [Lihachev, S. V. (2018). Kommunikativnye aspekty funkcionirovaniya gibridnyh tekstov (Communicative aspects of the functioning of hybrid texts). Kommunikativnye issledovaniya, 3 (17), 47–65. (In Russ.)].
- Мальцева А. А.* Арнольд Шеринг и музыкальная риторика эпохи ,арокко // Вестник музыкальной науки. 2019. № 1 (23). С. 13–19. [Maltseva, A. A. (2019). Arnol'd Shering i muzykal'naja ritorika jepohi Barokko (The Doctrine of Musical-Rhetorical Figures Shering A.). Bulletin of Musical Science, 1 (23), 13–19. (In Russ.)]. URL: malceva-a-a-arnold-shering-i-muzykalnaya-ritorika-ehpohi-barokko-vestnik-muzykalnoj-nauki-2019-1-23-s-13-19 (дата обращения: 25.05.2021).
- Носина В. Б.* Символика музыки И. С. Баха. М. : Классика – XXI. 2008. [Nosina, V. B. (2008). Simvolika muzyki I.S.Baha (The symbolism of J. S. Bach's music). Moscow: Klassika – XXI. (In Russ.)].
- Швейцер А.* Иоганн Себастьян Бах. М.: Классика – XXI. 2002. [Shvejcer, A. (2002). Iogann Sebast'yan Bah. Moscow: Klassika – XXI. (In Russ.)].
- Kress G.* What Is Mode? // A Handbook of Multimodal Analysis / ed. by C. Jewitt. L. ; N. Y.: Routledge, 2009. P. 54–67.
- Kress G.* Multimodality. A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. Routledge. London and New York. 2010.
- Thibault P. J.* Social Semiotics as Praxis: Text, Social Meaning Making, and Nabokov's Ada. University of Minnesota Press. Vol. 74. 1991.

УДК 81.42

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_166

Н. Д. Токарева

кандидат филологических наук, профессор
профессор кафедры стилистики английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
tata2535@gmail.com

МАНИПУЛЯТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В РЕДАКЦИОННЫХ СТАТЬЯХ БРИТАНСКОЙ ГАЗЕТЫ «THE DAILY MAIL»

В статье рассматриваются когнитивно-прагматические подходы к манипулятивному воздействию на сознание читателя. Материалом послужила редакционная статья консервативной британской газеты «The Daily Mail» от 31 января 2020 года (выход Великобритании из Евросоюза). Цель манипуляции состояла в оптимистическом описании перспектив страны и критике идеологических оппонентов. Анализ выявил такие стратегии манипуляции как широкое использование стилистических приемов, сокрытие ряда фактов и преувеличение важности других.

Ключевые слова: когнитивный; прагматический; манипуляция; манипулятивный; идеология; стилистические приемы; язык СМИ.

N. D. Tokareva

PhD (Philology), Professor
Professor of the Department of English Stylistics
Faculty of the English Language
Moscow State Linguistic University
tata2535@gmail.com

MANIPULATIVE USE OF STYLISTIC MEANS IN EDITORIAL ARTICLES OF THE DAILY MAIL (UK)

The article considers cognitive and pragmatic approaches which are used with the purpose of influencing the reader's consciousness by applying different manipulative strategies. The material for the research was the Comment in the British newspaper "The Daily Mail" of January 31, 2020 when Great Britain left the European Union. The aim of using manipulation consisted in describing the bright future of the country and criticism of those who disagreed with the newspaper's stand. The analysis revealed such manipulation strategies as the widespread use of stylistic devices, hiding a number of facts and exaggerating the importance of others.

Key words: cognitive; pragmatic; manipulation; manipulative; ideology; stylistic devices; mass media language.

Основание выбора темы статьи

Газета, и прежде всего редакционная статья в газете, является тем каналом общения с читательской аудиторией, которая формирует мнение получателя информации по разным поводам. Именно редакционная статья является концентрированным выражением интенции данного издания о каком-либо событии. Задача редакционной статьи – сформировать у читателя определенное отношение к обсуждаемому событию или явлению. Британская газета «The Daily Mail», основанная в 1896 году, является одним из самых популярных изданий. Это – газета убежденно консервативная по своей идеологии, которая пользуется большим спросом особенно у женской читательской аудитории (до 55% читателей). Газету неоднократно обвиняли в недостоверности приводимых фактов, в стремлении к сенсационности в представлении событий, а также в нарушении авторского права, но это, видимо, не влияет на ее популярность, она многократно награждалась титулом «Национальная газета года». В мае 2020 года эта газета была признана как имеющая самую широкую читательскую аудиторию. Именно это соображение определило выбор газеты и ее редакционную статью как формирующую взгляды преобладающего числа населения Великобритании.

Манипулирование сознанием читателей давно привлекает к себе внимание исследователей. Этот способ воздействия на сознание людей включает не только различные языковые средства, способы подачи информации и оценки, но также и вопросы политического, социологического и, конечно, психологического порядка, т. е. невозможно исследовать газетный дискурс, направленный на манипулирование читателя без привлечения других наук. Междисциплинарность подхода к исследованию способов манипулирования, безусловно, лежит в основе анализа этого воздействия на читателя.

Британская пресса о манипуляции в современных источниках информации в Великобритании

Британская пресса в лице целого ряда журналистов и ученых выражают обеспокоенность манипуляцией общественным сознанием, что, по их мнению, является серьезной угрозой общественной

жизни. Распространение недостоверных новостей и дезинформация, по мнению издания, подрывает веру в средства массовой информации и общественные институты. По докладу Оксфордского института Интернета эта проблема становится всё более угрожающей. Широко используются так называемые автоматизированные боты (bot accounts) – идеологически распространяющие сообщения в Интернете в интересах какой-либо партии (pro-party messages). Профессор Фил Хауард утверждает, что на кампании, направленные на манипуляцию общественного мнения, тратятся десятки миллионов долларов [Howard 2020]. Создана целая отрасль лживой пропаганды, что стало отдельным направлением бизнеса. В своей статье в 2019 году Эд Джонс приводит причины, по которым свободная пресса отсутствует в Соединенном Королевстве¹. Среди них – поддержка изданий рекламой, что составляет более чем 50% дохода газеты. Реклама поступает главным образом от корпораций и хорошо оплачивается. Как следствие, доминирование корпоративных интересов при выборе и трактовке тем, поднимаемых в газете, что является важнейшим рычагом, определяющим направленность газеты. В другом исследовании Нил Гэвин говорит не только о той информации, которая предоставляется читателю, но также и о том, как эта информация препарируется [Gavin 2003].

Так, известно, что выплаты пособий иммигрантам являются чрезвычайно болезненным вопросом для британской общественности. На протяжении ряда лет прослеживаются антииммиграционные настроения. Автор статьи приводит набор стилистических средств, которые возбуждают антииммигрантские настроения. При употреблении синонимических рядов прилагательных используется прием нарастания: *swarming, rocketing, stampeding, swamping to crisis point*, что должно свидетельствовать о громадных числах иммигрантов в стране. Приводится также целый ряд синонимически близких существительных, таких как: *invasion waves, floods of immigrants, swarms of immigrants*, что вряд ли способно создавать дружественную атмосферу по отношению к иммигрантам, а также устойчивые словосочетания *saints and*

¹ Jones Ed. Five Reasons why we don't have free and independent press in the UK and what we can do about it // Open Democracy. April, 18. 2019. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/opendemocracyuk/five-reasons-why-we-dont-have-free-and-independent-press-in-uk-and-what-we-can-do-about> (дата обращения 20.03.2021).

scroungers, skivers and strivers, которые прочно входят в обиход газетных публикаций. Финансовые проблемы, стоящие перед британским правительством, представляются исключительно как следствие мошенничества иммигрантов при получении пособий. Необоснованно увеличивается число иммигрантов по сравнению с реальными цифрами, а в связи с эпидемией коронавируса эти цифры вообще значительно упали из-за закрытия многих предприятий и учреждений. Для манипуляции мнением британского населения характерно использование негативно окрашенных лексических единиц, таких как *fraud* и производных от этого существительного *fraudulent, to claim benefits fraudulently, falsely claim benefits*, что входит в тот же синонимический ряд. В другом издании Эд Джонс пишет о противостоянии журналистики и могущественных владельцев печатных изданий. Повторяя тезис о доминировании рекламы, оплачиваемой корпорациями, он также останавливается на чрезвычайно важном обстоятельстве в сфере журналистики, связанном с характером образования ведущих фигур в печатных изданиях. Преобладающее большинство работающих в сфере массовой информации, в частности в газетах, получали образование в частных школах и в университетах Оксфорда и Кембриджа, что составляет 1% населения Соединенного Королевства. Как следствие этого фактора – преобладание в публицистике мировоззрения, свойственного верхушке среднего класса. Журналисты привыкли думать о социальных проблемах «в пределах своего уютного обиталища»: *there is a group-think, a fear of thinking outside a comfortable box*¹. Еще одним важным обстоятельством, характеризующим британскую прессу, является искаженное, пристрастное представление событий. Как примеры приводятся референдум в Шотландии и Вторая война в Ираке.

Роль психологии в манипулятивных процессах

Средства массовой информации, включая газеты, привлекали к себе внимание психологов на протяжении длительного времени. Еще в 1949 году американский психолог Ласвелл предложил рассматривать

¹ Jones Ed. Five reasons why we don't have free and independent press in the UK and what we can do about it // Open Democracy. April, 18. 2019. С. 2. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/opendemocracyuk/five-reasons-why-we-dont-have-free-and-independent-press-in-uk-and-what-we-can-do-about> (дата обращения 20.03.2021).

коммуникацию как линейную модель, которая состоит из источника информации, самого сообщения, адресата и воздействия на адресата [Laswell 1948]. Он считал, что стратегии и намерение источника предлагаемой информации могут определенным образом воздействовать на целевую аудиторию. Уже тогда было установлено, что СМИ способны манипулировать общественным мнением, т.е. воздействовать на их восприятие информации и таким образом влиять на поведение людей, исходя из сложившегося образа мышления. Манипуляция происходит через воздействие на психику человека. Целью манипуляции является не просто изменить поведение человека, а установить некоторый контроль над ним, когда его намерения, цели, к которым он стремится, если не прямо диктуются, то направляются путем использования различных стратегий в русло, необходимое для пропаганды своих идей определенной социальной группой. А. Н. Леонтьев отмечает, что «недостаточная информированность реципиента информации, а также отсутствие у него возможности проверить истинность сообщения и неспособность к критическому осознанию действительности значительно способствуют восприятию искаженного отражения действительных событий» [Леонтьев 1975, с. 31].

Манипулирование часто сравнивают с недостоверной, «мусорной» информацией. Однако сведение воедино этих двух трактовок вряд ли правомерно. То, что для некоторых читателей является ненужной, или «мусорной», информацией, для других представляет собой такие дискурсы, которые принимаются как необходимые, важные, так как такие читатели придерживаются газет, препарирующих информацию в том идеологическом ключе, который им близок. При всем этом остаются одинаковыми основные подходы к так называемой мусорной информации и к дискурсам, содержащим манипулирование. А именно – высокопрофессиональный подход к способам представления информации, использование большого набора стилистических приемов, часто непроверенные источники информации, предвзятость в освещении событий и их трактовке, а также маскировка под издания, заслуживающие определенного доверия. Рассматривая психолингвистическую модель, используемую при воздействии газетного текста на читателя, А. Н. Леонтьев указывает, что главный способ воздействия состоит в изменении отношения реципиента к различным событиям, что он называет «воздействие через убеждение». Он утверждает, что «речевое воздействие имеет статус психологического воздействия»

[там же]. Реципиент имеет дело с действительностью через посредство смыслового поля. Речевое воздействие в психолингвистическом плане состоит в том, что газета кодирует желаемые изменения в смысловом поле читателя. Эта кодированная информация является глубокой, и ее цель – изменение во взглядах читателя или же дальнейшее утверждение в его позиции тех взглядов, которые у него уже существуют. А. А. Леонтьев подчеркивает, что существует общий психологический закон: каков главный мотив деятельности, таков и тот личностный смысл, который приобретают для человека его действия, реализуемые данную деятельность, их цели и условия. «Почву, необходимую для эффективного внесения в сознание человека определенных идей, определенного мировоззрения составляет... бытие, реальная деятельность человека, взятая не только объективно, но и субъективно, т. е. со стороны ее мотивации» [Леонтьев 2008, с. 14]. За газетным дискурсом, который обеспечивает через язык доступ к работе сознания человека стоят такие сигналы, которые Е. С. Кубрякова и Л. Е. Цурикова называют «интенциональностью дискурса». Они подчеркивают, что дискурсивный анализ – это анализ текстов, т. е. языкового употребления как социальной практики. Общим для текста и дискурса, отмечают Е. С. Кубрякова и Л. Е. Цурикова, является «декодирование неочевидных смыслов, которые поступают динамично по мере развертывания дискурса» [Кубрякова, Цурикова 2008, с. 6].

Рассматривая различные формы представления информации в газетном дискурсе с психологических позиций, А. А. Леонтьев отличает открытую и скрытую (латентную) формы, когда о событии говорят как об известном факте и рассматриваются его последствия. При этом акцент сделан не на представлении события, а на «психическом образе события, которое призвано провести определенные изменения в личности» [Леонтьев 2008, с. 16]. Очень часто происходит сознательное искажение события автором, которое реципиент не всегда может распознать, так как автор намеренно и очень часто искусно смещает события в сторону, которая дает искаженный образ события, соответствующий идеологической установке адресанта.

Политический и социальный аспекты манипулирования

Манипулирование не проявляется в открытой форме, оно всегда скрыто за некоторой несуществующей действительностью. Поскольку

газетный дискурс направлен на формирование определенных отношений к какому-либо событию, то, по словам ван Дейка, всё зависит от того, кто имеет возможность злоупотреблять ею в своих интересах. Поэтому социальный аспект манипуляции является основным. Возникает очень важный и далеко не простой вопрос, как разграничивать правомерную информацию (приемлемую) и искаженную информацию (неприемлемую), не говоря уже о том, что читатели по-разному склонны к восприятию манипуляции. Таким образом, газеты, имеющие политические и социальные рычаги, используют газетный дискурс как инструмент манипуляции. В результате передачи через газетный дискурс позиций облеченных властью структур создается социальное неравенство среди различных слоев населения. Манипулятивный дискурс, по замечанию ван Дейка, основывается на восприятии информации краткосрочной памятью при использовании определенных лексических единиц, словосочетаний и различных других приемов, составляющих некоторые стратегии представления информации. Однако целый ряд стратегий исходят из привлечения долгосрочной памяти, что включает устоявшиеся отношения к событиям и формирует идеологию. В долгосрочную память включаются более сложные модели, включающие также личное мнение и представление об окружающем мире [Dijk 2006]. Манипулятивные стратегии, действуя на краткосрочную память, одновременно проецируют долгосрочную память. Во всех этих процессах активно вовлечены когнитивные процессы, которые являются основой для восприятия предлагаемых ментальных моделей. Манипулятивный дискурс важен прежде всего своей содержательной стороной, хотя при этом различные языковые единицы и формы, безусловно, играют важнейшую роль, так как именно при их использовании происходит процесс манипулирования. На первый план выходит идеологическая социальная направленность дискурса, несущая в себе манипулятивное содержание. Лингвистическая вариативность в представлении дискурса в большой степени соответствует различиям классового характера, социальным особенностям получателя информации. Алан Белл подчеркивает, что стиль является отражением социолингвистических особенностей дискурса [Bell 1995].

При всех условиях формирования газетный дискурс прямо связан с рядом факторов, среди них – ориентированность на «заказчика», от которого газета непосредственно зависит, и вместе с тем – желание

адаптироваться к потребителю, как социально, так и лингвистически. Многие исследователи с уверенностью говорят о невозможности представить газетный дискурс беспристрастно, т. е. объективно. Мари Нордлунд выделяет использование следующих стратегий при интерпретации событий: изложение события, поляризация внимания читателя, когда внимание читателя отвлекается на другие события, интенсификация, когда внимание привлекается к конфликту, а не к согласованным действиям [Nordlund 2003]. Помимо этого присутствуют как основные принципы манипулирования важных факторов или неполное их освещение, а также их сокрытие, которое выражается в преувеличении, преуменьшении и прямой фальсификации. Таким образом, событие может быть представлено как намеренно искаженное и несущее в себе определенную идеологическую заданность.

Анализ статьи в целях выявления манипуляции

Формулируя основные направления анализа газетного дискурса для выявления манипуляции, мы исходим из следующих параметров: отнесенность к событию, образ события в трансляции автора данного отрезка текста, сокрытие, преувеличение или преуменьшение значимости события, целевое использование стилистических средств. Мы отталкиваемся от образа события, которое несет в себе элементы оценки. Для анализа была выбрана редакционная статья из газеты «The Daily Mail» от 31 января 2020 года¹. Вся статья построена на мажорной ноте. Выход из Европейского Союза подается как важнейшее решение. Ликование по этому поводу настолько велико, что в статье нельзя найти ничего, что омрачало бы радость от свершившегося шага. Факты намеренно искажены. Как известно, событие не было однозначно воспринято всеми гражданами, принимавшими участие в голосовании, но оно излагается исключительно с положительной стороны. Весьма незначительный перевес при голосовании в статье полностью игнорируется. Положительный образ события создается, начиная с заголовка статьи: «As we take a momentous leap into history, know this: Britain thrives best when we are united». При этом отодвигаются как несущественные ре-

¹ Daily Mail Comment: As we take a momentous leap into history, know this: Britain thrives best when we are united // 2020, January 31. URL: <https://www.dailymail.co.uk › debate › article-7951063> (дата обращения 10.01.2021).

зультаты голосования по поводу Шотландии. Важным в описании события является «единство нации», что не может не подвергаться сомнению после двух референдумов. Метафорическое употребление глагола *leap* в сочетании с существительным *history* дает с самых первых слов и заголовка, и статьи оценку этого события как грандиозного исторического свершения. Характерно для воздействия на читателя использование эмоционально заряженного слова *momentous*, которое описывает событие, по мнению редакции, значительное не только само по себе, но и по тем последствиям, которые произойдут в будущем. Важно также отметить глагол *thrive*, который будто бы открывает громадные возможности для процветания. Манипуляция очевидна уже в заголовке, в котором намеренно скрываются те трудности, через которые прошла нация при голосовании. Не желая снижать важность события, автор статьи только в ее середине пишет, что многие миллионы британцев были против выхода страны из Евросоюза. Причем он не может не отметить, насколько яростным было сопротивление выходу из Евросоюза, подчеркивая это ярко окрашенным наречием *vehemently disagreed*. Однако в этом же абзаце приводятся причины несогласия такого большого числа британцев, ощущение опасности существования Великобритании, например, без защиты Брюсселя, что может быть отнесено лишь к пониманию причин сопротивления выходу из Евросоюза только этим автором. Аргумент противостояния части британцев выходу из Евросоюза предлагается рассматривать с весьма односторонней точки зрения, тогда как газета намеренно утаивает десятки других причин, приведших к расколу. Совершенно очевидна манипуляция мнением читателей путем сокрытия важных фактов. Конечно же, не «протекторат» Брюсселя был причиной этого бурного протеста, тем более что автор не поясняет, что же имеется в виду.

Одним из способов манипуляции является вступление адресанта в заочный диалог с адресатом. С явным недоброжелательством говоря о противниках выхода из Евросоюза, адресант использует существительное *upshot*, говоря о том расколе, который наблюдался в стране в результате расхождения во мнениях. Вопрос к читателю состоит из лишь этого одного слова (это – самостоятельное предложение). По словам автора статьи, сопротивление некоторых к выходу из Евросоюза привел к пагубным результатам. Используется множество стилистических средств, дающих картину полного разрушения

семейных, дружеских и других связей. *The upshot? A painfully fractured country with families, friends and communities divided – some irreparably.* Этот отрезок статьи насыщен такими приемами, как метафорическое сочетание *painfully fractured country*, использование паузы в письменном тексте, выраженной с помощью тире, и в заключение употребление наречия *irreparably*, которое усиливает приведенную выше фразу. На протяжении статьи автор прибегает неоднократно к этому приему заочного диалога, таким образом вовлекая читателя в сферу своего влияния, делая читателя своим собеседником. Задается вопрос и тут же приводится ответ. По такой же модели строятся вопросы и далее. На некоторые из них автор дает однозначно жесткие ответы, например: *Were the public cowed by the self-serving political and financial elites...? Not a bit. They wisely defied it.* Стилистически сниженный глагол *to cow* (*заныгивать, терроризировать*) показывает, что те, кто голосовал за выход из Евросоюза, оказались способными дать отпор своим противникам. Нельзя не отметить употребление антитезы в этом отрывке.

Структурно статья состоит из двух разграниченных частей – констатации выхода из Евросоюза и теми блестящими, по мнению автора, перспективами, которые открываются перед Великобританией. В первой части автор использует многочисленные метафоры и эпитеты, которые возвеличивают значимость произошедшего. Вот только некоторые из них: *a momentous leap into history, a vaulting display of courage, ambition and intent.* Фрагменты заочного диалога с читателем разбросаны по всей статье. Одним из наиболее частых приемов построения такого диалога является личное местоимение *we*: *we will – at long last! – cast off the Europe’s shackles and stride confidently out into the world; this is a welcome day for the UK – and rightly, we should celebrate our new freedom.* Следует отметить частое употребление притяжательного местоимения *our*, включающего читателя в атмосферу праздничного настроения: *our national soul, character and identity.* Поддерживая заочный диалог с читателем, автор статьи прибегает к разговорным формам нетипичным для письменного регистра, таких как в аллюзии во фразе из шекспировской «Двенадцатой ночи»: *What country, friends, is this? ‘Well, one that’s ticking along quite nicely, thank you.* В продолжение фразы: *As the clock ticks toward 11 p. m. ...we might ask...*, автор использует повтор, который предполагает успешное движение вперед. Чередуются позитивные

оценки тех, кто проголосовал за выход из Евросоюза с лексическими единицами с негативной коннотацией описывающих их противников. Причем выстраиваются цепочки эмоционально насыщенных эпитетов, таких как *fanatical Remainers should close the vile, deranged rants*, используется метафора *prophets of doom*, где автор обвиняет их в распространении слухов о грядущей экономической катастрофе страны, а также библейская аллюзия *Armageddon*. Автор не скупится на лестные отзывы о премьер-министре, наделяя его качествами, которые передаются цепочкой синонимов с положительной коннотацией: *using his positivity, charm and elan*. Привлечение разговорных словосочетаний делает диалог с читателем приближенным к реальной устной коммуникации, например: *Yes, there will be bumps on the road*. Постоянное использование местоимения *we* держит читателя включенным в диалог.

Вторая часть текста разительно отличается от первой по стилистическим приемам и сугубо положительной коннотации лексических единиц. Автор не упускает возможности усилить впечатление от будущих успехов страны на фоне плохого экономического положения Евросоюза: *stagnating Eurozone*, что не подтверждается никакой информацией. Напротив, автор голословно утверждает, что успехи Великобритании в области экономики несомненны. Так, автор пишет о значительно возросших вложениях в экономику, что обеспечит увеличение рабочих мест, при этом используется эпитет *pent-up investments*.

Поскольку вся статья построена на противопоставлении двух позиций по поводу выхода из Евросоюза, то естественно это находит отражение и в стилистических приемах, прежде всего антитезы: *Instead of the predicted 'profound and immediate' slump we've seen an unprecedented job miracle... and wages are rising*. Важно отметить мало заметные кавычки, вводящие прилагательные *profound* и *immediate*, которые возвращают читателя к первой части статьи, в которой адресант критикует сторонников продолжения пребывания в Евросоюзе. Другая антитеза – *Things are looking distinctly rosy, not gloomy*. Продолжая рисовать прекрасные перспективы, адресант использует различные стилистические приемы, говоря о безграничных возможностях для страны после выхода из Евросоюза. Среди них – метафоры, рисующие будущее: *...we can set sail on the high seas of global trade striking deals with booming economies; ...at the front line of a mammoth trade deal with the US; ...unlocking the EU chains*; эпитеты, относящиеся к Британии: *nimble*

and fleet of foot, fruitful business opportunities; limitless opportunities. Вся вторая часть статьи создает у читателя ощущения достигнутой победы. Повсеместное использование метафор, гипербол способствует интенсификации манипулятивного фокуса статьи. Заочный диалог с читателем значительно расширяется во второй части. Разговорное наречие *yes*, многократно употребленное в первой части статьи, остается важным коммуникативным звеном между газетой и читателем и во второй ее части. В предложении *Yes, that would prevent custom checks. But it would also make Britain a rule-taker.* Благодаря союзу *but* в этом предложении образуется стилистический прием антитезы. Для ведения диалога с читателем вне всяких формальных рамок адресант прибегает к употреблению лексических единиц, находящихся на грани литературной нормы. Например, обращаясь к истории, предшествующей референдуму по поводу выхода из Евросоюза, в статье упоминается бывший премьер-министр Дэвид Камерон в весьма неприглядном виде: стилистически сниженная фразеологическая единица *...to scurry home with his tail between his legs* характеризует его безуспешную попытку договориться с Евросоюзом. Безудержное восхваление возможностей страны в ее новом состоянии подчеркивается многочисленными ярко окрашенными лексическими единицами: *this great country; the world's fifth largest economy; peerless security; extraordinary military muscle; a financial powerhouse; leaders in science, technology... music, entertainment and literature; the dawn of a new era.* Следует также отметить, что, предупреждая о трудностях, с которыми придется столкнуться британцам, адресант умело использует сочетание двух простых предложений, из которых одно начинается с междометия *yes*, а следующее начинается с союза *but*, вводя таким образом утверждение, которое считается истинным: *Yes, there will be bumps on the road. But this great country has the talent and confidence to overcome them.*

В целях интенсификации манипулятивного воздействия на читателя, адресант приводит сложносочиненное предложение, в котором первая часть содержит соотносительный союз *not only*, что делает эту часть предложения эмфатически заряженной, и вторую его часть, которая начинается с союза *but*. Таким образом, и в этом предложении заложен дополнительный смысл. Используется устойчивое фразеологическое сочетание *to stand on one's feet* и стилистический прием кульминации (climax): *Not only can we stand on our own feet but we can flourish».*

Широкое использование фразеологических единиц, таких как: *make crystal clear*; идиом *creak at the seams* (о Евросоюзе), *stand shoulder-to-shoulder*; метафор *to be sucked into a Brexit black hole*, *to step out into the bright future* и многих других несет в себе определенную идеологическую установку – показать преимущества выхода из Евросоюза.

Большую роль в организации той части текста, которая должна была сыграть роль собеседника в заочном диалоге с адресатом, играют знаки препинания. Это – многочисленные тире, благодаря которым текст приобретает особый интонационный рисунок и способствует построению заочного диалога. Тире используется в эфематических предложениях: *we will – at long last – cast off the EU shackles ...*; *At long last – 1,317 drawn out days to be precise – the decision of the British people to choose independence; ...an... elitist Parliament – merely assisted by... then speaker – cynically attempted to steal the result of the referendum*. Замаскированное подчинение под простые предложения с тире имитируют ритм устной речи. В таких же целях употреблено тире в предложении: *We can take back control of our borders, deciding who does – and crucially who does not – set foot on our shores*.

Нельзя не упомянуть использование стилистического фонетического средства аллитерации с повторением согласного звука *s* при характеристике Джона Беркау (John Bercow), который был спикером в парламенте. Многочисленный повтор этого звука в сочетании с рядом существительных с негативной окраской создает крайне непривлекательный образ этой политической фигуры: *...assisted... supercilious, sabotaging, then Speaker John Bercow, cynically attempted to steal it (the result of the Referendum)*.

Заключение

Редакционная статья из британской газеты «The Daily Mail» была подвергнута анализу с точки зрения воздействия на сознание читателя и внушение ему такой точки зрения, которая соответствует идеологической направленности газеты. Были рассмотрены различные аспекты манипуляции сознанием читателя, среди них как основной был выделен подход с позиций социально-общественной, психологической и лингвистической, то есть с точки зрения выбора адресантом тех стилистических приемов, которые в соединении со структурными

особенностями построения текста могут достичь желаемого эффекта. Основой рассмотрения текста в деталях стало понимание образа события, т. е. завершение выхода из Евросоюза, которое, по мнению газеты, было важнейшим положительным событием.

Таким образом, манипуляция автором читателей статьи построена на включении адресата в заочный диалог, стремлении сформировать у него свое отношение к описываемому событию. При этом автор значительно преувеличивает важность выхода Великобритании из Евросоюза и те возможные последствия, которые будут способствовать процветанию страны. Наряду с этим, замалчиваются те негативные последствия, которые могут возникнуть в результате этого шага. Широко использованы стилистические средства, как лексические, так и синтаксические, что позволило автору статьи сделать текст эмоционально насыщенным и подчеркнуть те, по мнению автора, безусловные достоинства, которые будут следствием этого шага. Одним из значимых средств манипуляции читателем со стороны автора явилось широкое использование особенностей, характерных для устного диалога, которое выражено в использовании знаков препинания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Кубрякова Е. С., Цурикова Л. Е.* Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации. 2008. С. 183–209. Воронежский государственный университет. [Kubryakova, E. S., Czurikova, L. E. (2008). Verbal'naya deyatel'nost' SMI kak osobu'y vid diskursivnoj deyatel'nosti (Verbal activity of the media as a special type of discursive activity). Language of the media (pp. 183–209). Voronezhskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)].
- Леонтьев А. А.* Психолингвистические особенности языка СМИ // Язык средств массовой информации: учебное пособие. М. : Академический проспект : Альма Матер, 2008. С. 146–169. [Leont'ev, A. A. (2008). Psixolingvisticheskie osobennosti yazy'ka SMI (Psycholinguistic features of the language of the media: textbook). Language of the media (pp. 146–169). (In Russ.)]. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/06.htm> (дата обращения: 12.02.2021)/
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. [Leont'ev, A. N. (1975). Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. (Activity. Consciousness. Personality). Moscow: Politizdat. (In Russ.)]. URL: <http://www.psy.msu.ru/people/leontiev/dsl/index.html> (дата обращения 18.03.2021).
- Bell A.* Negotiations in a Workplace / The View from a Political Linguist / The Discussion of Negotiation: Studies of Language in the Workplace – Text

- (visual) // *The Discourse of Negotiation* /ed. by Firth A. Oxford, 1995. P. 49–58. URL: <https://app.dimensions.ai/details/publication/pub.1020655650> (дата обращения 16.02.2021).
- Dijk T. A. van.* *Discourse and Manipulation* // SAGE Publications. London, Thousand Oaks. May 2006. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Discourse-and-Manipulation-T-E-U-N-a-.-Va-N-D-I-J-K-U.NIVERSITat-POMPEUFaBR-Rc/0b2f9e04d2ea4a46af687a54350d9dfff4644eb9> (дата обращения 20.02.2021).
- Gavin Neil.* Reinforcement: From informing to ‘ignoring’ the electorate // SAGE Journals. October 1, 2003. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1111/1467-9248.00442> (дата обращения 26.03.2021).
- Howard Philip N.* *Computational Propaganda* // Oxford Internet Institute at Oxford University. 2020. URL: <https://demtech.oii.ox.ac.uk/wp-content/uploads/sites/89/2017/06/Casestudies-ExecutiveSummary.pdf> (дата обращения 26.02.2021).
- Laswell Alva B.* *Model of Communication Theory*. URL: www.communicationtheory.org/lasswells-model/ (дата обращения 20.03.2021).
- Nordlund, M.* *Linguistic Manipulation* // Lulea University of Technology. 2003. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1026715/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения 26.03.2021).

УДК 81.37

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_181

Т. И. Черемисина

кандидат филологических наук
доцент кафедры лексикологии английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
cherymisinat@gmail.com

КОМПОНЕНТНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЧИНГЛИШ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются историко-культурологические особенности процесса создания и развития пиджин языка – чинглиш в рамках англо-китайского культурно-лингвистического взаимодействия. Предпринята попытка критического осмысления ретроспективы, историографии, современного состояния и тенденций развития английского языка в Китае. Основное внимание уделяется как описанию и структурированию его разновидностей и ключевых составных частей, так и специфическим этнокультурным модификациям данного феномена.

Ключевые слова: пиджин; чинглиш; языковое взаимодействие; иноязычные заимствования; ассимиляция; транслитерация; способы словообразования; китайские иероглифы; лингвокультурология; межкультурная коммуникация.

T. I. Cheremisina

PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of English Lexicology
Faculty of English
Moscow State Linguistic University
cherymisinat@gmail.com

CLASSIFICATION OF CHINGLISH COMPONENTS AS A SPECIFIC PHENOMENON OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

The article examines some historical and cultural features of the pidgin language chinglish in terms of creation and development process. The analysis is carried out within the framework of Anglo-Chinese cultural and linguistic interaction. An attempt is made to critically interpret the retrospectives, historiography, current state and development trends of the English language in China. The focus is on describing, specifying and systematizing its varieties and basic components as well as peculiarities of ethno-cultural characteristics and modifications of this phenomenon.

Key words: pidgin language; childish language interaction; foreign language borrowings; assimilation; transliteration; ways of word formation; Chinese characters; cultural linguistics; intercultural communication.

Введение

Пиджин (*англ.* pidgin) – это упрощенный специфический язык, который возникает и развивается как средство межэтнического общения двух или более групп этносов, которые говорят на неродственных и взаимно абсолютно непонятных языках, начавших регулярно контактировать между собой в силу некоторых исторически обусловленных обстоятельств. По своей сути и природе, пиджин не является родным языком этноса, создающего его для коммуникации с другим этносом, который вступает с ним в те или иные отношения и создает ситуацию необходимости поиска первым из двух этносов путей налаживания межязыкового контакта. Вновь создаваемый язык выглядит, как правило, не только упрощенным, но и деформированным с позиций языка, лексика которого становится доминантной в процессе подобного языкотворчества. Общеизвестно, что пиджин строится на основе лексики привнесенного и навязываемого в качестве преобладающего в межэтническом общении доминирующего языка. Такому пиджин языку свойственно сильное влияние фонетики и грамматики, а также знаковых традиций создающего его подчиненного языка и культуры его носителей.

Пиджин изначально существует без каких-либо жестких правил или грамматических ограничений и решает одну задачу: создание инструмента, посредством которого открывается возможность для контактирующих сторон понять друг друга. Из-за этого словарный запас пиджин обычно невелик, и он нередко характеризуется высокой степенью гибкости и вариативности. Со временем такие языки расширяют свой лексический запас, приобретают некоторый структурированный вид и новые характеристики.

В статье описывается одна из характерных разновидностей пиджин, а именно Chinglish – чинглиш (от *Chinese* и *English*). Этот язык развивался в ходе длительного, почти четырех векового мультикультурного общения. Он сформировался на стыке английского и американского вариантов английского языка, с одной стороны, и диалектов китайского языка – с другой.

В этом контексте новаторской представляется попытка выявления и структурирование базовых компонентов чинглиш в рамках англо-китайского языкового взаимодействия и взаимопроникновения. Отметим, что настоящая статья подводит промежуточный итог

предпринятой нами попытки поэтапного изучения и систематизации указанного мультиязыкового процесса. Контактное взаимодействие английского и китайского языков, при этом состоит, по нашему мнению, из трех частей: 1) проникновение английского языка в китайский язык; 2) заимствования из китайского в английский; 3) чинглиш как вид пиджин [Черемисина 2017; Черемисина 2019].

Чинглиш – история возникновения и историография

Первые зафиксированные межязыковые контакты английского и китайского языков, как и контакты между англоязычными и китайскоязычными этносами начались в 1637 году, когда британские торговцы впервые добрались до портов Юго-Восточного Китая. В результате развивавшегося общения постепенно сформировались несколько разновидностей китайского пиджин-инглиш, разница между которыми не изучена. Основу различий между ними составляет то, что они базировались не на путунхуа, как общем современном китайском государственном языке, который исторически охватывает северо-восток Китая, а на нескольких диалектах китайского языка Юго-Восточного региона, жители которого первыми из китайцев вступили в контакты с иностранцами [Митчелл, Зарубин 2013]. Имеются в виду прежде всего диалекты минь, юэ и хакка, в основном распространенные в прибрежных регионах Китая, т. е. в Гонконге, провинциях Гуандун и Фуцзянь, а также на Хайнани и Тайване. Лексический объем пиджин-инглиш на раннем этапе был крайне скуп и ограничивался потребностями торговли и бытового общения.

В последующий период произошло расширение зоны пиджин-инглиш и диалектов китайского языка, лежащих в основе его формирования и развития. Так в 40-е годы XIX века во время опиумных войн, когда западные державы пытались расширить торговлю опиумом на территории империи Цин и принудительно открывали Китай, пиджин-инглиш охватил Шанхай (диалект шанхай хуа), а также продолжал использоваться в других портах Китая, в которых велась внешняя торговля.

В конце XIX – первой половине XX века употребление пиджин-инглиш в первоначальном варианте несколько сократилось и локализовалось, что было обусловлено тем, что учащиеся китайских миссионерских школ начали изучать литературный английский язык.

Использование пиджин-инглиш сохранило, тем не менее, свое прикладное значение на бытовом и посредническом уровнях общения китайцев с иностранцами.

После образования КНР в 1949 году пиджин-инглиш продолжал свое существование преимущественно на Тайване и в Гонконге до начала осуществления в 1980-е годы политики реформ и открытости внешнему миру, когда он испытал резкий подъем, расширил свою географию и оказался под влиянием общегосударственного языка путунхуа.

Массовое расширение контактов английского и китайского языков привело к тому, что пиджин-инглиш постепенно трансформировался в явление, которое со временем стали называть «чинглиш», или «английский в китайском стиле». Это стало результатом того, как китайцы учат и используют английский язык и что в итоге получается от влияния их родного языка на английский язык.

Приводимые в историографии характеристики данного явления недостаточно полны и точны, мало изучены, не систематизированы и требуют более выверенного и аналитического подхода к определению характеристик и трендов данного языкового феномена.

Западные исследователи делают основной упор на нелепостях и ошибках китайцев в английском языке как в устной, так и в письменной речи. Параллельно они активно занимаются критикой китайских авторов, которые стремятся показать позитивные элементы чинглиш [Xing Fang 2011].

Со своей стороны, китайские исследователи данного языкового явления привержены в основном повторяющемуся из работы в работу тезису о правильном китайском английском языке, который называют 中国英语 Zhōngguó yīngyǔ (China English) китайским английским языком, и неправильном 中式英语 Zhōngshì yīngyǔ (Chinglish) чинглиш.

Китайский английский язык трактуется ими как продукт сочетания английской и специфической для Китая социально-лингвистической культуры в условиях глобализации английского языка. Этот языковой вариант понимается ими как английский язык с некоторыми специфически китайскими характеристиками и особенностями. Его лексический состав и сфера применения, в их понимании, намного богаче и шире, чем чинглиш. Влияние китайского английского языка на английский язык, по мнению некоторых китайских исследователей, будет возрастать с дальнейшим расширением контактов. Более того,

некоторые из них активно проповедают идеи о позитивном влиянии китайского языка на английский и обогащение английского языка за счет китайского, что не находит своего подтверждения при критической оценке процессов взаимопроникновения китайского и английского языков [Черемисина 2017; Черемисина 2019].

Чинглиш при этом трактуется китайскими исследователями как нестандартный английский язык с явными коммуникативными недостатками, вызванными влиянием этнокультурной специфики мышления на родном языке у изучающих английский язык китайцев. По мнению большинства китайских исследователей, чинглиш является искаженным языковым феноменом, его лексический состав и сфера применения нестабильны, и это препятствует развитию политического и экономического Китая на международном уровне. С углублением китайских и западных культурных и иных контактов эта языковая реалья будет, по мнению ученых, постепенно уменьшаться.

В российской литературе по данной проблематике превалирует подход, основанный на восприятии чинглиш в качестве продукта взаимодействия китайской историко-культурной и языковой традиции с привнесенными факторами. Он базируется на сочетании элементов специфической ментальности китайцев с новыми и необычными для носителей китайского языка лингвистическими и культурологическими вызовами [Алексеева 2015].

По мнению исследователей из разных стран, общим в оценке чинглиш является то, что современный вариант данного пиджин не понятен и чужд в некоторых его проявлениях носителям английского языка, но понятен и естествен для общающихся с ними на нем китайцев.

Компоненты чинглиш и их анализ

По нашему мнению, которое основывается на анализе явления и многочисленных примеров чинглиш, а также критическом осмыслении историографии вопроса и практического применения данного языка пиджин, его необходимо рассматривать во всем разнообразии, четко вычлняя его исторически сложившиеся языковые и культурологические составные части:

- 1) английский язык с китайской спецификой;
- 2) буквальный смысловой перевод устойчивых выражений китайского языка слово в слово;

- 3) китаезированный английский язык;
- 4) одиозно-курьезный письменный китайский английский язык;
- 5) лексико-грамматическое смешение английского и китайского языков;
- 6) китайский пиджин-инглиш начального периода развития;
- 7) диалектные разновидности чинглиш.

Рассмотрим разновидности чинглиш подробнее. В приводимых ниже примерах:

- ① – первая часть – китайские слова или фраза,
- ② – вторая часть – то, как трансформируется английский язык в рамках той или иной разновидности «чинглиш»,
- ③ – третья часть – стандартный английский,
- ④ – четвертая часть (дается факультативно) – перевод на русский язык.

1. Английский язык с китайской спецификой – это английский язык, на котором говорят и пишут изучавшие его в вузах и на курсах этнические китайцы, которые тем не менее привносят в английский устный и письменный язык некоторые особенности своего родного языка. Ниже приведены наиболее характерные выявленные особенности.

Устный и письменный язык:

- неправильное использование артиклей или их частичное или полное отсутствие;
- использование глаголов в форме инфинитива или + *ing* форме в любом времени: *Yesterday I come. I will doing*;
- отсутствие *shall, will, have / has / had* как атрибутов различных времен со смысловой заменой их на обстоятельство времени в начале фразы и инфинитив глагола, что соответствует китайскому строю предложения;
- отсутствие флексий *-s* и *-es* в глаголах настоящего времени третьего лица;
- неправильное использование глаголов *do* и *be*, а также модальных глаголов;
- неправильное использование переходных глаголов;
- неправильное использование единственного и множественного числа и связанных с этим форм глаголов и согласований:

- ① 二零二零年您没有订货。

- ② In year 2020 there is no your orders.
 ③ There were no orders from you in 2020.
 ④ Не было ваших заказов в 2020 году.
- неправильное употребление местоимений 3-го лица единственного числа. Преимущественно использование местоимений *he, him, his* для всех родов обусловлено наличием в китайском языке трех иероглифов, обозначающих местоимения 他 – он, 她 – она и 它 – оно, которые пишутся по-разному, но произносятся одинаково как [tā];
 - неправильное использование предлогов. Замена их на китайские аналоги часто с добавлением элементов указания направления, что свойственно китайскому языку;
 - неправильное употребление глаголов *let* и *make*. Так как в китайском языке их функцию выполняет один глагол 让 ràng, который в зависимости от контекста означает «позволять» или «побуждать»;
 - использование глагола *speak* вместо *say, tell, talk*. Это обусловлено тем, что в разговорном китайском языке их значение передает один глагол 说;
 - трансформированный порядок слов в вопросительных предложениях. Это обусловлено многовариантностью постановки одного и того же вопроса, что приводит к неверной лексико-грамматической кальке:
 - ① 你是不是学生? You are no are student?
 - ② 你是学生吗? You are student + вопросительная частица?
 - ③ 你是学生, 是不是? You are student, are not are?
 - ④ Все эти вопросы переводятся как: Ты студент?
 - строгий порядок слов в повествовательном предложении, который соответствует китайскому языку: обстоятельство времени – обстоятельство места – подлежащее – сказуемое – дополнение, определение (в расширительном смысле) перед определяемым словом:
 - ① 二零二零年一月二十五日在中国春节快乐。
 - ② Year 2020 first month 25 day in china happy new year.
 - ③ In 2020 Spring festival was celebrated on January 25th.
 - ④ В 2020 году китайский Новый год отмечался 25 января.

- употребление счетных слов между количественным числительным и существительным как особой формы служебных слов:

- ① 三头狗 ② Three head dog (3 головы собаки). ③ Three dogs (3 собаки).
- ① 两张桌子 ② Two list of tables (2 листа стола). ③ Two tables (2 стола).
- ① 五个键 ② Five piece of key (5 штук ключей). ③ Five keys (5 ключей).

- в китайском языке количественные и порядковые числительные отличаются добавлением к китайским цифрам счетных слов (в цифровом или иероглифическом варианте) между количественным числительным и существительным, а к порядковым числительным частицы 第 [dì] перед числительным 第一、第二、第三 dī yī、dì èr、dì sān *first, second, third*. Исключением является числительное *два*, которое употребляется в виде 第二 dì èr как порядковое и 两 liǎng как количественное 一个、两个、三个 yī gè, liǎng gè, sān gè. Такая особенность числительных китайского языка вызывает большие сложности для китайцев при счете на английском языке. Наибольшая путаница присуща им в использовании порядковых числительных 1st, 2nd, 3rd, 4th и т. д.

Многое из перечисленного свойственно и другим языкам пиджин, но последние семь пунктов являются особенностью именно чинглиш.

Особенности письменного языка:

- систематически не используются прописные буквы в именах собственных, т. е. имена, фамилии, названия стран и городов и т. п. пишутся с маленькой буквы. Это обусловлено отсутствием понятия прописного и строчного иероглифа;
- аббревиатуры, которые написаны в оригинале прописными буквами, пишутся китайцами строчными буквами или прописной пишется только первая буква: *Brics* или *brics* вместо *BRICS*, *Nato* или *nato* вместо *NATO*, *Wto* или *wto* вместо *WTO*;
- неверная пунктуация или ее полное отсутствие. Это обусловлено тем, что знаки препинания в форме точки [。], двух видов запятых [、] для перечислений и [，] для сложносочиненных и сложноподчиненных конструкций используются в китайском письменном языке только с XX века и являются для него новым и не очень нужным элементом;

- отсутствие вопросительных знаков в предложениях, особенно в тех, которые являются переводным аналогом китайских вопросов с вопросительной частицей 吗 *ma* в конце;
- поскольку в китайской письменности пробелы не используются, то и в английском тексте, написанном китайцами, как правило, отсутствует пробел, например, после запятой: *We suggest you purchase the product in Customer Market, coz very difficult to make export*;
- применение разрыва английских слов на слоги, что внешне выглядит как написание в псевдоиероглифической форме: например, 塑料磨粉机, т. е. *Plastic pulverizer* переводится и наносится на станок как *PLAS TIC MILL* вместо *PLASTIC MILL*;
- неправильное использование пассива: ***If you are stolen***, *call the police at once* вместо *If your things are stolen, call the police at once*, т. е. *Если вас украли, немедленно позвоните в полицию* вместо *Если вас обокрали*;
- написание артиклей с существительным без пробела: *The hotel* вместо *The hotel*;
- использование прописных букв в начале каждой строки текста, но строчных букв в начале предложений.

Существуют и другие особенности, но рассмотреть всё в рамках одной статьи не представляется возможным.

Опыт общения с китайцами, изучавшими английский, как в Китае, так и в третьих странах, показывает, что в период обучения языку китайские студенты склонны к заучиванию преподаваемого им языка и неплохо усваивают грамматику и лексику, особенно в условиях регулярных контрольных, экзаменов и при подготовке к квалификационным языковым тестам. В дальнейшем даже большинство тех, кто активно использует английский язык в работе, перестают контролировать свою речь и письмо, что и приводит к массовости вышеописанных явлений, которые можно охарактеризовать как *английский язык с китайской спецификой*. При этом, безусловно, есть и широкая прослойка англоязычных китайцев, которые стремятся говорить на чистом английском языке, но и им в немалой степени присущи проявления подобной самодовлеющей специфики.

2. Буквальный смысловой перевод устойчивых выражений китайского языка слово в слово. Эта разновидность чинглиш

включает в себя калькирование и перенос с дословным закреплением в английском языке-реципиенте устойчивых выражений китайского языка с использованием английской лексики. Такие выражения не свойственны английскому языку, но в силу тех или иных причин, в первую очередь вследствие высокой частотности употребления некоторых словосочетаний участниками межязыковых контактов, они закрепляются в английском языке. Например:

lose face 丢面子 *diūmiànzi* – потерять лицо, быть униженным;
long time no see 好久不见 *hǎojiǔ bùjiàn* – давно не виделись;
no can do 不能做/干不了 *bùnéng zuò / gān bùliǎo* – невозможно сделать;
good good study, day day up 好好学习, 天天向上 *Hǎo hào xuéxí, tiāntiān xiàngshàng* – упорно учиться, день ото дня повышать свой уровень;
no wind no waves 无风不起浪 *wúfēng bùqǐlàng* – нет волн без ветра, т. е. нет дыма без огня;
people mountain people sea 人山人海 *rénshān rénhǎi* – народу видимо-невидимо.

Два первые выражения из выше перечисленных интегрировались, по имеющимся оценкам, в английский язык. Встречаются и парадоксальные формы: так, попытка подстроить под китайскую грамматику выражение *He знаю – Don't know* (аналог китайского 不知道 *bù zhīdào*) превратилось в *No know*, а затем в *No no*.

3. Китаезированный английский язык, т. е. английский язык, на котором говорят в узкоспециальных целях представители китайского бизнеса или иных сфер, изучавшие английский язык поверхностно или вообще его не изучавшие, которые фактически говорят на родном языке с использованием скудной и не всегда правильной английской лексики и с фонетическими трансформациями. Этот компонент чинглиш можно охарактеризовать как деформированный в результате одного или нескольких из следующих действий пиджин-английский язык, созданный людьми, чьим родным языком является китайский. Его изменения зависят от следующих причин:

- фонетическая деформация обусловлена тягой китайцев к использованию привычной для них в языке жесткой и неизменяемой слоговой фонетической структуры, что порождает невольные изменения в произношении простыми людьми обиходных английских слов: *guda* вместо *good*, *chipa* вместо *cheap*;

- отсутствие некоторых звуков английского языка в китайском языке, например [v], [ð] и [θ], и их подмена похожими для китайского восприятия звуками: *Fank you* вместо *Thank you*, *Restaurant Whiff Barbecue* вместо *Restaurant with barbecue*;
- использование при переводе устаревших словарей и слепое следование компьютерному переводу. Это стало особенно широко встречаться в век компьютеров и смартфонов, когда используются не всегда качественные программы китайско-английского онлайн-перевода. При этом необходимо учитывать, что большое число выражений китайского языка не поддается компьютерному переводу;
- употребление неправильных, неточных по смыслу, неверно или редко используемых, а также сленговых слов вместо более распространенных современных синонимов:
 - ① 请轻轻关门。 ② Please Steek Gently. ③ Close the door carefully.
- неточное смысловое переформатирование названий с использованием непривычных для английского языка слов с нередко смысловыми искажениями:
 - ① 民族园 mínzú yuán ② «Racist Park» ③ «Minorities Park» ④ «Расистский парк» вместо «Парк национальных меньшинств».
- перевод китайских предложений буквально и последовательно, слово в слово, вместо передачи значения. Ниже приведены наиболее характерные примеры *китаезированного английского языка*:
 - ① 一路平安 yīlù píng'ān ② One road safe ③ Happy journey ④ как *напутствие путешественнику в поездку*: Счастливого пути!
 - ① 慢慢走 màn man zǒu ② slow slow go ③ take care ④ как *напутствие при выходе от куда-либо*: Доброго пути!
 - ① 你会不会汉语? ② You can not can say Chinese? ③ Do you speak Chinese?
 - ① 上海的交通很拥挤。 ② Shanghai's traffic is very crowded. ③ Traffic in Shanghai is very heavy.
 - ① 你的手表不对。 ② Your watch is not correct. ③ Your watch does not keep good time.
 - ① 欢迎你到... ② Welcome you to ... ③ Welcome to ...
 - ① 永远记住你 ② remember you forever ③ always remember you
 - ① 祝你有个... ② wish you have a ... ③ I wish you a ...

- ① 很喜欢... ② very like ... ③ like ... very much
- ① 黄头发 ② yellow hair ③ blond / blonde
- ① 入口、出口 ② way in, way out ③ entrance, exit
- ① 怎么拼? ② How to spell? ③ How do you spell?
- ① 我很喜欢打篮球。 ② I very like play basketball. ③ I like to play basketball very much.
- ① 我跟我的朋友一起吃晚饭。 ② I with my friend together have dinner. ③ My friend and I have dinner.
- ① 欢迎感谢您乘坐我的出租车。 ② Welcome to take my taxi. ③ Thanks for taking my taxi.
- ① 他有婚外恋。 ② He has affairs outside his own marriage. ③ He is leading a double life.
- использование китайских поговорок в дословном переводе вместо английских фраз – аналогов:
 - ① 萝卜青菜，各有所爱。 ② Some prefer radish but others prefer cabbage. ③ Tastes differ.

4. Однозно-курьезный письменный китайский английский язык, основанный на некачественном и непрофессиональном, нередко в последние годы автоматизированном переводе отдельных слов, фраз и понятий без участия лиц, знающих английский язык. Этот своеобразный язык используется в рекламе, в вывесках гостиниц, магазинов, ресторанов, в меню, на информационных стендах и светодиодных табло, в туристических местах и парках, транспортных узлах, на улицах и на дорожных указателях. Он неизбежно вызывает недоумение у носителей английского языка и широко тиражируется в англоязычном Интернете и СМИ с трансформацией искреннего, но неуклюжего стремления китайцев привлечь туристов и покупателей, угодить им для получения небольшой прибыли в пренебрежительное отношение к ним со стороны иностранцев. Последним при этом свойственен поиск и выставление напоказ неких неизбежных негативных коннотаций вплоть до пейоративов. Именно эта часть чинглиш более всего бросается в глаза англоязычным иностранцам, и именно ее большинство поверхностно описывающих современный «пиджин английский в китайском стиле» блогеров и авторов юмористических пассажей выдают за чинглиш и называют таковым.

В условиях расширения контактов Китая с другими странами в рамках политики реформ и открытости внешнему миру позитивное,

но выраженное на малограмотном английском языке стремление простых китайцев быть предупредительными и гостеприимными, порождает насмешки и издевательства иностранцев. Подобные вывески на подчас нелепом английском языке являются своего рода массово тиражируемым рефреном широко распространенного на заре китайских реформ явления. Тогда после введения государством послаблений на развитие мелкого бизнеса малограмотные крестьяне рядом с домами, мимо которых прокладывали современные магистрали, выставляли таблички. На них было написано 停车吃饭 *tíngchē chīfàn*, т. е. букв. ‘Останови машину, поешь’. Но нередко иероглифы соответствовали фонетикам и часто были другими и неправильными, например: 听车吃汩 *tīngchē chīfàn*, т. е. ‘Слушай машину, съешь кастрюлю’ и т. п. Это объясняется тем, что малограмотные крестьяне, которые знали небольшое количество иероглифов, писали те, которые читаются аналогичным или похожим способом. Природа происхождения одиозно-курьезного китайского английского письменного языка обусловлена сходной позитивной по замыслу, но нелепой по форме парадигмой:

- ① 请勿拍照。 *Qǐng wù pāizhào*. ② No shooting! ③ Don't take pictures!
④ Не стрелять! *вместо* Не фотографировать!
- ① 灭火瓶 *mièhuǒ píng* ② Hand grenade ③ Fire extinguisher ④ ручная граната *вместо* огнетушитель.
- ① 水深危险请勿下水。 ② Water depth hazard, do not water. ③ The water is dangerous, please do not enter the water.
- ① 伸手出水。 ② Puts out a hand the water leakage. ③ Put your hands to the tap and the water will pour. ④ Протяни руку утечка воды *вместо* Поднеси руки, и вода польется из крана.

5. Лексико-грамматическое смешение английского и китайского языков. Пишущие о чинглиш англоязычные авторы определяют эту его составную часть следующим образом: *speaking both English and Chinese in one's sentences*, т. е. *говорить на английском и китайском языках в рамках одной фразы*. Эта разновидность чинглиш характеризуется использованием китайцами фраз со смешением английских и китайских слов при незнании в необходимом объеме английской лексики, когда вместо отдельных английских слов они вставляют китайские, сохраняя при этом свойственный им грамматический строй китайской речи [Radtke 2007; Thum 2014]:

At K-mart I buy 很多 clothes. At K-mart I buy hěnduō clothes. В К-макркете я купил много вещей.

非常厉害中式英语, 我服了你。非常Cola的Chinglish, I服了 You! Чрезвычайно крутой чинглиш, я служу тебе.

Нередко этот компонент чинглиш является сленговым, специально подчеркиваемым приемом речи.

6. Китайский пиджин-инглиш начального периода развития – это возникший на ранних этапах англо-китайского языкового контактирования язык с радикально упрощенной грамматикой и сокращенным словарем. Для говоривших на нем китайцев он не являлся родным и в силу своей упрощенности обслуживал лишь ограниченный круг ситуаций общения китайских торговцев с англоязычными партнерами в Китае и местной китайской прислуги с англоязычными хозяевами во время их пребывания в Поднебесной.

7. Диалектные разновидности чинглиш. Особыми разновидностями чинглиш являются его компоненты, аналогичные вышеописанным, но основанные не на общегосударственном китайском языке путунхуа, а на шанхайском, кантонском и тайваньском диалектах. Данные подвиды чинглиш еще ждут своего исследователя.

Поскольку именно на этапе развития *пиджин-инглиш с китайской спецификой* и его *диалектных разновидностей* произошло первоначальное взаимное проникновение двух языков, исследователи чинглиш нередко относят к этому явлению также заимствования слов китайского в английский язык. По нашему мнению, этот процесс стоит особняком, как и процесс заимствований английских слов и аббревиатур в китайский язык, поскольку он обусловлен иными закономерностями межязыкового контактирования. Существующая в литературе точка зрения, что чинглиш – это всего лишь один из видов развития и пополнения лексики, не выдерживает в этом контексте критики, поскольку, как показало изучение данного феномена, чинглиш является более широким языковым явлением на стыке китайской и англоязычной культуры и языков.

Заключение

Очевидно, что будущее чинглиш в Китае и мире неоднозначно. Язык – это высоко динамичная и сложно образованная структура. Общепризнано, что каждый язык следует общей языковой тенденции

к своему обогащению. Однако подчас чисто прикладной аспект взаимовлияния языков в процессе их контактирования приводит не только к взаимному лексическому пополнению и обогащению, но и к деформациям, к появлению неожиданных и трудно предсказуемых перспектив их развития в широком диапазоне возможностей от возникновения новых языков до тупиковых направлений.

В процессе глобализации и развития международной экономики и при постепенном росте открытости Китая внешнему миру в последние десятилетия в этой стране возрастает необходимость изучать английский язык. Это приводит к тому, что культура и языки Запада, и в первую очередь и самым массовым образом из англосаксонского мира, проникают в Китай через экономические, научные, культурные, образовательные контакты, через СМИ, Интернет, рекламу. Они дотягиваются до всё более широких слоев китайского общества. Но как показывает практика такого взаимодействия, они не способны пошатнуть основы и устои многотысячелетней культуры и языка китайского народа.

Чинглиш с его тяготением к китайским лингвистическим и фонетическим формам и обусловленной этими особенностями спецификой не сможет перекроить сознание жителей Среднего государства. Напротив, китайские язык, культура, менталитет и незыблемые традиции накладывают свой встречный отпечаток на язык англоговорящей и пишущей на английском языке части китайского населения, которая контактирует с носителями английского языка преимущественно в более привычной для себя культурно-ментальной парадигме и оставляет себе самодовлеющее право трансформировать изучаемый язык под свои потребности, а также использовать его для коммуникации в удобном именно китайцам, а не изначальным носителям английского языка виде. Наиболее ярко такой феномен был акцентирован в рамках проводимых в Китае кампаний, отстаивающих суверенное право китайского народа на свою самобытность во всех ее проявлениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алексеева М. Г.* Чинглиш как результат культурной глобализации // Молодой ученый. 2015. №11. С. 1550–1553. [Alekseeva, M. G. (2015). Chinglish kak rezul'tat kul'turnoj globalizacii (Chinglish as a result of cultural globalization). Young scientist. Molodoj uchenyj, 11, 1550–1553. (In Russ.)]. URL: <https://moluch.ru/archive/91/19533/>

- Митчелл П. Дж., Зарубин А. Н.* Чинглиш – культурный феномен // Вестник Томского государственного университета. 2013. Вып. 1 (9), С. 69–80. [Mitchell, P. G., Zarubin, A. N. (2013), Chinglish – kul'turnyj fenomen (Chinglish as a cultural phenomenon). Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 1 (9), 69–80. Tomsk. (In Russ.)].
- Черемисина Т. И.* Китайские заимствования в современном английском языке как элемент культурно-языковых контактов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2019. Вып. 822. С. 91–107. [Cheremisina, T. I. (2019). Chinese Borrowings in Modern English as an Element of Cultural and Linguistic Interaction). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 822, 91–107. Moscow. (In Russ.)].
- Черемисина Т. И.* Особенности динамики современного англо-китайского языкового контактирования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2017. Вып. 779, С. 114–132. [Cheremisina, T. I. (2017). Osobennosti dinamiki sovremennogo anglo-kitajskogo yazykovogo kontaktirovaniya (Dynamic Character of Anglo-Chinese Language Interaction). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 779, 114–132. Moscow. (In Russ.)].
- Radtke O. L.* Chinglish: Found in Translation. China: Gibbs-Smith, 2007.
- Thum A. J.* Chinglish Signs in a Chinglish China. 2014. URL: <http://abravenewway.blogspot.com/2014/04/chinglish-signs-in-chinglish-chin.html>
- Xing Fang.* Glocalizing ELT: from Chinglish to China English // Journal of language teaching and research. March, 2011. Vol. 2, No. 2. Pp. 377–381.

УДК 81.26

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_197

Е. Б. Штукарева

кандидат филологических наук, доцент

доцент Центр русского языка

Национального исследовательского технологического университета «МИСиС»

shtukareva@mail.ru

ТАЛАНТИЗМ: НОВОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются условия появления и особенности употребления неологизма «талантизм» в современной интернет-коммуникации и научной литературе на основе методов лингвистического наблюдения, описания и контекстуального анализа. В результате анализа определен объем данного понятия как терминологической единицы в сфере экономики и управления, описаны стилистические возможности слова, коннотативные особенности употребления.

Ключевые слова: заимствования; креативность; неологизмы; неология; талантизм.

E. B. Shtukareva

PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor at the Russian

Language Center, National University of Science and Technology (MISIS)

shtukareva@mail.ru

TALENTISM: A NEW BORROWING IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The article is devoted to the analysis of the conditions for the emergence and features of use of the neologism *talentism* in modern Internet communication and scientific literature on the of methods of linguistic observation, description and contextual analysis. As a result of the analysis, the volume of this concept as a terminological unit in the field of economics and management, the stylistic possibilities of the word, the connotative features of use are determined.

Key words: borrowing; creativity; neologisms; neology; talentism.

Введение

Неология ставит перед собой задачи выявления новых слов (неолексем), новых значений уже известных слов (неосемем), появляющихся в языке в определенный период времени. Сейчас этот раздел языкознания располагает огромным материалом для исследований: богатые ресурсы для новообразований предлагает политическая и экономическая сферы, интернет-коммуникация, цифровые технологии, СМИ, рекламная индустрия, мода и др.

Предметом внимания исследователей становятся как теоретические основы науки о новообразованиях (Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Д. В. Гуганова, А. Ф. Гарипова), так и отдельные группы слов, появляющиеся в последние годы (С. К. Хачак, Т. В. Гузиекова, А. А. Гальцева, В. С. Новолодская), роль неологизмов в различных дискурсах (Н. В. Голова; А. А. Мотожанец, А. С. Февралева), проблемы лексикографического описания неологизмов (Г. Ю. Никипорец, Е. А. Коновалова) и др. Описание значений и особенностей употреблений отдельных неологизмов значимо для науки с точки зрения их толкования и фиксации в языковых и терминологических словарях, сравнения массивов новых слов в разных языках, обсуждения возможностей развития языка.

Актуальность исследования обусловлена развитием нового, терминологического, значения у лексемы *талантизм*, активно употребляющиеся в последние десятилетия как в языке СМИ, в интернет-сообщениях (постах) блогеров, так и в научных и политических дискурсах при отсутствии толкования данного термина в лексикографических изданиях и однозначной дефиниции в специальной литературе. Не содержит цитат с данным словом и Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru). При этом запрос данного слова в поисковых системах «Яндекс» и «Гугл» дает более чем 900 ссылок.

Цель статьи – дать лингвистическую характеристику неологизма *талантизм*, установить источник, условия, причины и время его происхождения, определить семантику, описать сферу употребления и стилистические особенности. Предметом анализа стало около 250 упоминаний слова в Интернете, а также статьи электронной библиотеки elibrary.ru, в которых встречается данный термин. Исследование построено на использовании метода лингвистического наблюдения и описания, а также метода контекстуального анализа.

Термин *талантизм* в интернет-источниках

Отечественные специалисты в области управления и экономики автором нового экономического термина *талантизм* называют профессора Клауса Шваба, который впервые озвучил его в выступлении на Всемирном экономическом форуме (26–30 января 2011 года):

The success of any national or business model for competitiveness in the future will be placed less on capital and much more on talent. We could

say that the world is moving from capitalism to ‘talentism’ (<https://reports.weforum.org/global-agenda-council-2012/councils/skills-talent-mobility>).

Идея перехода мирового сообщества к новой форме экономики – талантизму – продолжала оставаться лейтмотивом еще ни одного выступления ученого:

2012 г. ...capital is losing its status as the most important factor of production in our economic system.

...capital is being superseded by creativity and the ability to innovate – and therefore by human talents – as the most important factors of production. If talent is becoming the decisive competitive factor, we can be confident in stating that capitalism is being replaced by “talentism”.

...capital is now giving way to human talent

(https://www.huffpost.com/entry/end-of-capitalism---_b_1423311).

2014 г. Talent is now the key factor driving competitiveness (or the lack thereof) for companies and countries alike. Indeed, “talentism” will be the prevailing economic credo, with human or intellectual capital becoming the most critical asset – and the one most difficult to acquire and retain

(<https://www.weforum.org/agenda/2014/05/klaus-schwab-leadership-technology/>).

2017 г. Global competitiveness will be more and more defined by the innovative capacity of a country. Talents will become increasingly more important than capital and therefore the world is moving from the age of capitalism into the age of talentism

(<https://www.weforum.org/press/2017/09/new-focus-needed-to-raise-global-competitiveness/>).

В приведенных источниках слово *talentism* используется в качестве наименования новой прогнозируемой общественно-экономической системы, в которой главной движущей силой будет креативность. Появившееся в русском языке немногим ранее, в 1990-е годы, существительное *креативность* обладает значением «способность нестандартно, гибко, творчески мыслить, работать» [Буцева и др. 2014, с. 305]. Креативными работниками называют тех,

«кто может быстро и четко предложить новое, нетривиальное решение: “родить” удачный слоган, начертать небывалый эскиз, разработать перспективный бренд» [Новиков 2016, с. 80]. Таким образом, креативность как основа будущих экономических отношений предполагает такие творческие способности личности, которые в настоящее время становятся одним из критериев оценивания профессиональных качеств работника, о чем свидетельствуют следующие словосочетания, употребляемые в современных научных публикациях: *креативность преподавателя, креативность воспитателя, диагностика креативности будущих артистов балета, креативность журналиста, креативность дизайнера.*

В словообразовательном аспекте английское *talentism* представляет собою суффиксальное производное от слова *talent*. Мотивировочным признаком, т. е. признаком, положенным в основу номинации, очевидно, является собирательное наименование творческих способностей индивидуума как работника, которые становятся ключевым фактором конкурентоспособности компаний.

В русскоязычном контексте слово *талантизм* впервые наблюдаем на страницах Рунета в блоге бизнес-тренера Надежды Бондаренко, где 1 марта 2011 года размещены материалы исследования транснациональной рекрутинговой компании Manpower «Talent Shortage Survey. Человечество на пороге новой эпохи – Human Age» на русском языке:

На рубеже веков мы стали свидетелями постепенного перехода человечества из эры «Капитализма» в эру «Талантизма» (Talentism), где главным критерием успеха и процветания является «доступ к таланту, а не к капиталу», как было ранее (<https://blogtrenera.ru/blog/talent-shortage-survey-issledovanie-manpower-chelovechestvo-na-poroge-novoj-epoxi-human-age.html>).

8 ноября 2011 года на информационном портале социальной сети e-xecutive.ru появляется статья Андрея Шахбазова «На пороге эры “Талантизма”», посвященная теме подбора талантливых сотрудников и управления талантами (<https://www.e-xecutive.ru/career/hr-management/1553292-na-poroge-ery-talantizma>). В русскоязычном Интернете на новостных и информационных страницах наблюдаем употребление этого слова и в последующие годы:

- 2015 г. Если при историческом материализме, куда включены были рабовладение, феодализм и капитализм, потребительское поведение социума неосознанно рефлекторно диктовалось физиологией человека и его частичной социальной потребностью, то в наступившем историческом идеализме 21 века, предваряющемся эпохой талантизма, потребительские предпочтения мотивируются сознанием человека, переполненного желанием одухотворения своей как личной жизни, так и своей социальной природы личности
(<http://worldcrisis.ru/crisis/1766800>).
- 2016 г. Действительно, Клаус Шваб, основатель Давосского форума, считает, что «талантизм» будет преемником капитализма. Воображение и способность к инновациям – а не вооружение, природные ресурсы или капитал – будут движущей силой того, что он называет эпоха «адаптации»
(<https://bricsmagazine.com/ru/articles/rozhdenie-talantizma>).
- 2017 г. Так получилось, что мы живем в то время, когда происходит несколько тектонических изменений одновременно. Первое – наш мир переходит от капитализма к талантизму, от промышленной модели общества – к информационной
(<http://trends.skolkovo.ru/2017/10>).
- 2018 г. Эра «талантизма»: как инвестировать в стартапы и не разориться»
(<https://www.forbes.ru/tehnologii/365863-era-talantizma-kak-investirovat-v-startapy-i-ne-razoritsya>).
- 2019 г. В эпоху талантизма ключевую роль играет творческий человек
(<https://zen.yandex.ru/media/zehmedia/ruben-varदानian-v-epohu-talantizma-kliuchevuiu-rol-igraet-tvorcheskii-chelovek-5ad839135f4967f48d6d90c9>).

Эффектный, запоминающийся, привлекающий своей новизной термин стал популярным у журналистов и блогеров, он сразу же попал в заголовки СМИ и в посты социальных сетей:

Яценюк поведал об украинском уме и «талантизме» (<https://www.vesti.ru/doc.html?id=2717442&cid=7>);

Рождение талантизма (*BRICS Business Magazine*, 2016, № 4);

«Талантизм» как двигатель экономики
(Деловой Петербург, 02.03.2018);

#талантизм теснит #капитализм? (www.facebook.com/galanovaiv/).

Наблюдаем его и в речи политиков, например В. И. Матвиенко однажды заметила:

Талантизм называют мощным двигателем экономики
(Деловой Петербург, 03.02.2018).

Во всех приведенных выше русскоязычных цитатах слово *талантизм*, как и его англоязычный дубликат *talentism*, имеет терминологическое значение: оно используется для обозначения новой общественно-экономической формации, приходящей на смену капитализму, основанной не на формах частной собственности (капитале), а на личностных характеристиках индивидуума как рабочей силы, от которых в конечном счете зависит конкурентоспособность компании (*эра талантизма, эпоха талантизма, от капитализму к талантизму, преемник капитализма*).

Термин «талантизм» в научных изданиях

В исследовательских русскоязычных работах новый термин наблюдаем несколько позднее – с 2017 года, при этом следует отметить изменение сочетаемости слова. Термин употребляется в составе словосочетаний *концепция талантизма, принцип талантизма, критерий талантизма*:

Важнейшим фактором конкурентоспособности сервисной компании сегодня становится *talentism*, или ориентация на творческие кадры. «**Талантизм**» как новая экономическая концепция, приходящая на смену капитализму, не ограничивается хорошо известной нам войной за таланты на открытом рынке [Казьмина, Дудкина, Бородай 2017].

Новой концепцией развития бизнеса в условиях неокapитализма в зарубежных СМИ нередко называют «талантизм» [Мартынов, Голунов, Макарова 2017].

Концепция талантизма выводит в высший приоритет наиболее талантливых работников и награждает непропорциональными бонусами за их работу, что автоматически ведет к усилению социального неравенства.

Четвертая промышленная революция знаменует этап автоматизированного цифрового производства, управляемого интеллектуальными системами распространения нейросетей. В таких условиях возрастет спрос на трудовые ресурсы в возрасте до 35 лет, обладающих свойством креативности, суперспециализации, соответствующих принципу «талантизма» [Фаронова 2019].

В следующем контексте слово *талантизм* используется уже как наименование личностных и при этом профессионально значимых качеств человека:

Ведущим критерием профессионального отбора является «талантизм», представляющий собой не количество «мертвых знаний, а уровень интеллектуальных способностей, профессиональной гибкости и креативности [Блинова 2018, с. 126].

В российских научных работах также встречается и употребление термина для обозначения нового общественно-экономического строя:

Мир перейдет на совершенно другую *модель общественного устройства под названием «талантизм»* (от слова «талант»), и содержанием жизни большинства будет не труд, а саморазвитие [Селин, Федорова 2019, с. 405].

Автор считает, что на этой исторической развилке мы можем сделать гигантский шаг в своем развитии, что приведет к наступлению эры креаторов, *талантизма* и расцвету цивилизации [Мурзагулов 2018, с. 7].

Таким образом, в российской научной мысли наблюдаем расширение семантики термина «талантизм», появление у него новых возможностей сочетаемости и значений «основное положение, принцип работы компании, базирующийся на креативных свойствах ее персонала» и «профессиональные свойства личности, проявляющиеся в способности к творчеству».

Нетерминологическое употребление лексемы

Слово *талантизм* как собственно русское окказиональное образование от слова *талант*, употребляемое в значении «положительная оценочная характеристика произведения / способностей автора произведения» встречается в комментариях участников социальных сетей в Рунете и ранее – в 2008 году:

- в комментарии к авторской песне:

Профессионализм, артистизм, талантизм. Спасибо за удовольствие от прослушивания Ваших песен, дорогой Николай!!! (<https://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/music/bardi/452391.html>);

- в комментарии к теме «Как вы относитесь к творческим личностям»:

ИМХО: творчество и талантизм проявляется в твоей работе (<https://vse.kz/topic/154030-kak-vi-otnosites-k-tvorcheskim-lichnostjam/page-12>).

Слово может употребляться также и в качестве ироничного наименования стремления создавать авторские, не всегда удачные, произведения:

А сам талантизм это местная чума положительного свойства. Не болеют ею только «штампованные дурики»; на просторах СТИХИРЫ их, хватает... (<https://www.stihi.ru/rec.html?2008/09/14/592>).

В качестве собственно русского наименования слово образовано по модели *героизм, артистизм, снобизм*, где суффикс *-изм* выражает значение «качество, свойство, переданное производной основой».

И как термин слово *талантизм* в интернет-коммуникации также может приобретать оценочные значения, оно становится основой для языковой игры, каламбуров и дефразиологизации: об *укроталантизме* – так скептически отзывается блогер о заявлении украинского политического деятеля А. П. Яценюка, провозгласившем новую Украину миром четвертой индустриальной революции (<https://fish12a.livejournal.com/1666715.html>); *мы высокоинтеллектуальные европейцы, пораженные талантизмом прямо в ганглий* (преднамеренное нарушение фразеологизма *поразить / поразивший в самое сердце*); ироничная оценка экономической и политической ситуации в Украине звучит и в выражении *Короче, за талантизм, ребя, и за высокий интеллект!* (<https://novorosinform.org/404128>).

Чаще всего термин приобретает негативные коннотации: *талантизм Швондеров* (<https://news-front.info/2016/02/07/talantizm-shvonderov-aleksey-kurakin>); *талантизм против рассудка* (<https://sdelanounas.ru/blogs/102436>); *...в моде сейчас деловитость и талантизм. И причем безо всякого нравственного направления* (<https://www.proza.ru/2015/10/09/1896>).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в качестве термина из области экономики и менеджмента *талантизм* употребляется в русском языке с 2011 года и представляет собою словообразовательную кальку английского слова *talentism* (замена составных частей слова русскоязычными морфемами *талант* и суффиксом *-изм*). Как результат окказионального словотворчества слово также известно в языке в качестве характеризующего собственно русского наименования творческих способностей человека. Таким образом, в русском языке данная лексема становится многозначной, употребляется в сфере экономики и управления в следующих терминологических значениях:

- 1) новая прогнозируемая общественно-экономическая система, главной движущей силой которой будут креативность и способность к инновациям (*эра талантизма, эпоха талантизма*);
- 2) система взглядов на работу компании, ориентированную на инновации и на подбор сотрудников с высоким уровнем креативности (*концепция талантизма, принцип талантизма*);
- 3) уровень личностных творческих способностей индивидуума, оцениваемых как профессиональные характеристики при кадровом отборе (*критерий талантизма, принцип талантизма*).

Благодаря частому появлению в публицистических текстах и сообщениях в социальных сетях слово ассимилируется, приобретая коннотативные оттенки, используется в качестве положительной оценки способности создавать авторские произведения или, напротив, в качестве иронической оценки неудачного сочинительства, а также отрицательной, скептической характеристики экономической и политической ситуации в стране.

Экстралингвистическими причинами заимствования стали изменения в характере производственных отношений, которые приводят к переоценке профессиональных качеств человека; лингвистически – потребность передать новые экономические явления особыми языковыми средствами. Экспрессивность новизны объясняет появление слова в заголовках интернет-публикаций и в речи политиков (социолингвистические предпосылки).

На наш взгляд, представляется интересным и дальнейшее наблюдение за словом *талантизм* в русском языке: займет ли оно в науке

прочные позиции экономического термина (в случае, если прогнозы К. Шваба оправдают себя) или лишь оставит свой след в истории языка как факт языковой моды?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Блинова О. А. Философия как забота (или рассуждения о Форуме «Мир философии») // Социум и власть. 2018. №2 (70). С. 123–130. [Blinova, O. A. (2018). *Filosofiya kak zabota o sebe (ili rassuzhdeniya o Forume «Mir filosofii»*). *Socium i vlast'*, 2, 123–130. (In Russ.)].
- Буцева Т. Н. [и др.]. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. Т. 2. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. [Buceva, T. N. et al. (2014). *Novye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka* (New words and meanings: a dictionary-reference book on the materials of the press and literature of the 90s of the 20th century.). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russ.)].
- Казьмина Л. Н., Дудкина О. В., Бородай В. А. Дивергентное мышление в сервисной деятельности // Управление экономическими системами. 2017. № 9. С. 31. [Kazmina, L. N., Dudkina, O. V., Borodai, V. A. (2020). *Palliative problems of sync. Management of economic systems*, 9, 31. (In Russ.)]. URL: <http://www.uecs.ru/teoriya-upravleniya/item/4550-2017-09-21-09-24-20> (дата обращения 10.01.2020).
- Мартынов В. Г., Голунов Н. Н., Макарова Е. Д. Четвертая промышленная революция и ее вызовы для отраслевого рынка труда нефтегазового комплекса // Энергетическая политика. 2017. № 5. С. 3–12. [Martynov, V. G., Golunov, N. N., Makarova, E. D (2017). *The fourth industrial revolution and its challenges for the industrial market of oil and gas complex. The Energy Policy*, 5, 3–12. (In Russ.)].
- Мурзагулов Р. Р. Цифровое общество середины XXI в. как новый этап цивилизационного развития. Социально-философский анализ. [б.м.]: Издательские решения, 2018. [Murzagulov, R. R. (2018). *Cifrovoe obshchestvo serediny 21 v. kak novyj etap civilizacionnogo razvitiya. Social'no-filosofskij analiz* (Digital society of the mid-21st century as a new stage of civilizational development. Socio-philosophical analysis). *Izdatel'skiye resheniya*. (In Russ.)].
- Новиков В. И. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М. : Словари XXI века, 2016. [Novikov, V. I. (2016). *Slovar' modnykh slov. Yazykovaya kartina sovremennosti* (Dictionary of fashionable words. Modern language worldview). Moscow: Slovari XXI veka. (In Russ.)].

- Селин А. П., Федорова Т. А.* Интернет-технологии как фактор социальной активности молодежи // Социальная активность молодежи как необходимое условие развития общества: материалы международной научно-практической конференции. СПб. : типография СПбГУПТД, 2019. С. 402–408. [Selin, A. P., Fedorova, T. A. (2019). Internet-tekhnologii kak faktor sotsial'noi aktivnosti molodezhi (Internet technologies as a factor of social activity of young people). Sotsial'naya aktivnost' molodezhi kak neobkhodimoe uslovie razvitiya obshchestva (pp. 402–408). St. Petersburg: tipografiya SPBGUPTD. (In Russ.)].
- Фаронова Ю. В.* Занятость населения и территориальные проекты регулирования социально-экономического развития субъектов // Доклады Башкирского университета. 2019. № 5. Т. 4. С. 494–501. [Faronova, Yu. V. (2019). Population employment and territorial projects of regulation of socio-economic development of subjects of the Russian Federation. Doklady Bashkirskogo universiteta, 5, 494–501. V. 4. (In Russ.)].

УДК 82+811.111'25

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_208

Д. И. Остапенко

кандидат филологических наук
доцент кафедры перевода и профессиональной коммуникации
факультета романо-германской филологии
Воронежского государственного университета
daryaostapenko@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРИМЕЧАНИЙ К РОМАНУ ДЖ. ФАУЛЗА «ЛЮБОВНИЦА ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕЙТЕНАНТА»

В статье анализируются переводческие примечания к роману Дж. Фаулза «Любовница французского лейтенанта». Путем сплошной выборки было отобрано 59 подстрочных примечаний, которые были составлены М. И. Беккер, переведившей роман с английского языка на русский. В результате комплексного лингвистического анализа автору статьи удалось выявить тип, основную функцию, структурно-содержательные особенности, достоинства и недостатки комментариев, а также предложить их классификацию.

Ключевые слова: Дж. Фаулз «Любовница французского лейтенанта»; художественный перевод; переводческая метакоммуникация; переводческий метатекст; переводческое примечание; подстрочные примечания.

D. I. Ostapenko

PhD (Philology), Associate Professor
at the Department of Translation and Professional Communication
Voronezh State University
daryaostapenko@mail.ru

THE CHARACTERISTICS OF THE TRANSLATOR'S FOOTNOTES TO THE NOVEL "THE FRENCH LIEUTENANT'S WOMAN" BY J. FOWLES

The article is devoted to the study of translator's commentaries to the novel "The French Lieutenant's Woman" by J. Fowles. Continuous sampling enabled the author to select 59 footnotes composed by M. I. Bekker who translated the novel from English into Russian. A comprehensive linguistic analysis made it possible to identify the

following features of the commentaries: their type, main function, structure, content, advantages, and disadvantages. The author also suggests the classification of the commentaries.

Key words: J. Fowles "The French Lieutenant's Woman"; literary translation; translator's metacommunication; translator's metatext; translator's commentary; footnotes.

Введение

Первый перевод романа Дж. Фаулза (Fowles John) «The French Lieutenant's Woman» (1969) на русский язык был выполнен советскими переводчицами М. И. Беккер и И. Б. Комаровой. Он вышел в свет в 1985 году под названием «Любовница французского лейтенанта» и к настоящему моменту выдержал более 30 переизданий и считается классическим. Русскоязычная читательская аудитория познакомилась с произведением спустя 16 лет после публикации оригинала. Можно предположить, что такой значительный временной интервал между выходом романа и его переводом, помимо прочего, объясняется политической обстановкой и отношениями между СССР и странами Запада во второй половине XX века: вплоть до 1980–1990 годов, до начала так называемой эпохи гласности, многие советские переводчики, переводившие произведения неконъюнктурных западных писателей, не имели возможности издавать свои переводы.

М. И. Беккер и И. Б. Комарова являются представительницами советской школы перевода, которой был присущ системный подход в переводческой деятельности. Поэтому помимо выполнения перевода, М. И. Беккер создает обширное метакоммуникативное поле, представленное вспомогательными переводческими метатекстами двух типов: подстрочными и затекстовыми примечаниями, общее количество которых насчитывает 380 единиц. Примечания имеют пояснительный характер и направлены на восполнение потенциальных лакун в фоновых знаниях читателей в принимающей лингвокультуре. На наш взгляд, основной причиной появления дополнительных переводческих метатекстов послужила стратегия форенизации [Schleiermacher 1838], которой М. И. Беккер и И. Б. Комарова, очевидно, придерживались в процессе перевода. При работе с текстом переводчики стремились передать авторский замысел, идиостиль Дж. Фаулза и соответствующие способы их вербализации. Как следствие, они сохранили все исходные иноязычные вкрапления, культурно маркированные реалии и прецедентные феномены, к которым обращается

писатель, что и вызывает необходимость создания вспомогательного метакоммуникативного поля.

В данной статье будут рассмотрены только подстрочные примечания к роману. Их общее количество составляет 59 единиц, они носят абстрактно-энциклопедический характер [Тер-Минасова 2000] и относятся к примечаниям лингвистического типа [Остапенко 2015]. С точки зрения содержания их можно разделить на две категории: примечания, содержащие перевод иноязычных заимствований, которые из оригинала были без изменений перенесены в текст перевода, и примечания, комментирующие авторский текст и варианты его перевода на русский язык.

Примечания располагаются внизу страницы под основным текстом романа, не нарушая его целостности, и связаны с поясняемым элементом знаком выноски (*). Выбор такого вида и способа оформления переводческих метатекстов представляется вполне целесообразным, так как на одной странице встречается не более четырех сносок, что не требует их нумерации и не осложняет восприятие авторского текста [Мильчин, Чельцова 1999]. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев объем примечаний ограничивается одним, часто неполным предложением, что позволяет читателям быстро и беспрепятственно получить пояснительную информацию, необходимую им непосредственно в процессе чтения.

Рассмотрим каждую из выделенных групп переводческих примечаний к роману более подробно.

Переводы трансплантированных иноязычных заимствований

Дж. Фаулз был полиглотом и, помимо английского, владел немецким, французским и латинским языками. Иноязычные вкрапления, которые в изобилии присутствуют в ряде его произведений (см., например, «The Ebony Tower» и «The Magus»), являются одной из черт идиостиля писателя. В романе «The French Lieutenant's Woman» иноязычные заимствования встречаются как в авторском повествовании, так и в речи персонажей. Это позволяет Дж. Фаулзу добиться желаемого эстетического воздействия на читателя, который проникается атмосферой многослойного поликодового постмодернистского произведения [Ильин 1998]. Писатель использует иные вербальные коды

для структурирования собственных мыслей, описания внешности, характера и поведения героев, окружающей обстановки, а также в речи некоторых персонажей для создания цельного и многомерного образа [Денисова, Лапина 2016].

Как было отмечено выше, М. И. Беккер и И. Б. Комарова, следуя стратегии форенизации [Schleiermacher 1838], бережно отнеслись к воссозданию авторского идиостиля и сохранили исходные иноязычные вкрапления в русскоязычной версии романа. Для удобства получателей перевода, которые могут не владеть искомыми языками, М. И. Беккер снабжает иноязычные контексты примечаниями, которые содержат переводы с латинского, французского, итальянского, немецкого и арамейского на русский язык. Общее количество комментариев этого типа составляет 55 единиц, т. е. 95% от всех составленных переводчицей подстрочных примечаний.

Переводы с латинского языка

Дж. Фаулз использует латынь чаще других иностранных языков, поэтому данная подгруппа является самой многочисленной и включает 29 примечаний с переводами латинизмов на русский язык. Например, главный герой произведения Чарльз Смитсон – палеонтолог, а Гроган, который много лет добивался расположения Эрнестины Трэнтер, невесты Смитсона, – врач, оба владеют латынью, поэтому в их речи часто встречаются латинизмы. Так, в одном из эпизодов доктор Гроган советует Смитсону принять окончательное решение и не становиться жертвой своих низменных побуждений, после чего говорит следующее:

Тогда – аминь. *Jacta alea est**. – Доктор взял со стола свою шляпу и саквояж и пошел к двери. Но у порога он замешкался – и протянул Чарльзу руку. – Желаю вам благополучно... отойти от Рубикона.

<...>

*Жребий брошен.

В сноске М. И. Беккер приводит перевод этого латинского афоризма, который был произнесен Юлием Цезарем при переходе через реку Рубикон, что ознаменовало начало гражданской войны.

В данной подгруппе есть примеры избыточных примечаний. В начале романа Дж. Фаулз, рассуждая о роли автора в создании новой художественной реальности, пишет:

Мы все бежим от реальной реальности. Это главная отличительная черта *homo sapiens***.

**Разумного человека

Перевод этого общеизвестного латинского выражения явно излишен, если принять во внимание фактор адресата [Арутюнова 1981] – произведение рассчитано на образованную аудиторию, которая хорошо знакома с данным понятием и вполне способна распознать его на латыни.

В тексте произведения есть интересные примеры латинизмов, которые поясняет сам писатель. Видимо, Дж. Фаулз считает, что данные иноязычные заимствования для его читателей могут оказаться неизвестными, и поэтому снабжает их английскими эквивалентами:

Charles called himself a Darwinist, and yet he had not really understood Darwin. But then, nor had Darwin himself. What that genius had upset was the Linnaean *Scala Naturae*, the ladder of nature, whose great keystone, as essential to it as the divinity of Christ to theology, was *nulla species nova*: a new species cannot enter the world¹.

В дополнительном лингвистическом комментарии этот фрагмент не нуждается, поэтому переводчицам остается перевести его на русский язык:

Гениальность Дарвина состояла в том, что он опроверг Линнееву *Scala Naturae* – лестницу природы, краеугольным камнем которой, столь же важным для нее, как для теологии божественная сущность Христа, было положение: *nulla species nova* – новый вид возникнуть не может.

Переводы с французского языка

Данную подгруппу составляют 22 примечания, содержащие переводы с французского языка на русский. В одном из эпизодов романа Сэм, слуга Чарльза, решается назначить Мэри, горничной

¹ Fowles John. The French Lieutenant's Woman. URL: (<https://litlife.club/books/126309/read?page=1>)

мисс Трэнтер, свидание. Он хочет быть похожим на своего аристократичного господина и, чтобы его предложение звучало галантнее, обращается к своей возлюбленной по-французски. Французского языка герой, конечно, не знает, поэтому в его обращении есть ошибка, о чем читатели узнают из переводческого примечания:

– *A demang**, мамзель. – Чего? – Это значит – завтра на Куми-стрит. По-французскому. Где ваш покорный слуга будет ждать.

*Искаженное à demane – до завтра (*фр.*)

Таким образом, при помощи таких переводных эквивалентов как *мамзель* и *по-французскому*, а также пояснительной сноски в переводе удастся воссоздать исходный комический эффект:

“*A demang*, madymosseile.” “What’s that then?” “It’s French for Coombe Street, tomorrow mornin’ – where yours truly will be waitin’.

Как и в случае с латинизмами, в этой подгруппе встречаются примеры избыточных примечаний. Рассмотрим следующий эпизод:

В другое время такой вечер доставил бы Чарльзу удовольствие – в значительной степени благодаря маленьким вольностям <...>, считавшимся не совсем *comme il faut** в том обществе, украшением которого учили быть Эрнестину.

*Приличным (*фр.*)

В сноске М. И. Беккер приводит перевод французского выражения на русский язык. С учетом потенциальных получателей переводного произведения такое примечание излишне, поскольку образованному носителю русского языка, хорошо знакомому с галлицизмом *комиль-фо*, не составит труда распознать его в тексте, даже если он приводится на языке оригинала, а читатель не владеет французским.

Следуя такому подходу к комментированию иноязычных заимствований, М. И. Беккер должна была сделать сноску с переводом французского выражения *à la*, которое встречается в следующем контексте, где Дж. Фаулз поясняет ход мыслей главного героя:

Я нарочно преувеличиваю худшее, то есть приспособленческое – *à la* Джон Морли, – направление мыслей Чарльза.

Отсутствие примечания еще раз подтверждает избыточность подобного рода сносок, кроме того, нарушается единство подхода к комментированию аналогичных элементов исходного текста. Также примечательно, что выражение *à la* нет в оригинале:

I am overemphasizing the worse, that is the time-serving, Morleyish half of Charles's mind.

Очевидно, перед нами функциональная замена отыменного прилагательного *Morleyish* на словосочетание *à la Джон Морли*, которая вполне обоснована, если принять во внимание особенности авторского идиостиля в отношении иноязычных вкраплений.

Переводы с итальянского языка

Общее количество примечаний данного типа составляет две единицы. Рассмотрим один из примеров: в первой части романа Дж. Фаулз описывает события, произошедшие на концерте, который проходил в зале ассамблей. Во время концерта у публики была возможность насладиться не только музыкой, но и приятной компанией, а дамы могли посплетничать, обсудить чужие наряды и похвастаться своими:

Как только порог залы переступало новое лицо, Чарльзу приходилось одним ухом выслушивать комментарии миссис Трэнтер: местоположение резиденции, родственники, предки, а другим – ехидные Эрнестиныны замечания *sotto voce**.

*Шепотом (*um.*).

Автор использует итальянское заимствование *sotto voce* для придания эпизоду особой атмосферы: светскую музыку на концерте не исполняли, так как он проходил во время Великого поста, однако на него был приглашен итальянский пианист-аккомпаниатор синьор Риторнелло. Как видим, в переводе итальянское выражение было сохранено, что и привело к созданию сноски с его переводом на русский язык.

Переводы с немецкого языка

В переводном тексте встречается всего одно примечание, содержащее русский эквивалент трансплантированного вкрапления на немецком языке. В контексте, где встречается заимствованное немецкое

существительное, речь идет о Вэрской Пустоши, расположенной недалеко от Лайма, основного места действия романа. Эта земля, как повествует Дж. Фаулз, считалась общинной, но потом ее неприкосновенность была нарушена, и от нее отторгли несколько участков для пашни:

Джентльмен, живший в одном из больших домов, расположенных за террасами, совершил тихий *Anschluß**, причем, как это уже не раз бывало в истории, с одобрения своих сограждан (*там же*).

*Присоединение (*нем.*)

Понятно, что автор сравнивает этот эпизод с известным историческим событием, в результате которого Австрия стала частью Германии. В русском языке за этим событием закрепился германизм *аншлюс*. Необходимость и обоснованность этого примечания вызывают такие же сомнения, что и в случае с заимствованием *comme il faut*, которое было рассмотрено выше.

Переводы с арамейского языка

Перевод произведения на русский язык сопровождается одно примечание с русским эквивалентом арамейской фразы. По сюжету одна из героинь романа, миссис Поултни, была крайне набожна и заставляла своих слуг ежедневно служить заутреню, петь религиозные гимны, читать молитвы и отрывки из Библии. В следующем эпизоде Дж. Фаулз описывает то, как Сара, горничная миссис Поултни, читая Библию, растрогалась и заплакала. В сноске М. И. Беккер приводит перевод данного библеизма на русский язык:

Однажды, дойдя до слов “*Lama, lama, sabachthane me*”*, она запнулась и умолкла. Обернувшись к ней, миссис Поултни увидела, что лицо ее залито слезами (*там же*).

*Боже, Боже, зачем Ты меня покинул (*арам.*)

Интересно, что в авторском тексте, который был воспроизведен в тексте перевода без изменений, обращение Иисуса Христа к Господу несколько искажено по сравнению, к примеру, с англоязычной версией канонического Евангелия от Матфея, ср.: «*Lama, lama, sabachthane*

me» и «Eli, Eli, lema sabachthane?» (<https://www.biblegateway.com/verse/en/Matthew%2027:46>).

Комментарии авторского текста и его перевода на русский язык

В сопоставлении с первой категорией, данная группа не так многочисленна и насчитывает всего четыре комментария, что составляет 5% от общего количества подстрочных примечаний к роману. В эту категорию вошли сноски, которые относятся к переводному тексту на русском языке и содержат пояснение выполненного перевода, а в некоторых случаях также проясняют смысл исходного текста. На наш взгляд, их небольшое количество объясняется общей стратегией М. И. Беккер в отношении составления примечаний. Как следует из проанализированного практического материала, подстрочные примечания в основном включают переводы иноязычных заимствований, в то время как комментарии, касающиеся содержания авторского текста, вынесены в затекстовые примечания к роману. Данная категория сносок осталась среди подстрочных примечаний, так как они в первую очередь затрагивают лингвистическую сторону оформления текста перевода. Например, каждую главу Дж. Фаулз начинает со стихотворного эпиграфа, и в первой сноске к произведению на русском языке М. И. Беккер указывает авторство этих поэтических переводов:

*Здесь и далее стихи в переводе И. Комаровой.

Следующее переводческое примечание поясняет особенности авторской ономастики:

– На днях я познакомился с таким образчиком местной флоры, что готов отчасти с вами согласиться <...> Ее фамилия, кажется, Вудраф*. Она служит у миссис Поултни.

*Woodruff (*англ.*) – ясменник пахучий, травянистое растение, встречающееся в окрестностях Лайм-Риджиса.

Фамилия Сары, одной из главных героинь романа, о которой и идет речь в данном отрывке, совершенно неинформативна для русскоязычной аудитории переводного произведения. Если бы М. И. Беккер не

сделала сноску, получателям перевода было бы непонятно, почему Чарльз называет ее «образчиком местной флоры».

Процентное соотношение подстрочных примечаний к роману представлено на рисунке 1:

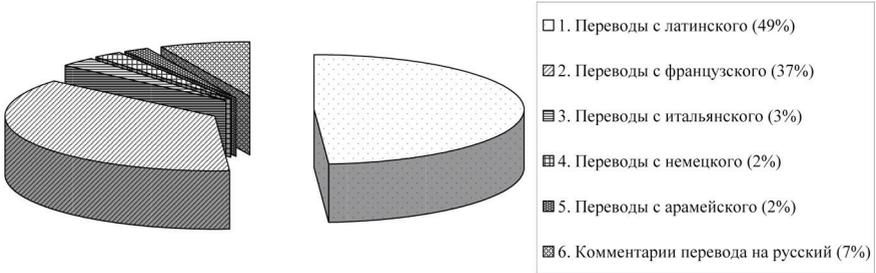

Рис. 1. Подстрочные примечания к роману Дж. Фаулза «Любовница французского лейтенанта»

Оговорим, что выделенные разновидности переводческих примечаний, их оформление и количественное соотношение определяются спецификой исходного текста, идиостилем писателя, стратегией перевода и подходом к составлению комментариев. Наличие или, напротив, отсутствие дополнительных метатекстов, так же как их виды, типы и количество, обычно обусловлено указанными факторами и индивидуально в каждом отдельном случае.

Заключение

Среди теоретиков и практиков перевода существуют разные мнения относительно оправданности переводческих примечаний, сопровождающих переводные произведения художественной литературы. Можно без преувеличения сказать, что этот вопрос делит их на два противоположных лагеря. Одни, порой весьма резко, высказываются против таких вспомогательных метатекстов и приводят самые разнообразные аргументы в поддержку данной точки зрения, начиная с того, что примечания отвлекают читателя от основного текста, тем самым нарушая целостность его восприятия [Влахов, Флорин 2009], и заканчивая тем, что переводчик таким образом расписывается «в собственном бессилии» [Галь 2007, с. 199]. Другие же, напротив, утверждают, что пояснительные комментарии позволяют эксплицировать

подразумеваемую, но недоступную получателю перевода информацию [Алексейцева 2009], при этом не внося изменений в авторский текст, для того чтобы сделать его более понятным для нового реципиента [Nida 1964].

Так или иначе, переводческие примечания – реально существующий и довольно широко распространенный феномен, наличие которого нельзя отрицать или игнорировать. На наш взгляд, дилемму относительно уместности примечаний в переводных художественных произведениях возможно было бы разрешить, всесторонне изучив и тщательно проанализировав уже имеющиеся сопроводительные метатексты на разных языках.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что подстрочные примечания, составленные М. И. Беккер к переводу романа Д. Фаулза «Любовница французского лейтенанта», не лишены недостатков: отдельные комментарии явно избыточны, в некоторых случаях нарушается принцип единства подхода к комментированию. Но можно с уверенностью утверждать, что вспомогательные переводческие метатексты дают русскоязычной читательской аудитории заметное преимущество перед получателями оригинально текста. Для того чтобы полностью понять все заложенные автором смыслы, англоговорящему читателю необходимо либо владеть теми же культурными и языковыми кодами, что и писатель, либо самостоятельно искать дополнительную информацию, которая позволила бы дешифровать произведение. Получатели перевода, в свою очередь, уже располагают искомыми сведениями, которые были отобраны и оформлены в виде постраничных сносок переводчиком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алексейцева Т. А.* Примечания переводчика: за и против // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 99. С. 117–121. [Alekseitseva, T. A. (2009). Primechanija perevodchika: za i protiv (Translator's notes: pros and cons). Izvestia Herzen University Journal of Humanities and Sciences, 99, 117–121. (In Russ.)].
- Арутюнова Н. Д.* Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1981. № 4. Т. 40. С. 356–367. [Arutyunova, N. D. (1981). Addressee factor. (Addressee factor). Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka, 40, 356–367. Vol. 4. (In Russ.)].

- Влахов С. И., Флорин С. П.* Непереводимое в переводе. М.: Валент, 2009. [Vlakhov, S. I., Florin S. P. (2009). *Neperevodimoe v perevode (Untranslatable in Translation)*. Moscow: Valent. (In Russ.)].
- Галь Н.* Слово живое и мертвое. М. : Время, 2007. [Gal, N. (2007). *Slovo zhivoje i mertvoje (Words Living and Words Dead)*. Moscow: Vremya. (In Russ.)].
- Денисова Е. А., Лапина Ю. И.* Художественная картина мира британских писателей-билингвов (на материале романа Джона Фаулза «Любовница французского лейтенанта» (John Fowles «The French Lieutenant's Woman») // XX юбилейные Царскосельские чтения. СПб., 2016. Т. I. С. 286–289. [Denisova, E. A., Lapina, Y. I. (2016). *Fictional worldview of bilingual British writers (based on the novel «The French Lieutenant's Woman» by John Fowles)*. XX yubileynye Tsarskoselskiye chteniya, 1, 286–289. St. Petersburg. (In Russ.)].
- Ильин И. П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М. : Интрада, 1998. [Ilyin, I. P. (1998). *Postmodernism ot istokov do kontsa stoletiya: evolutsiya nauchnogo mifa (Postmodernism from the Origins to the End of the Century: the Evolution of Scientific Myth)*. Moscow: Intrada. (In Russ.)].
- Мильчин А. Э., Чельцова Л. К.* Справочник издателя и автора. М. : Олимп : АСТ, 1999. [Milchin, A. E., Cheltsova, L. K. (1999). *Spravochnik izdatelya i avtora (A Handbook for Publishers and Authors)*. Moscow: Olimp : AST. (In Russ.)].
- Остапенко Д. И.* Переводческий метатекст: типология, структура и функции. М. : Современная экономика и право, 2015. [Ostapenko, D. I. (2015). *Perevodcheskiy metatekst: tipologiya, struktura i funktsii (Translator's Metatexts: Typology, Structure, and Functions)*. Moscow: Sovremennaya ekonomika i pravo. (In Russ.)].
- Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. [Ter-Minasova, S. G. (2000). *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya (Language and Intercultural Communication)*. Moscow: Slovo. (In Russ.)].
- Nida E. A.* Linguistics and Ethnology in Translation Problems // *Language in Culture and Society: a Reader in Linguistics and Anthropology*. 1964. P. 90–97.
- Schleiermacher F.* Friedrich Schleiermacher's sämtliche Werke. Dritte Abtheilung, Zur Philosophie. Zweiter Band. Berlin : G. Reimer, 1838.

УДК 821.124 + 811.124

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_220

И. В. Хорькова

кандидат исторических наук

доцент кафедры классической филологии

Московского государственного лингвистического университета

stauross@yandex.ru

АРНОБИЙ АФР И ЕГО АПОЛОГИЯ «ПРОТИВ ЯЗЫЧНИКОВ»

В статье представлен анализ одного из наиболее спорных произведений западной апологетической мысли – сочинения Арнобия Афра «Семь книг против язычников» («Adversus nationes libri septem»). За сочинением не только в отечественной, но и зарубежной литературе утвердилась характеристика запутанного и некорректного произведения. Дошедшая до нас информация о жизни и сочинении Арнобия, исследование его манеры письма и полемических приемов, свидетельствуют о прекрасном риторическом образовании автора и предвзятом отношении исследователей к его творчеству. Труд Арнобия надо рассматривать как критический трактат о греко-римском язычестве, а не как христианское апологетическое сочинение в классическом смысле.

Ключевые слова: христианские апологеты; греко-римское язычество; полемические приемы; латинская патристика; риторика.

V. Khorkova

PhD (History)

Associate Professor at the Department of Classical Philology

Moscow State Linguistic University

stauross@yandex.ru

ARNOBIUS AFER AND HIS APOLOGY “AGAINST THE PAGANS”

The article presents an analysis of one of the most controversial works of Western apologetic thought “Adversus nationes libri septem” (Seven books against the pagans) of Arnobius Afer. This composition established as a confused and not correct work not only in domestic, but also in foreign literature. The information that has reached us about the life and work of Arnobius, the study of his manner of writing and polemical techniques, testify to the excellent rhetorical education of the author and the bias of the negative attitude of researchers to his work. The work of Arnobius should be considered as a critical treatise on Greco-Roman paganism, and not as a Christian apologetic work in the classical sense.

Key words: Christian apologists; Greco-Roman paganism; polemic techniques; Latin patristics; rhetoric.

Введение

В настоящей статье мы представляем анализ одного из наиболее спорных произведений западной апологетической мысли – сочинения Арнобия Афры «Семь книг против язычников» («*Adversus nationes libri septem*»). Исследователи, особенно в отечественной историографии, редко обращаются к этому произведению по нескольким причинам. Во-первых, за трудом Арнобия утвердился характеристика запутанного и не вполне корректного сочинения. До некоторой степени это объяснимо. Будучи христианским апологетом, Арнобий не очень хорошо разбирается в христианском вероучении, которое вызвался защищать. Действительно, в его труде достаточно обвинений, адресованных язычникам, в то время как христиане того времени имели аналогичную практику. Однако Арнобий или не знает об этом, или обходит молчанием. Вот, например, типичное высказывание автора:

Numquid enim delubris ut templorum eum constructionibus honoramus? Numquid alias res damus, quas libere, profundere non est rationis expensae sed tracti per consuetudinem moris? Etenim plena dementia est, necessitatibus tuis potentiora metiri et quae tibi sint usui datoribus diis dare, et honorem istum, non contumeliam ducere¹ (*Arnobii. Adversus nationes libri VII*).

Разве мы чтим Его (Бога) святилищами или построением храмов? Разве мы посвящаем Ему другие предметы, приношение и возлияние которых служат требованием не разумного основания, а обычая, установившегося из-за привычки? Это совершенное безумие – по своим нуждам судить о более могущественном, и то, что требуется для тебя, приносить подающим это богам и считать это за честь, а не за поношение² (*Арнобий. Против язычников*).

Создается впечатление, что Арнобий не знает, что такое Евхаристия, что первые христиане, включая апостолов, собирались вместе в Иерусалимском храме (Лк. 24, 53; Деян. 3, 1). В начале же царствования Диоклетиана (244–311 гг. н. э.) христиане уже строили свои храмы [Рудаков 2000].

¹Зд. и далее: *Arnobii. Adversus nationes libri VII. Rec. A. Reifferscheid. Vindobonae: Apud C. Geroldi Filium Bibliopolam Academiae, 1875.*

²*Арнобий. Против язычников / пер. Н. М. Дроздова СПб. : Издательство СПб. университета, 2008.*

Аналогичную ситуацию наблюдаем, рассматривая христианские познания Арнобия. Например, наш апологет утверждает, что человек не создан Богом:

Minora haec illo sunt et magnitudinis eius destruunt potestatem tantumque est longe, istarum <ut> auctor rerum esse credatur, ut in sacrilegae crimen impietatis incurrat quisquis ab eo conceperit hominem esse prognatum, rem infelicem et miseram, qui esse se doleat, qui condicionem suam detestetur et lugeat, qui nulla alia de causa sese intellegat procreatum, quam ne materiam non haberent per quam diffunderent se mala, et essent miseri semper, quorum cruciatibus pasceretur nescio qua vis latens et humanitati adversa crudelitas (*Арнобий. Adversus nationes libri VII*).

Это слишком ничтожно для Него (Бога) и разрушает силу Его величия и настолько далеко от того, чтобы можно было признавать Его виновником этого, что впадает в преступление нечестия и богохульства тот, кто признает, что Им произведен человек, существо несчастное и жалкое, которое скорбит о своем существовании, проклинает и оплакивает свое положение и не видит другой причины для своего происхождения, кроме того, чтобы была почва для распространения зла и чтобы постоянно были несчастные, страданиями которых услаждалась бы какая-то сокрытая, жестокая и враждебная человечеству сила) (*Арнобий. Против язычников*).

Наш апологет смеется над утверждением, что после смерти души нечестивых томятся в аду, которое было принято не только в язычестве, но и в христианстве:

Sed memoratae apud inferos poenae et suppliciorum generibus multiformes? Et quis erit tam brutus et rerum consequentias nesciens, qui animis incorruptibilibus credat aut tenebras Tartareas posse aliquid nocere aut igneos fluvios aut caenosis gurgitibus paludes aut rotarum volubilium circumactus? Quod enim contiguum non est et ab legibus dissolutionis amotum est, licet omnibus ambiatur flammis torrentium fluminum, volvatur in caeno [non], saxorum imminentium casibus et immanium montium operiatur ruinis, inlibatum necesse est permaneat et intactum neque ullum sensum mortiferae passionis adsumere (*Арнобий. Adversus nationes libri VII*).

Указывают на наказания в преисподней и на разнообразные виды мучений. Но кто будет настолько неразумен и непоследователен, чтобы поверил тому, что нетленным душам могут причинить какой-либо вред или тьма Тартара, или огненные реки, или озера с грязными пучинами, или быстро вращающиеся колеса? Ибо что неосяземо и не подлежит

законам разрушения, то, хотя бы оно окружалось огненными реками, вращалось в грязи бурных потоков и было покрыто падающими нависшими скалами и обваливающимися огромными горами, необходимо должно оставаться невредимым и неприкосновенным и не испытывать никакого чувства смертельного страдания) (*Арнобий. Против язычников*).

Такая некомпетентность в вопросах христианских реалий наводит на мысль об общей несостоятельности Арнобия как автора.

Во-вторых, сочинение Арнобия дошло до нас в виде двух рукописей: «Codex Parisinus» IX века и «Codex Bruxellensis» XI века. К первой рукописи в качестве восьмой книги был присоединен диалог «Октавий» Минуция Феликса. Следует также сказать, что вторая рукопись является списком с первой, что значительно затрудняет работу переводчиков и исследователей, так как исключает возможность сравнения текстов для выявления правильных форм. При этом текст пестрит ошибками переписчиков, нелогичными вставками, просто нечитаемыми именами. Со времени первого издания «Adversus nationes» в 1543 году Ф. Сабеем издателями, переводчиками и исследователями проделана огромная работа по корректировке текста, тем не менее темных мест в сочинении еще достаточно.

Итак, невзирая на изложенные выше трудности, возникающие при работе с апологией Арнобия, мы попробуем разобраться в структуре и содержании его труда и, исходя из этого, поговорим о личности самого автора.

Что мы знаем об Арнобии и его апологии из источников?

Сведения об Арнобии содержатся в трудах видного христианского автора, переводчика Библии на латинский язык, Иеронима Стридонского (342–420). Он упоминает Арнобия трижды: в продолжении к «Хронике» Евсевия под 327 годом и два раза в сочинении «De viris illustribus» («О знаменитых мужах») [Иероним 1879, с. 79–80]. Из этих сообщений мы узнаем, что Арнобий был известным ритором в городе *Sicca Veneria* (совр. Ле Кеф, Тунис). Судя по названию, это была римская колония на территории провинции Африка. Арнобий жил в правление императора Диоклетиана (244–311). Годы жизни апологета определяются – между 260 и 327 годами [Harnack 1904]. Отсутствие *praenomen* и *cognomen*, характерных для римского имени, указывают на греческое происхождение автора. Чудесный сон заставил Арнобия уверовать в христианского Бога, он пожелал креститься,

в связи с чем получил от местного епископа заказ на написание апологии в защиту своей новой веры. Труд над сочинением пришелся, по мнению исследователей, на нелегкие годы христианских гонений между 303 и 311 годами [Дроздов 2008; Nicholson 1984].

Итак, сведения о нашем авторе, приведенные Иеронимом довольно типичны для жизнеописаний той эпохи. Значительно больше информации об авторе, его личности, образовании и пристрастиях дает само сочинение, к рассмотрению которого мы и собираемся перейти.

«Adversus nationes libri septem»

Несмотря на бедственное положение рукописей труда Арнобия и невысокое мнение о его сочинении в науке, представляется вполне возможным констатировать достаточно четкую структуру в его повествовании, если отбросить повторы и нелогичные вставки. Первую книгу можно охарактеризовать как введение; здесь мы находим постановку проблемы и изложение взглядов Арнобия на христианство. Автор, отвечая на обвинения язычников, заявляет свою точку зрения о том, что христиане не являются виновниками обрушившихся на мир бедствий. Фактически всё дальнейшее изложение фактов и идей направлено на обоснование тезиса о том, что язычники сами являются виновниками того, что их боги (если таковые существуют) на них гnevаются.

Efficietur enim profecto rationum consequentium copulatu, ut non impii nos magis, sed illi ipsi repperiantur criminis istius rei, qui se numinum profitentur esse cultores atque inveteratis religionibus deditos (Aronobii. Adversus nationes libri VII).

Из последовательного ряда доводов будет, без сомнения, вытекать заключение, что не столько мы безбожники, сколько те (язычники – И. X.) оказываются виновными в этом преступлении, кто выдают себя за почитателей богов и за приверженцев укоренившихся религий) (*Арнобий. Против язычников*).

Арнобий последовательно доказывает эту мысль, опираясь в третьей и четвертой книге на познания самих язычников о богах, в пятой книге – на сведения о языческих праздниках и мистериях, в шестой книге – на известное об изображениях богов и языческих храмах, в седьмой – на данные о кровавых жертвоприношениях. Сама по себе четкость структуры произведения говорит о логичности и компетентности автора по вопросам языческой культуры и культа. И здесь

всецело подтверждается сообщение Иеронима о том, что Арнобий был известным ритором. Его риторическое образование прекрасно прослеживается в его труде и в тех полемических приемах, которые он использует.

Обратимся непосредственно к тексту апологии. В самом начале труда находим градацию:

Postquam esse nomen in terris Christianae religionis coepit, **quidnam inusitatum, quid incognitum, quid contra leges principaliter institutas** aut sensit aut passa est rerum ipsa quae dicitur appellaturque natura? (*Arnobii. Adversus nationes libri VII*).

После того как получило начало на земле имя христианской религии, что необычайного, что неизвестного, что вопреки законам, изначально установленным, испытала или потерпела сама так называемая природа? (*Арнобий. Против язычников*).

Затем – целую серию вопросов с лексическим повтором:

Numquid in contrarias qualitates prima illa elementa mutata sunt, ex quibus res omnes consensum est esse concretas? **Numquid** machinae huius et molis, qua universi tegimur et continemur inclusi, parte est in aliqua relaxata aut dissoluta constructio? **Numquid** vertigo haec mundi, primigenii motus moderamen excedens, aut tardius repere aut praecipiti coepit volubilitate raptari? **Numquid** ab occiduis partibus attollere se astra atque in ortus fieri signorum coepta est inclinatio? **Numquid** ipse siderum sol princeps, cuius omnia luce vestiuntur atque animantur calore, exarsit, intepuit atque in contrarios habitus moderaminis soliti temperamenta corruptit? **Numquid** luna desivit redintegrare se ipsam atque in veteres formas novellarum semper restitutione traducere? **Numquid** frigora, **numquid** calores, **numquid** tepores medii inaequalium temporum confusionibus occiderunt? **Numquid** longos habere dies bruma et revocare tardissimas luces nox coepit aestatis? **Numquid** suas animas expiraverunt venti emortuisque flaminibus neque caelum coartatur in nubila nec madidari ex imbribus arva succedunt? (*Arnobii. Adversus nationes libri VII*)

Разве те первичные элементы, из которых, по всеобщему мнению, все образовалось, изменили свои качества на противоположные? Разве строй того огромного чудного сооружения, которое над всеми нами простирается и всех нас окружает, ослабел или разрушился в какой-либо части? Разве вращение небесного свода оставило меру первоначального движения и начало или слишком медленно тянуться, или нестись с головокружительной быстротой? Разве восхода звезд начало происходит на западе,

а заход светил – на востоке? Разве главное из светил, само солнце, светом которого все облекается и теплотой которого все оживляется, перестало пылать, охладело и изменило обычную температуру в противоположные свойства? Разве луна перестала возобновляться и, постоянно восстанавливая новые формы, переходить в прежние? Разве холод, разве тепло, разве средняя температура разных времен [года] перепутались и исчезли? Разве зима начала иметь длинные дни, а летние ночи слишком поздно возобновлять [дневной] свет? Разве ветры утратили свою способность дуть, и, по прекращении дуновений их, небо не покрывается облаками и поля не орошаются дождями?) (*Арнобий. Против язычников*).

Внутри отрывка мы находим также гиперболы, противопоставления и целую серию риторических вопросов.

Надо отметить, что риторический вопрос занимает особое место в апологии Арнобия. Мы можем указать на целые главы его труда, полностью состоящие из риторических вопросов (например, 1 книга: главы 4, 5, 11, 17 и т. д.). Это и неудивительно. Первые христианские апологии часто имели диалогическую форму, представляя собой как бы спор между язычниками и христианами, как, например, диалог «Октавий» Минуция Феликса (II в. – 210 г. н. э.).

Кроме того, те, кто занимался риторикой и упражнялся в риторическом искусстве, часто выступали в качестве обвинителей или адвокатов на судебных процессах. Отсюда сходство апологетических сочинений с судебной речью. В соответствии с требованиями жанра апологии часто содержат терминологию римского права и построены в форме диалога между истцом и ответчиком. По замечанию В. С. Дурова, сочинение другого христианского писателя Тертуллиана – это «проведенная по всем правилам правовой аргументации судебная защита христиан» [Дуров 2003, с. 13]. То же можно сказать и об Арнобии. Вот типичный образчик из его труда:

Quia quae sint in litibus constitutiones? Quot causarum genera, quot dictionum, quid sit genus, quid species, oppositum a contrario quibus rationibus distinguatur, idcirco vos arbitramini scire, quid sit falsum, quid verum, quid fieri possit aut non possit, quae imorum summorumque natura sit? Numquam ne illud vulgatum perstrinxit aures vestras, sapientiam hominis stultitiam esse apud deum primum? (*Арнобий. Adversus nationes libri VII*)

Так как [вы знаете], какие существуют формы установления спорных пунктов, сколько есть родов судебных процессов и изложения, что такое

род и вид и чем отличается противоположное от противоположаемого, то неужели вы поэтому считаете себя знающими, что истинно и что ложно, что может или не может быть и в чем состоит сущность низшего и высшего? Неужели до вашего слуха никогда не достигало известное изречение, что мудрость человеческая есть глупость перед верховным Богом?» (Арнобий. *Против язычников*).

Как ни недостаточны познания Арнобия в христианском вероучении здесь мы находим реминисценцию на Первое послание к Коринфянам апостола Павла: «Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1Сор 3 : 19).

Для решения вопроса о ценности сочинения Арнобия для антиковедения следует обратиться к его источниковой базе, т. е. к тем сочинениям его предшественников, языческих авторов, с опорой на которые наш апологет писал свое произведение. Количество ссылок в самом труде Арнобия выделяет нескольких античных авторов, прежде всего это антиквар и энциклопедически образованный ученый своего времени – Марк Теренций Варрон (116–27 гг. до н. э.). На сочинения этого автора Арнобий дает наибольшее количество ссылок в своем труде – более 15. Это при учете, что Арнобий далеко не всегда точно указывает источник своей информации. Варрон был очень плодовит. Он написал более 70 произведений в 600 книгах, был сведущ во многих областях знаний, начиная от сельского хозяйства до лингвистических теорий латинского языка. Наибольший интерес для нашей темы представляют его сочинения «*Antiquitates rerum divinarum et humanarum*» («Божественные и человеческие древности»), «*De gente populi Romani*» («О происхождении римского народа»), на которое ссылается Арнобий, и «*De vita populi Romani*» («О жизни римского народа»). К сожалению, эти сочинения Варрона не сохранились, и мы можем судить о них только по цитатам из более поздних авторов, в том числе Арнобия.

Большим уважением нашего апологета пользуется известный политический деятель, оратор и ученый Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н. э.), которого Арнобий называет «красноречивейшим из римлян» (*Tullius Romani disertissimus generis*). И хотя ссылок на Цицерона всего четыре в апологии Арнобия, он заимствует материал из произведений Цицерона или из источников последнего значительно чаще (см. статью автора «Арнобий и Цицерон: к вопросу о характере заимствования»).

Среди тех, кто составлял источниковый корпус апологии Арнобия, можно назвать младшего анналиста Валерия Анциата (I в. до н. э.), знатока этрусских древностей Нигидия Фигула (98–45 гг. до н. э.), теолога I в. до н. э. Грания Флакка и другие не менее значимые для римской историографии имена [Хорькова 2020, с. 692]. Всё это говорит в пользу надежности и достоверности сведений нашего автора, но не по реалиям современного ему римского мира III в. н. э., а по более раннему периоду языческих древностей Римского государства, о котором и писали его информаторы.

Историография

Труд Арнобия и раньше привлекал внимание исследователей. Главная задача, которая стояла перед учеными XIX–XX веков касательно труда Арнобия, определить характер его сочинения, что само по себе предполагает решение разнообразных проблем, связанных с его источниковой базой. Большинство исследователей сходятся во мнении, что апология Арнобия представляет собой обширную компиляцию с привлечением посредующих источников. Однако мнения о них у разных ученых расходятся, порой диаметрально. В. Кайль настаивает на использовании Арнобием позднего компендиума «*De originibus Urbis Romae*» («О происхождении города Рима») [Kahl 1889]. А. Зитте считает основным источником труда Арнобия несохранившуюся христианскую апологию и каталог богов I в. н. э. [Sitte 1970]. Ф. Туллиус называет теологическую энциклопедию, «*Liber de mysteriis*» («Книгу мистерий») и христианское сочинение «*Contra templa et simulacra*» («Против храмов и изображений») III в. н. э. [Tullius 1934].

В конце позапрошлого века в науке разгорелся спор из-за несохранившихся сочинений известного мифографа III в. н. э. Корнелия Лабеоны. Г. Кеттнер, сопоставив фрагменты сочинений Арнобия, Макробия и Сервия, пришел к выводу о главенствующей роли трудов Корнелия Лабеоны в качестве источника апологии Арнобия [Kettner 1877]. Некоторые коллеги поддержали его, так что эта точка зрения нашла свое отражение в статье Г. Виссова о Корнелии Лабеоны в таких авторитетных изданиях, как «*Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*» [Wissowa 1900] и в «Истории римской литературы» М. Шанца [Schanz 1896]. Однако непосредственные исследователи труда Арнобия не согласны с этим мнением. Если А. Зитте

считает возможным опосредованное использование Арнобием трудов Лабсона через христианскую апологию в нескольких фрагментах [Sitte 1970], то Ф. Туллиус вообще не находит следов Лабсона в сочинении Арнобия и считает бездоказательным утверждение о зависимости второго от первого [Tullius 1934].

Среди отечественных ученых интерес к сочинению Арнобия по указанным выше причинам всегда был невысок. Исключение составляет переводчик и комментатор апологии Арнобия Н. М. Дроздов, написавший в начале прошлого века исчерпывающий с точки зрения информативности очерк «Древнехристианский писатель Арнобий и его апология христианства» [Дроздов 1917]. Однако в этом труде большее внимание также уделяется христианским воззрениям Арнобия, структуре его труда и трудностям перевода.

Говоря о труде Арнобия, нельзя обойти молчанием скандально известный «перевод» его сочинения В. М. Тюленевым. Претендующий на оригинальность рерайтинг перевода Н. М. Дроздова встретил негативную оценку научного сообщества [Короленков 2011].

К творчеству Арнобия обращаются и современные ученые, однако области приложения их интересов весьма различны. Г. Г. Майоров в фундаментальном труде «Формирование средневековой философии. Латинская патристика» рассматривает произведение Арнобия с точки зрения философских представлений автора [Майоров 1979]. В. В. Бычков обращается к апологии Арнобия в русле исследования эстетических течений [Бычков 1981]. В. Н. Солнцева специально исследует антропологию и отношение к человеку в сочинениях апологетов, включая Арнобия [Солнцева 2010].

Заключение

Итак, к нашему великому сожалению, в отечественной историографии мы не найдем исследований, посвященных сочинению Арнобия с точки зрения истории языческой религии и мифологии, хотя именно этот материал апологии является наиболее обширным и заслуживающим внимания как историков, так и филологов. Признанный авторитет российского антиковедения профессор А. Ф. Лосев в труде «Мифология греков и римлян», ставшем классикой научной исторической литературы по проблемам мифологии, не единожды ссылается на сочинение Арнобия как источник информации по греко-римскому пантеону, не подвергая сомнению ее достоверность [Лосев 1996].

На наш взгляд, предвзятое отношение к рассматриваемому нами апологету было инспирировано тем, что его сочинение рассматривали прежде всего как апологию христианского вероучения, в котором он, действительно, довольно слаб, а не как критический трактат по язычеству (как, например, «*De natura deorum*» («О природе богов») Цицерона). А между тем в вопросах язычества Арнобий демонстрирует обширные и глубокие познания, что вполне согласно с его профессией ратора. Поэтому представляется, что детальное исследование труда Арнобия «Против язычников» еще даст свои плоды в деле постановки и разрешения сложных проблем римского язычества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бычков В. В.* Эстетика поздней античности (I–II вв.). М.: Наука, 1981. [Bychkov, V. V. (1981). *Estetika pozdnej antichnosti (I–II vv.)* (Aesthetics of late antiquity (I–II centuries)). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Иероним Стридонский.* Творения Блаженного Иеронима. Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкаго, 1879. Т. 8. [Ieronim Stridonskij. (1879). *Tvoreniya Blazhennogo Ieronima*. (The Creations of Blessed Jerome). Vol. 4. Kiev: Tipografiya G. T. Korchak-Novickago. (In Russ.)].
- Дроздов Н. М.* Древнехристианский писатель Арнобий и его апология христианства. Историко-литературный очерк. Киев: тип. акц. о-ва «Петр Барский в Киеве», 1917. [Drozdov, N. M. (1917). *Drevnekhristsianskij pisatel' Arnobij i ego apologiya hristianstva*. Istoriko-literaturnyj ocherk (The ancient Christian writer Arnobius and his apology of Christianity. Historical and literary essay). Kiev: tip. акц. о-ва «Petr Barskij v Kieve». (In Russ.)].
- Дуров В. С.* Латинская христианская литература III–IV вв. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. [Durov, V. S. (2003). *Latinskaya hristianskaya literatura III–IV vv.* (Latin Christian literature of the III–IV centuries). St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU. (In Russ.)].
- Короленков А. В.* Господин заведующий кафедрой // *Studia historica*, 2011. XI. С. 341–354. [Korolenkov, A. V. (2011). Mr. Head of the Department. *Studia historica*, XI, 341–345. (In Russ.)].
- Лосев А. Ф.* Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. [Losev, A. F. (1996). *Mifologiya grekov i rimlyan*. (The mythology of the Greeks and Romans). Moscow: Mysl'. (In Russ.)].
- Майоров Г. Г.* Формирование средневековой философии (латинская патристика). М.: Мысль, 1979. [Majorov, G. G. (1979). *Formirovanie srednevekovoj filosofii (latinskaya patristika)*. (Formation of medieval philosophy (Latin patristics)). Moscow: Mysl'. (In Russ.)].

- Рудаков А.* Краткая история христианской церкви. М. : Издательство Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000. [Rudakov, A. (2000). *Kratkaya istoriya hristianskoj cerkvi*. (A brief history of the Christian church). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo podvor'ya Svyato-Troickoj Sergievoj Lavry. (In Russ.)].
- Солнцева В. Н.* Исследования антропологии Арнобия и Лактанция: опыт отечественной историографии // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2010. № 3. С. 11–28. [Solnceva, V. N. (2010). *Anthropology studies Arnobius and Lactantius: the experience of Russian historiography*. *Cursor Mundi: a man of antiquity, the Middle Ages and the Renaissance*, 3, 11–28. (In Russ.)].
- Хорькова И. В.* К вопросу об источниковой базе «Adversus nationes»: Валерий Анциат // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2020. № 24/1. С. 1319–1328. [Hor'kova, I. V. (2020). *On the source base of «Adversus nations»: Valerius Antias*. *Indo-European linguistics and classical philology*, 24/1, 1319–1328. (In Russ.)]. DOI: 10.30842/ielcp230690152425.
- Harnack A.* *Die Chronologie der Altchristlichen Literatur von Irenaeus bis Eusebius*. Leipzig: Hinrichs, 1904.
- Kahl W.* *Cornelius Labeo. Ein Beitrag zur spätromischen Litteraturgeschichte* // *Philologus*. 1889. 5. S. 719–806.
- Kettner G.* *Cornelius Labeo. Ein Beitrag zur Quellenkritik des Arnobius*. Naumburg: Nobel Press, 1877.
- Nicholson O.* *The date of Arnobius' Adversus gentes* // *Studia patristica*. 1984. # 15. P. 100–107.
- Schanz M.* *Geschichte der Römischen Litteratur bis zum gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1896.
- Sitte A.* *Mythologische Quellen des Arnobius*. Wien, 1970.
- Tullius F.* *Die Quellen des Arnobius im 4, 5 und 6 Buch seiner Schrift Adversus nationes*. Berlin, 1934.
- Wissowa G.* *Cornelius Labeo* // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 4/1 Bd., S. 1351–1355.

УДК 008+327

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_232

А. К. Галимзянова

преподаватель кафедры восточных языков
Дипломатической академии МИД России
Galaktika735@mail.ru

ПАНДА-ДИПЛОМАТИЯ КАК ПРОВОДНИК ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

В статье рассматривается панда-дипломатия как один из методов продвижения внешней культурной политики Китая на международной арене. Показано, что данный вид дипломатии является древнейшим способом ведения переговоров в Китае, генезис которого уходит во времена династии Тан, а также одним из ярчайших примеров «мягкой силы» в действии. Выявлена взаимосвязь между подписанием важных соглашений КНР с зарубежными странами и сдачей панд в аренду этим странам в рамках программы по сохранению и разведению редких видов животных.

Ключевые слова: панда-дипломатия; Китай; внешняя культурная политика; культурная дипломатия; мягкая сила.

A. K. Galimzyanova

Lecturer
at the Department of Oriental languages
Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry
Galaktika735@mail.ru

PANDA-DIPLOMACY AS A GUIDE OF FOREIGN CULTURAL POLICY OF CHINA

The article deals with the “panda diplomacy” as a Chinese method of promoting China’s foreign cultural policy globally. It is demonstrated that this type of diplomacy is an ancient way of negotiating in China, the origins of which go back to the Tang dynasty, and one of the prime examples of “soft power” in operation. Further the author reports the correlation between China signing important agreements with foreign countries and panda leasing under the program of endangered species protection.

Key words: panda diplomacy; China; foreign cultural policy; cultural diplomacy; soft power.

Введение

Панда-дипломатия – это дипломатический метод, который Китай использовал с 1940-х годов для укрепления дружеских отношений с другими странами, преподнося в качестве подарка или предоставляя в аренду больших панд. Этот уникальный дипломатический метод начался в период Китайской Республики (1912–1949): в 1941 году Сун Мэйлин (жена Чан Кайши) и Сун Айлин (жена Кун Сянси) от имени правительства Китайской Республики подарили пару больших панд Объединенному комитету по оказанию помощи китайским беженцам, поддерживаемому правительством США, в знак благодарности за помощь китайским беженцам во Второй мировой войне и тем самым создав такую модель политического подарка как панда-дипломатия. В 1946 году Национальное правительство (гоминьдановское 1926–1949) подарило Правительству Великобритании большую панду, положив начало процессу отъезда панд за границу в качестве национального подарка.

История панда-дипломатии Китайской Народной Республики началась в 1950-х годах. Бамбуковые медведи были преподнесены в качестве национального подарка тем странам, которые поддерживали хорошие дипломатические отношения с Китаем. Многие страны надеялись установить диалог с Китаем, включая Советский Союз, Северную Корею, Соединенные Штаты, Великобританию, Францию, Германию и Японию. Один из самых известных примеров панда-дипломатии приходится на 1972 год, когда после визита президента США Ричарда Никсона в Пекин, Китай отправил двух панд Линлин и Синсин в Вашингтонский национальный зоопарк. И это событие стало тогда ведущим заголовком «Нью-Йорк Таймс». Две большие панды стали символом нормализации китайско-американских дипломатических отношений.

Решение Китая подарить это редкое животное своему идеологическому противнику является прорывом в его традиционных дипломатических взглядах во время холодной войны. И следует сказать, что использование панд для выражения своих добрых намерений западному миру очень уместно. С тех пор Китай стал ассоциироваться у западных стран не просто как «красный коммунистический Дракон», но и очаровательная мягкая панда. Это сыграло положительную роль в продвижении дипломатии Китая и улучшении его международного имиджа.

Панда как инструмент дипломатии

Для Китая большая панда уникальна и завоевала любовь людей во всем мире. Для Пекина они гораздо больше, чем просто милые очаровательные плюшевые животные. Неофициальный талисман Китая уже давно является частью дипломатической стратегии КНР и используется китайскими лидерами, чтобы представить Китай как великодушную, доброжелательную супердержаву.

Китайское правительство раньше дарило больших панд некоторым странам как символ доброй воли и дружбы, но сокращение количества панд привело к политике аренды, начиная с 1982 года. Большинство текущих договоров аренды – это долгосрочная аренда, основной целью которой являются исследования и разведение. Например, в 2019 году пара панд была привезена в Данию на 15-летнюю аренду в рамках соглашения о сотрудничестве по охране и исследованию больших панд.

Китай обычно выдает панд в аренду другим странам на срок 10 лет за в 1 млн дол. США в год, большая часть которых предназначена для сохранения вида этих редких животных и для защиты их естественной среды обитания в Китае. Остальная часть используются для поддержки исследований центра по изучению и разведению панд в Чэнду. В эти расходы не включены даже дорогостоящие корма, уход и специальные парковые расходы, необходимые для заботы о панде. По имеющимся данным, Китай получает 400 тыс. дол. США за каждого детеныша панды, рожденного в иностранном зоопарке. А когда детенышу исполняется четыре года, его необходимо отправлять в Китай.

В последние десятилетия большая панда, являющаяся логотипом Всемирного фонда дикой природы, стала синонимом защиты дикой природы. На сегодняшний день большие панды больше не находятся под угрозой исчезновения, но их относительно медленное воспроизводство и ограниченное количество разновидностей бамбука делают этих животных очень уязвимыми. Симон Кларк, исполнительный директор Всемирного общества защиты животных в Австралии и Новой Зеландии, сказал, что в горах западного Китая осталось менее 2 тыс. больших панд. С помощью искусственного разведения китайское правительство вывело больших панд из маргинальной популяции. Однако потребности диких животных могут быть полностью удовлетворены только в дикой природе. «Поэтому мы призываем

правительство Китая увеличить численность диких больших панд, уделяя приоритетное внимание сохранению и расширению их естественной среды обитания» [熊猫: 谁说我只会卖萌撒娇? 搞起外交来很有一套! URL].

Взаимосвязь между сдачей панд в аренду и заключением крупных соглашений

Выбор стран, получающих панд в аренду, неслучаен. Как правило, эти страны являются крупными торговыми партнерами Китая. Это США, Япония, Южная Корея и др. Особая роль панд была четко подмечена в одной из статей газеты «Файнэншл Таймс»: «Следуйте за бамбуковым медведем: именно он является отличным проводником интересов внешней политики Китая»¹ [Kynge, Dyer, Blitz 2011].

Согласно последним данным Чэндуской исследовательской базы по разведению больших панд (центр по изучению и разведению панд в Чэнду), всего около 60 панд в настоящее время арендованы в 19 странах.

Старший научный сотрудник аналитического Института Лоуи в Сиднее Ричард Макгрегор, отметил, что большая панда – это «дипломатический инструмент, который предоставляется партнерам, достойным сотрудничества, чтобы продемонстрировать дружбу»². Он отметил, что панды также приносят пользу зоопарку, который их принимает, потому что именно они привлекают туристов.

Исследование, опубликованное Оксфордским университетом в журнале «Environmental Practice» в 2013 году, показало, что Китай сдает панды в аренду странам, подписавшим с ним соглашение о свободной торговле, или странам, которые предоставляют Китаю природные ресурсы и передовые технологии [Kathleen Carmel Buckingham, Jonathan Neil William David & Paul Jepson 2013].

Так, например, вскоре после того, как Австралия согласилась поставить уран в Китай в 2006 году, зоопарк Аделаиды арендовал панд Ванван и Фуни. В 2011 году две панды в рамках программы по сохранению редких видов животных были переданы в зоопарк Эдинбурга. Вскоре после этого события Китай подписал ряд важных контрактов

¹Зд. и далее перевод наш. – А. Г.

²大熊猫“网网”和“福妮”落户南澳的幕后故事. URL: <https://www.abc.net.au/chinese/2019-11-28/giant-pandas-wang-wang-and-fu-ni-to-stay-in-adelaide-until-2024/11747454> (дата обращения: 17.09.2020).

с Шотландией: на поставку лосося, сотрудничество в области исследования альтернативных источников энергии, соглашения по экспорту автомобилей. Общая сумма подписанных контрактов составила порядка 2,6 млрд фунтов стерлингов. В 2017 году пара панд прибыла в Германию в знак установления 45-летия дипломатических отношений между Китаем и Германией. А по итогам переговоров лидеров двух стран, был подписан ряд документов о двустороннем сотрудничестве в различных областях, в том числе по совместным исследованиям в области разведения большой панды. Также было объявлено о подписании ряда крупных экономических и торговых соглашений, в том числе с компанией «Airbus» на сумму около 22 млрд долл. США (около 13,9 млрд юаней) [Галимзянова 2020, с. 17].

Панда как средство пропаганды культуры Китая

Китайские официальные СМИ часто публикуют видео и фотографии, на которых панды спотыкаются и заваливаются и усердно жуют бамбук. Большие панды всегда были по-детски наивны.

Керри Браун, профессор китаеведения и директор Института Китая им. Лау при Королевском колледже в Лондоне сказал, что эти животные не только очаровательные, они также являются символом Китая. Большие панды помогают Китаю продвигать концепцию страны, защищающей ее природные ресурсы¹.

Джорджия Грайс из Австралийского института стратегической политики заявила, что Китай использует панд для улучшения своего имиджа в других странах. Грайс подчеркнула, что исторически китайская культура ассоциировалась с образом могущественного дракона, а теперь произошло «абсолютно очевидное изменение», превращение в «пушистую, милую и безопасную большую панду»².

С подъемом экономики Китая в 1990-х годах и его политическими контактами с западными странами, использование изображения панды также увеличилось, что весьма любопытно. По словам Грайс китайские и международные СМИ поставили панду в особое положение, где она стала своеобразным феноменом. В Чэнду весь город полон предметов с символикой панд: чайные сервизы, цветочные

¹ 熊猫：谁说我只会卖萌撒娇？搞起外交来很有一套！URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_2362799 (дата обращения: 17.09.2020).

² 熊猫：谁说我只会卖萌撒娇？搞起外交来很有一套！URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_2362799 (дата обращения: 17.09.2020).

кашпо, предметы одежды. Это изображение настолько популярно, что панды превратились в настоящую индустрию.

Пушистая пухленькая большая панда с парой темных кругов под опущенными глазами способна привлечь внимание тысяч людей. Она не только симпатяжка, но и национальное достояние, а также уникальный символ, который может представлять образ Китая в мировом сообществе. С древнейших времен и до наших дней детеныши панд играли важную роль в международных отношениях Китая и в экспорте китайской культуры за рубеж. От «панда-дипломатии» до «сдачи панд в аренду», а затем и до «культурного взаимодействия панд» по всему миру.

В Древнем Китае императора провозглашали воплощением дракона, китайский народ всегда называл себя «потомками Дракона» (т. е. ханьцами), а священный и могущественный «Дракон» считался китайским тотемом. Но на Западе, особенно в некоторых европейских странах, представление о «драконе» несколько иное. В глазах жителей Запада дракон часто ассоциируется со злом, что заставляет их с самого начала сомневаться в «китайском драконе», и часто бывает трудно понять титул «потомок Дракона».

По сравнению с гигантским драконом, который может жить только в воображении, пухленькая и простодушная черно-белая большая панда более реалистична для распространения китайской культуры за рубеж. Большая панда – редкое животное, уникальное для всего мира. Такая врожденная привлекательность панды не вызовет у людей чувство угрозы. Использование панда-дипломатии позволяет Китаю создавать позитивный и дружелюбный имидж страны в международных отношениях.

Спортивная панда-дипломатия

В 1990 году в Пекине с успехом прошли XI Азиатские игры, и их талисман – панда Панпан привлек внимание всего мира. Панпан родился в провинции Сычуань в 1980 году и является знаменитой панда-звездой в своей стране и за рубежом. Очаровательный образ Панпана завоевал симпатию жителей Китая. Панпан позволил большому количеству людей узнать новое лицо Китая после более чем 10 лет политики реформ и открытости. Во время Азиатских игр изображение бегущего Панпана, держащего золотую медаль, мелькало

в газетах и на телеканалах по всей стране почти каждый день. На этот раз появление панд в Азии и во всем мире снова произвело глубокое впечатление на культуру панд, которая представляет Китай в сознании людей всего мира. Все больше и больше стран знакомятся с культурой панд и глубоко увлекаются ею.

Рис. 1. Панпан, бегущий с золотой медалью¹

Рис. 2. Символ Олимпийских игр в Пекине Цзинцзин²

На Олимпийских играх 2008 г. в Пекине были определены пять талисманов (*кит.* 福娃 «Фува», в переводе на русский «Дети удачи») (bkr.info), и одним из пяти талисманов был выбран образ большой

¹熊猫：谁说我只会卖萌撒娇？搞起外交来很有一套！URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_2362799 (дата обращения: 17.09.2020).

²熊猫：谁说我只会卖萌撒娇？搞起外交来很有一套！URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_2362799 (дата обращения: 17.09.2020).

панды Цзинцзин. Цзинцзин (*кит.* блестящий, кристальный, искренний, добродушный, играющий лучами (bkr.info)) происходит из бескрайнего леса, символизируя гармоничное сосуществование человека и природы. Украшение на его голове восходит к изображению лепестков лотоса на фарфоровых изделиях времен династии Сун, представляющего собой черное из пяти олимпийских колец.

Хронология основных событий, связанных с панда-дипломатией

Самые ранние дипломатические записи о панде как «национальном достоянии» Китая появились во времена династии Тан (618–907). В 685 году нашей эры У Цзэтянь (624–705, императрица Китая из династии Чжоу) подарила пару живых панд и 70 шкур меха панд японскому императору Тэмму в знак своей дружбы.

В 1869 году французский натуралист и миссионер Арман Давид привез в Европу нескольких особей панд из уезда Баосин провинции Сычуань, вызвав «пандовый бум» в Европе.

В 1941 году Сун Мэйлин (1897–2003, китайский политический деятель, жена Чан Кайши) подарила Соединенным Штатам пару больших панд в знак благодарности, что положило начало современной китайской панда-дипломатии.

В 1957 году большая панда Пинпин была отправлена в Советский Союз в качестве государственного подарка, символизируя глубокие чувства между двумя странами.

После 1972 году Китай «активировал» панда-дипломатию и подарил больших панд Японии, Франции, Великобритании, Мексике, Испании и Федеративной Республике Германия.

В 1994 году две панды впервые обосновались в Японии в качестве «послов» по научно-исследовательским обменам.

В 1990 году панда Панпан стала талисманом Азиатских игр в Пекине.

В 2008 году выход мультфильма «Кунг-фу панда» вызвал мировой бум, и стал связующим звеном между китайской и иностранной культурами.

После 2008 года сдача панд в аренду зарубежным странам шла в ногу с торговлей ресурсами и технологиями. В 2011 году Китай

сдал в аренду Шотландии двух больших панд. Вскоре Китай и Шотландия подписали торговые соглашения по лососю, альтернативным источникам энергии и автомобилям на общую сумму 2,6 млрд фунтов стерлингов.

В 2013 году китайский новостной канал для международной аудитории установил десятки камер видеонаблюдения на базе Чэнду и в центре Янь. Зрители могут круглосуточно смотреть прямую трансляцию панды через веб-сайт и приложение.

Заключение

Панда-дипломатия является древнейшим методом ведения дипломатии, который использует Китай для выстраивания дружеских отношений с другими странами. Являясь символом Китая, панда помогает продвигать уникальную китайскую культуру за рубежом и выстраивать позитивный имидж страны. Панда-дипломатия помогает Китаю в установлении долговременных партнерских отношений с другими странами. Доверяя бамбукового медведя какому-либо государству, Китай тем самым демонстрирует свои добрые намерения.

Если раньше Китай преподносил бамбуковых медведей в качестве политического подарка, то в 1982 году всё изменилось. Ухудшение состояния экологической среды привело к резкому сокращению популяции панд, и Китай прекратил безвозмездное дарение панд за границу. Вслед за выдвижением политики реформ и открытости, Китай запустил проект аренды панд. Страны, которым нужны панды, могут использовать модель краткосрочной аренды бамбуковых медведей и оплатить передвижную выставку панд в местном зоопарке. Во время Олимпийских игр 1984 года в Лос-Анджелесе Китай временно предоставил местному зоопарку двух больших панд на три месяца, чтобы продемонстрировать поддержку Китаем Олимпийских игр. После Олимпийских игр две панды были одолжены зоопарку Сан-Франциско на трехмесячную выставку.

Прослеживается также определенная взаимосвязь между подписанием важных соглашений КНР с зарубежными странами и сдачей панд в аренду этим странам. Например, Китай направил панд в Канаду, Францию и Австралию почти синхронно с подписанием соглашений о торговле ураном с этими странами. Китаю нужен уран для строительства атомных электростанций.

Говоря о значении опыта панда-дипломатии для мирового сообщества, доцент Китайского университета коммуникаций Чжао Синьли отметил, что панды – черно-белые, но тем не менее очаровательно наивные. А в черно-белом существует определенная гармония. В международных отношениях, перед лицом конкуренции и противостояния, следует обращать внимание на пространство для сотрудничества¹. Китайцы верят, что панда, демонстрируя мягкость и доброту, подобно двум противоположностям ян и инь, когда они находятся в балансе, несет мир и гармонию.

Успехи панда-дипломатии в области выстраивания дружеских отношений с разными странами позволяют сделать вывод, что она является одним из самых ярких и универсальных примеров распространения культуры Китая в действии, а также проводником его внешней политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Галимзянова А. К. Китайско-германское сотрудничество как фактор формирования многополярного мира // Дипломатическая служба. 2020. №3. С. 14–19. [Galimzyanova, A. K. (2020). Kitajsko-germanskoe sotrudnichestvo kak faktor formirovaniya mnogopolyarnogo mira (Sino-German cooperation as a factor in the formation of a multipolar world). *Diplomaticheskaya sluzhba*, 3, 14–19. (In Russ)].
- Buckingham Kathleen Carmel, Neil Jonathan, William David, Jepson Paul. Environmental Reviews and Case Studies: Diplomats and Refugees: Panda Diplomacy, Soft “Cuddly” Power, and the New Trajectory in Panda Conservation // *Environmental Practice*. 2013. Vol. 15, Issue 3. Pp. 262–270. DOI: 10.1017/S1466046613000185
- Kynge J., Dyer G., Blitz J. China and Europe: Bear gifts for friends. The tour by the vice-premier reveals much about Beijing’s geostrategic goals. Follow the pandas: they remain a good guide to where China’s biggest foreign policy interests lie // *The Financial Times*. 14.01.2011. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/fc1f40f8-201c-11e0-a6fb-00144feab49a.html#axzz43MgLHXFX> (accessed 01.09.2020).

¹ “熊貓外交” 背后：在“黑白” 之间传递和合之道. URL: <http://www.chinanews.com/gn/2019/06-07/8858691.shtml> (дата обращения: 15.09.2020).

УДК 008+316.7

DOI 10.52070/2542-2197_2021_7_849_242

Е. И. Тарасова, А. В. Найденко

Тарасова Е. И., преподаватель
кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета
tanchang93@mail.ru

Найденко А. В., ведущий специалист
отдела анализа международных рынков Россельхознадзора
anastacibelyaeva@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В центре внимания данного исследования находится культурная политика Китая на современном этапе (2014–2015). Авторы рассматривают особенности культурной политики Китая, ее направления и тенденции развития. В работе анализируется механизм принятия решений и разработки культурных стратегий, особенности функций Министерства культуры КНР; исследуются функции региональных культурных департаментов провинции Гуандун и Сычуань.

Ключевые слова: культурная политика Китая; функции культурной политики; идеология; программы культурной политики.

E. I. Tarasova, A. V. Naydenko

Tarasova E. I., Lecturer
at the Department of Humanities and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University
tanchang93@mail.ru

Naydenko A. V., Leading Expert
International Market Analysis Department of Rosselkhoznadzor
anastacibelyaeva@mail.ru

CHARACTERISTICS OF MODERN CULTURAL POLICY OF CHINA: THE MAIN DIRECTIONS AND DEVELOPMENT TENDENCIES

In the spotlight of the research is the cultural policy of China at the current stage (2014–2015). The authors consider some characteristics of the cultural policy of China, its development directions and development tendencies. The article reveals the most considerable functions of the cultural policy of China. Special attention is paid to

the functions of the Ministry of Culture of the PRC. The functions of regional cultural departments of Guangdong and Sichuan provinces are also revealed.

Key words: cultural policy of China; functions of cultural policy; ideology; programs of cultural policy.

Введение

Китай – древняя цивилизация, в которой культурная политика на протяжении всей истории всегда занимала особое место в управлении государством.

На современном этапе развития Китая культурная политика (как внутренняя, так и внешняя) самим правительством называется «политика всех политик» (главная политика) [张晓琳 2012], что говорит о том, что в курсе развития страны культуре уделяется особое внимание. Китайское руководство ответственно относится к разработке всесторонней культурной политики на разных уровнях. В данной статье мы рассмотрим культурную политику в Поднебесной на государственном и региональном уровнях.

С начала проведения правительством КНР политики реформ и открытости (1978) в сфере культурной политики были предприняты шаги по расширению межкультурных обменов с целью распространения китайской культуры и, как следствие, повышения статуса Китая на мировой арене. Во внутренней же политике, касающейся культурного развития регионов и всего Китая в целом, также разрабатывается ряд принципов и программ, которые должны способствовать всестороннему «гармоничному развитию» китайской культуры и общества.

В настоящей работе нас интересует современный период развития внутренней культурной политики Китая. Мы рассмотрим структуру управления культурой в стране, программы, которые разрабатываются китайским правительством в сфере культурной политики, выявим стратегию культурного развития регионов. Важное место в исследовании занимает идеологический аспект культурной политики, принципы и программы, обеспечивающие идеологическую базу культурной политики.

Гипотеза данного исследования заключается в том, что развитие культуры в Китае на государственном и региональном уровнях проводится централизованно с небольшими различиями в функциях и задачах департаментов и со значительным идеологическим компонентом.

Исследование подготовлено в результате анализа статей китайских авторов по культурной политике Китая, кроме того, были анализированы исходные документы.

Исследование было представлено на IV Ежегодной конференции НИУ ВШЭ «Культурная политика: история и современность» 21–22 мая 2015 года, анализ и статья были подготовлены в рамках проекта «Зарубежная культурная политика» Лаборатории культурных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.

Стратегии и принципы культурной политики Китая

Мы обращаемся к тому, как китайское руководство разрабатывает программы и стратегии развития в различных сферах. Благодаря политической стратегии и стратегическому подходу китайское руководство решает задачи модернизации всех сфер общества – от экономики и политики до межнациональных отношений и культуры. В конституции КНР упоминается о том, что построение социализма с китайской спецификой и новые концепции развития возможны при упорной борьбе и развитии духовной общественной и экологической культуры [中华人民共和国宪法 2018].

Этапы разработки стратегий развития

1. *Создание исследовательских центров.* Стратегия культурной политики КНР является аналитической работой, над которой в течение длительного времени работает большое число исследовательских центров. Подобные центры изучают реальную экономическую, политическую и культурную ситуации.

2. *Взаимодействие с учеными.* Китайское руководство регулярно проводит заседания с представителями науки. В течение нескольких лет при ЦК КПК работает теоретический семинар, на заседаниях которого раз в месяц выступают ведущие представители академической общественности по политическим, экономическим и культурным проблемам, актуальным на момент проведения семинара. При таком подходе руководители, принимающие решения, имеют возможность взглянуть на проблему с разных сторон. Благодаря этому механизму, за годы реформ появились аналитики, которые разбираются в факторах, влияющих на внутреннее развитие страны.

3. *Изучение опыта других стран.* Китайские власти путем проведения анализа опыта других стран в различных сферах деятельности извлекают для себя необходимые уроки с целью предотвращения негативного развития событий в сферах политики, экономики и культуры.

4. *Принятие в расчет специфики.* Китайская власть при осуществлении модернизаций учитывает специфику исторического развития, менталитет своих граждан, экономический и культурный потенциал государства.

5. *Обращение к традиции.* Китайская власть часто обращается к традиционной культуре и истории, к авторитету значимых исторических фигур, к изречениям мудрецов и мыслителей прежних эпох. Ярким примером такого культурного заимствования может считаться обращение к великому мудрецу Древнего Китая Конфуцию.

6. *Подготовка и переподготовка кадров.* Китайское руководство уделяет большое внимание подготовке кадров для успешного проведения стратегий развития. В Китае сложилась стройная система подготовки и переподготовки партийных и государственных кадров, а также кадров в культурной сфере (представители академической науки). Все работники (вне зависимости от занимаемой должности) проходят переподготовку. Широко практикуются стажировки за границей.

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению непосредственно программ культурной политики Китая, необходимо уделить внимание ключевым принципам, которыми руководствуется правительство Китая при составлении и осуществлении внутренней политики.

Ключевые принципы внутренней культурной политики Китая на современном этапе развития

1. Опора на национальную культуру. В одном из докладов бывшего председателя ЦК КПК Цзян Цзэмина тема культуры занимает главное место: «Национальный дух – та опора, которая влияет на развитие нации. Нация, у которой нет благородства качеств и возвышенности, не может развиваться. За пять тысяч лет китайская культура выработала у себя великий национальный дух, в центре которого находится патриотизм и который виден в сплоченности и единении, миролюбии, трудолюбии, мужестве и стремлении вперед китайского народа»¹ [张晓琳 2012].

¹ Перевод авт. – Е. Т., А. Н.

2. Включение конфуцианских ценностей в контекст современной культурной политики. Делается акцент на моральное воспитание народа и личности, на формирование моральных представлений. За счет использования политических установок конфуцианства КПК пытается влить новую жизнь и обновить свою идеологическую платформу. Так, китайские власти стремятся объединить китайское общество.

3. Активное участия ученых в разработке культурной политики государства. Ученые творчески интерпретируют необходимые государству положения в сфере культуры для усвоения их гражданами.

Для понимания культурной политики Китая необходимо раскрыть смысл «построения социалистической духовной цивилизации» и «трех представительств» [王长松 2018]. Руководство Китая обратилось к конфуцианской формуле «управление государством на основе добродетели» (добродетельное правление), сюда же можно отнести курс «трех представительств», идея которого была заложена еще Конфуцием. Эта формула является основой курса КПК и частью «строительства социалистической духовной цивилизации» [王长松 2018].

Курсы «трех представительств»

1. Правитель страны должен поступать согласно морально-нравственным нормам, на личном примере показывать народу необходимость их исполнения.

2. Правитель страны должен заботиться о насущных интересах народа, пресекать всяческое давление на него.

3. На основе исполнения первого и второго условий, правитель страны должен заниматься морально-нравственным воспитанием народа.

Интересно, что современные лидеры КНР обращаются к этим постулатам Конфуция, которые являются одними из приоритетных направлений во внутривосточной практике.

Основой «духовной цивилизации» является «передовая культура» [王长松 2018], это лучшие стороны китайской национальной культуры, а также морально-нравственные идеалы. Для того чтобы усилить морально-нравственное воспитание народа, в КНР осуществляется Программа построения гражданской морали [王长松 2018]. Пять принципов Программы:

- 1) раскрепощение сознания, при котором практика – главный критерий истины;
- 2) смелое творчество и обновление;
- 3) продолжение движения вперед, несмотря на возникающие трудности;
- 4) упорная борьба;
- 5) бескорыстное служение.

Здесь большое внимание уделяется образованию народа, патриотическому воспитанию, морально-нравственному обучению.

По мнению руководства КНР, необходимо не упустить процесс развития моральных представлений людей и повлиять на развитие этих представлений: проводить в семье, на работе, в учебных заведениях уроки и семинары по моральному воспитанию граждан. Целью является объяснение гражданам, что приемлемо с точки зрения морали, а что – нет [2014–2019 年文娱颜料市场竞争格局及发展趋势研究报告 2014]. Мы можем определить подобную направленность как стремление к развитию социалистической культуры.

Формирование вышеуказанных моральных установок начинается с самого раннего возраста и продолжается всю жизнь. Осуществляется через социальные институты семьи, школы, работы. Моральное воспитание часто проводится с помощью организации творческого саморазвития в учебных заведениях, на предприятиях, с помощью проведения национальных праздников, агитационных мероприятий и маршей, издание массовой литературы – все они несут социалистическую окраску и «способствуют культурному и моральному воспитанию» [там же].

В процессе воспитания личности важное значение имеют «пять принципов любви»: любить Родину, любить семью, любить науку, любить труд, любить социализм. Остановимся на первом принципе – принципе патриотизма. Сразу после выхода Программы построения гражданской морали был опубликован ряд популярных брошюр, которые в упрощенной форме объясняли положения Программы. Одна из них – хрестоматия для «примерных граждан» [王长松 2018], в которой объясняется, что принцип «любить Родину» подразумевает: «как знание цветов и символики государственного флага, слов государственного гимна, так и знание истории Китая» [там же]. Кроме того, хороший гражданин: вежлив и цивилизован, на работе упорно

трудится и с уважением относится к своему делу, в семье у такого гражданина – гармония, он почитает стариков и любит детей.

Культурная политика Китая на государственном и региональном уровнях

На государственном уровне культурной политикой руководит Министерство культуры КНР – высший орган по вопросам культуры. Под его руководством осуществляется управление в сфере культуры и искусства. Его основные функции [文化和旅游部主要职责 2014]:

1) разработка политического курса в области культуры и искусства, подготовка проектов законодательных и нормативных актов в сфере культуры и искусства;

2) разработка системы реформ профессионального развития в области культуры и искусства и их реализация;

3) осуществление управления в сфере культуры и искусства, руководство художественным творчеством и производством, развитие всех видов творчества, регулирование крупных культурных мероприятий национального характера;

4) стимулирование развития всеобщих услуг в области культуры, планирование и регулирование производства культурных материальных ценностей, руководство при построении культурной инфраструктуры;

5) разработка Программы развития культурной собственности, координация этого развития, стимулирование культурного обмена и сотрудничества.

6) разработка плана по охране духовного культурного наследия, разработка проекта соответствующих законодательных актов, реализация охраны культурного наследия и осуществление работы по распространению достояний национальной культуры;

7) осуществление управления в сфере социалистической культуры, руководство деятельностью библиотек и домов культуры;

8) разработка плана строительства культурного рынка, руководство работой по исполнению его общих законов культурного рынка, ответственность за реализацию таможенного контроля в предпринимательской деятельности в области культуры; осуществление работы по контролю негосударственных органов, осуществляющих театральную деятельность;

9) ответственность за предварительный просмотр литературы, выкладываемой в Интернет, за лицензии у интернет-клубов и других организаций, оказывающих интернет-услуги, за контроль онлайн-игр (сайты, которые содержат онлайн-игры, также проходят предварительный просмотр);

10) разработка плана по развитию производства мультфильмов и игр, координация развития мультипликации;

11) разработка плана по научно-техническому развитию культуры, контроль его реализации, стимулирование научно-технического строительства;

12) регулирование работы по культурному обмену и распространению иностранной культуры, организация разработки политической программы по культурному обмену с другими государствами, а также Гонконгом, Макао и Тайванем; работа по культурной организации дипломатических и консульских миссий за границей, в том числе в Гонконге, на Макао и Тайване; от имени государства подписывать договоры и соглашения с другими странами в области культуры; организовывать и осуществлять культурные обмены с другими странами;

13) решение вопросов, переданных Госсоветом.

Различное географическое положение и природные условия на территории Китая, а также длительный исторический процесс развития привели к различиям в культурных традициях на территории одной страны. Произошло формирование культурной специфики, обусловленной именно географическим положением.

Региональные культурные особенности включают в себя разные культурные традиции, культурный опыт и наследие, что позволяет регионам формировать свои направления развития, учитывая специфику культурных тенденций. Региональной культурной политикой занимаются региональные департаменты министерства культуры. Административно КНР подразделяется на: 4 города центрального подчинения, 22 провинции, 5 автономных районов и 2 специальных административных района. В каждом из этих субъектов государства находится такой департамент. Все они обладают одинаковой структурой и выполняют похожие обязанности и функции.

Рассмотрим бюрократическую структуру и обязанности нескольких региональных департаментов.

Основные обязанности и функции департамента культуры *провинции Сычуань*:

1) выполнять курс партии и государственный рабочий курс в области культуры и искусства, соблюдать государственный политический курс и законы, региональный рабочий курс в сфере культуры, региональные нормы права, устав и контролировать их исполнение;

2) разработать стратегию и план развития культурной сферы, стимулирующие культурные реформы;

3) разрабатывать план и политику культурной производственной сферы для ее координации; план, регламентирующий важные задачи строительства инфраструктуры;

4) регулировать культурное образование, сферу искусства, приводящих к развитию творчества и производства, поддерживать произведения искусства, стимулировать развитие разных видов искусств, образование и научную деятельность в сфере искусства;

5) регулировать культурный рынок в регионе, изучать ситуацию на культурном рынке и его развитие, разрабатывать план развития культурного рынка;

6) регулировать сферу социалистической культуры, разрабатывать план развития сферы социалистической культуры и воплощать его в жизнь; координировать развитие строительства и развитие социалистической культуры в разных направлениях;

7) осуществлять руководство деятельностью библиотек, организовать их интернет-развитие, стандартизацию и модернизацию;

8) регулировать работу по культурному обмену с другими государствами, а также Гонконгом, Макао и Тайванем;

9) руководить в регионе материальной культурой и деятельностью музеев;

10) заниматься вопросами, переданными Госсоветом.

Структура департамента: канцелярия; отдел кадров; департамент финансов и экономики; департамент управления культурного рынка; департамент производственной культуры; департамент социалистической культуры; департамент образования, науки и техники; департамент связей с зарубежными странами [四川省文化和旅游厅机构简介 2014].

Основные обязанности и функции департамента культуры и туризма *провинции Гуандун*:

- выполнять курс партии и государственный рабочий курс в области культуры и искусства, соблюдать государственный политический курс и законы, нормы права, разработка регионального рабочего курса в сфере культуры, региональных норм права, устав и контролировать их исполнение;
- регулировать культурное образование, сферу искусства, приводящих к развитию творчества и производства, поддерживать произведения искусства, стимулировать развитие разных видов искусств;
- развивать общественную сферу услуг в области культуры и искусства, общественное производство в этой области для строительства важных объектов и фундамента культурной инфраструктуры;
- следить за выполнением законов в области культуры, нести ответственность за контроль предпринимательской деятельности в сфере культуры и за контроль негосударственных органов, осуществляющих театральную деятельность;
- стимулировать развитие культурной производственной области, разрабатывать план по развитию производства мультфильмов и игр, осуществлять их, возглавлять и координировать это развитие, нести ответственность за предварительный просмотр литературы, выкладываемой в Интернет; контролировать сферу услуг интернет-развлечений;
- нести ответственность за предварительный просмотр литературы, выкладываемой в Интернет;
- разрабатывать план по охране духовного культурного наследия, разрабатывать проект соответствующих законодательных актов, реализовывать охрану духовного культурного наследия и осуществлять работу по распространению достояний национальной культуры;
- регулировать работу по культурному обмену и сотрудничеству;
- развивать культуру и искусство, организовывать научную исследовательскую и образовательную работу в этой области;
- заниматься вопросами, переданными Госсоветом [广东省文化和旅游厅职能 2014].

Департамент состоит из: канцелярии; отдела кадров; департамента финансов и экономики; департамента управления культурного рынка; департамента производственной культуры; департамента социалистической культуры; департамента образования, науки и техники; департамента связей с зарубежными странами. В ведении Департамента также находятся два объекта, которые занимаются вопросами

культуры региона: Музей провинции Гуандун, Сервисный центр департамента.

Таким образом, структура и функции департаментов культуры провинций Сычуань и Гуандун похожи, что подтверждает централизованность управления развитием культуры в Китае.

Культурное развитие сельскохозяйственных районов и деревень

Тема культурного развития сельскохозяйственных районов Китая заслуживает отдельного внимания.

В последнее десятилетие правительство Китая стремится к многоуровневому развитию деревни и сельскохозяйственных районов. Политика правительства направлена на устранение отсталости сельских регионов в экономической, социальной и культурной сферах.

Большая часть населения Китая живет в сельской местности, правительство Китая отдает значительный приоритет многостороннему развитию сельских регионов, направленному на быстрое развитие и процветание сельских районов. Одним из пунктов стратегии развития сельских регионов является развитие культуры для построения «гармоничного социалистического общества» [艾 军 2014, с. 61].

Стратегия по культурному развитию деревни включает в себя:

1) распространение социалистической прогрессивной культуры (идеологическое воспитание) в школах, детских садах;

2) развитие общественно-полезных культурных мероприятий (пропаганда образования, проведение театральных представлений, развитие интереса у молодежи в сфере науки и техники, физическое воспитание, художественные выставки);

3) обеспечение крестьян культурными услугами (распространение радио- и телевидения, создание библиотек, школ и детских садов); финансирование программы «трех необходимостей» – необходимости литературного просвещения, необходимости театрального просвещения, необходимости обеспечения теле- и радиовещания [艾 军 2014, с. 61];

4) создание культурных центров и организация в них различных групп по интересам; поощрение творческой самодеятельности граждан (танцевальной, музыкальной и художественной самодеятельности).

Правительство КНР стремится к созданию более благоприятных условий для жизни граждан в сельскохозяйственных районах. В программу по развитию деревни входят следующие задачи и особенности:

- 1) сокращение численности бедного населения;
- 2) стремление к ликвидации бедности;
- 3) улучшение условий жизни и труда, повышение прожиточного минимума;
- 4) экономические, научно-технические, воспитательные меры, меры планового деторождения;
- 5) популяризация образования, повышение уровня медицины и здравоохранения;
- 6) пропаганда саморазвития;
- 7) усиление развития сельского хозяйства, производство нужных рынку товаров;
- 8) создание системы социального обеспечения, снижение коэффициента возвращения к бедности.

Заключение

Мы рассмотрели функции, структуру и идеологию культурной политики Китая на современном этапе. Уделили внимание некоторым особенностям культурной политики Китая, ее направлениям и тенденциям развития, раскрыли специфику наиболее значимых функций культурной политики.

В работе были проанализированы основные направления культурной политики Китая на государственном уровне, в частности, мы рассмотрели механизм принятия решений и разработки ключевых культурных стратегий, специфику функций Министерства культуры КНР; описали принципы культурной политики на региональном уровне: были рассмотрены функции региональных культурных департаментов провинции Гуандун и Сычуань и стратегия развития сельских районов КНР.

Мы подтвердили нашу гипотезу о том, что управление и развитие культуры в КНР осуществляется централизованно и включает значительный идеологический компонент, несмотря на некоторые различия в функциях и задачах департаментов культуры (на примере провинций Сычуань и Гуандун).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- 艾军. 简谈农村文化建设存在的问题与对策//中国发展. Ай Цзюнь. Проблемы существующего культурного строительства в сельскохозяйственных районах и меры по их разрешению // Развитие Китая. 2014. Вып. 14 (5). С. 60–64. [Ai Czyun. (2014). The Problems and Countermeasures of Culture Construction in Rural Areas. China Development, 14(5), 60–64].
- 2014 – 2019年文娱颜料市场竞争格局及发展趋势研究报告//中国产业信息网. Отчет об исследовании конкурентной среды на рынке культурных развлечений Китая, а также тенденции его развития в 2014–2019 гг. // Информационный сайт о производстве в Китае, 2014. [Research report on the competitive environment in the Chinese cultural entertainment market, as well as its development trends. (2014). Information website about manufacturing in China]. URL: <https://www.chyxx.com/research/201408/275923.html> (дата обращения: 25.03.2021).
- 王长松. 中国文化产业政策演进研究(2002 – 2016)//南京社会科学. Ван Чжан Сун. Исследование развития культурной политики Китая в 2002–2016 гг. // Нанкинский журнал общественных наук. [Van Chjan Sun. (2018). The investigation of cultural policy in China (2002–2016). Nanjing Social studies journal. (In Chin.)]. URL: <https://www.ixueshu.com/h5/document/22cde1e97521595b05f883d5a3b80aab318947a18e7f9386.html> (дата обращения: 05.05.2021).
- 文化部政府信息公开工作2014年度报告 // 中华人民共和国文化和旅游部. Открытый отчет 2014 года о работе министерства культуры // Сайт Министерства культуры и туризма КНР. 2014. [Open report of Ministry of Culture work. (2014). Ministry of Culture and Tourism of the People’s Republic of China]. URL: zwgk.mct.gov.cn/zfxxgknb/2014n/202012/t20201204_904769.html (дата обращения: 14.03.2021).
- 张晓琳. 论文化建设——重要论述摘编//中国中央电视台. Чжан Сяо Лин. Обсуждение строительства культуры – важные выдержки // Центральное телевидение Китая. 2012. [Chjan Syao Lin. (2012). Conversation about cultural construction – vital points. CCTV]. URL: news.cntv.cn/china/20120220/117446.shtml (дата обращения: 20.04.2021).
- 中华人民共和国宪法//全国人民代表大会. Конституция КНР // Сайт Всекитайского собрания народных представителей. 2018. [The Constitution of the People’s Republic of China. (2018). National People’s Congress website]. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c505/201803/e87e5cd7c1ce46ef866f4ec8e2d709ea.shtml> (дата обращения: 09.06.2021).
- 四川省文化和旅游厅机构简介//四川省文化和旅游厅. Система и функции департамента министерства культуры и туризма провинции Сычуань // Департамент министерства культуры и туризма провинции Сычуань,

2014. [System and functions of the Department of culture and tourism in Sichuan province. (2014). Department of culture and tourism of Sichuan Province]. URL: wlt.sc.gov.cn/scwlt/jgjj/introduce.shtml (дата обращения: 15.02.2021).

广东省文化和旅游厅职能//广东省文化和旅游厅. Функции департамента министерства культуры и туризма провинции Гуандун // Департамент министерства культуры и туризма провинции Гуандун, 2014. [Functions of the Department of culture and tourism in Guangdong province. (2014). Department of culture and tourism of Guangdong Provinc]. URL: whly.gd.gov.cn/open_newjgzn/content/post_2720940.html (дата обращения: 15.02.2021).

文化和旅游部主要职责//中华人民共和国文化和旅游部. Основные функции министерства культуры и туризма КНР // Министерство культуры и туризма КНР. 2014. [Main functions of the Department of culture and tourism of the People's Republic of China. (2014). Department of culture and tourism of the People's Republic of China]. URL: https://www.mct.gov.cn/gywhb/zyzz/201705/t20170502_493564.htm (дата обращения: 20.02.2021).

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета Гуманитарные науки Выпуск 7 (849)	VESTNIK of Moscow State Linguistic University Humanities Issue 7 (849)
--	--

Ответственные за выпуск 7 (849)
кандидат филологических наук *С. А. Андреева*
кандидат филологических наук *И. В. Барينو*

Редактор *Н. Г. Павлова*
Верстка *Г. П. Лопатиной*
Дизайн обложки *А. Г. Проскурякова*

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 19.07.2021
Усл. печ. л. 16,0. Формат 60х90/16
Заказ № 67/21

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и/или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Ссылка на издание обязательна